

Татяна
ГАЛУШКО

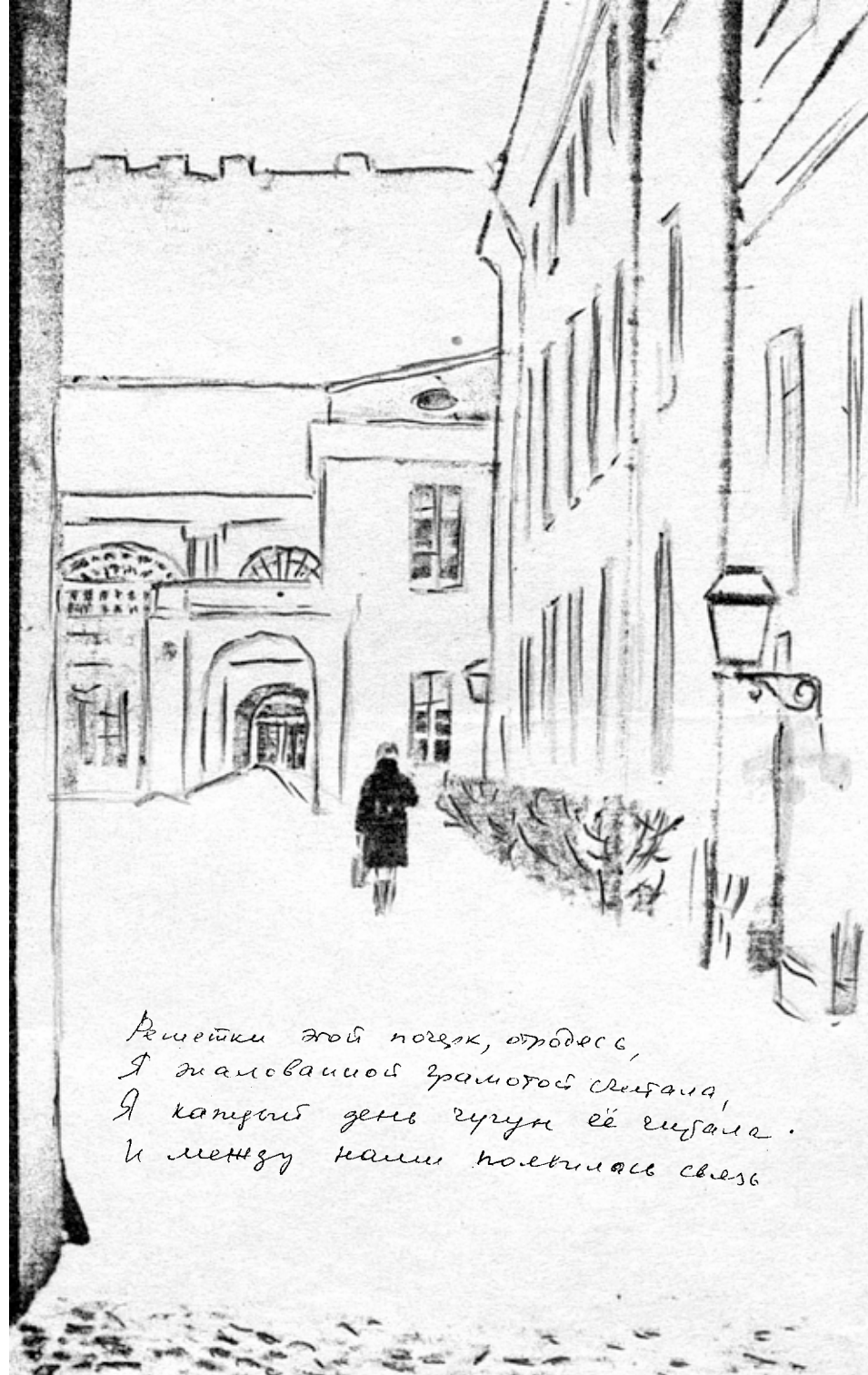

Татьяна
ГАЛУШКО

Решетки этой погек, отродясь,
Я замованим зрамотою слугана,
Я каждый день зурн её слугана.
И между нами поветиась свезь

ТАТЬЯНА ГАЛУШКО

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

WINDROSE

Санкт-Петербург
2018

Вступительная статья, подготовка текста, комментарии
Т. Ф. Нешумовой

Составление *Т. Ф. Нешумовой, М. В. Бокариус*

Послесловие *М. В. Бокариус*

Экслибрис Т. Галушко работы В. Мишина

На фронтисписе: Т. Галушко.
Фото А. Шкляринского. 1962 год

ISBN 978-5-906634-03-0

© Т. Ф. Нешумова, вступительная статья,
составление, подготовка текста,
комментарии, 2018

© М. В. Бокариус, послесловие,
составление, 2018

© Т. К. Галушко, наследники, 2018

© Design Studio WINDROSE, 2018

«ОДИНОЧЕСТВО СЛУХА И РЕЧИ...»

Благоприятные условия? Их для художника нет. Жизнь сама — неблагоприятное условие. Что такое человеческое творчество? Ответный удар, больше ничего.

М. Цветаева

Стихотворения Татьяны Галушко (1937–1988) пока не нашли своего места в истории русской поэзии второй половины XX века. Не дожившая двух лет до принятия закона о свободе печати, обозначившего видимую финальную границу периода параллельного существования разрешенной и неофициальной литератур, она осталась в области недовыявленных и недоосмысленных литературных феноменов, литераторов, по видимой в советское время части наследия которых несправедливо было бы выносить исторический приговор. Примерно половина написанного ею не могла войти в прижизненные ее книги по причине хитрого устройства советского цензорского уха, а доходившие до печатного станка стихи были по этой же причине вынужденно искажены вмешательством чужой воли.

Она никогда не делала попыток опубликовать стихи за границей, понимая, что, будучи матерью троих детей, не имеет права на риск. Составляя списки стихов, делила их на два столбика: «для печати» и «для себя». Знающий ее поэзию в полном объеме Сергей Довлатов 22 декабря 1984 года писал Игорю Ефимову: «...можно со временем соорудить ленинградский выпуск, можно даже прозу и стихи: Бродский, Кушнер, Лосев, Соснора, Глеб Семенов, Лена Шварц, Галушко, Кумпан, Вольф, Рид Грачев, Горожане, Битов, <Валерий> Попов». Вот это созвездие имен и является правильным контекстом для поэзии Татьяны Галушко, с ними и должно быть соотнесено.

Настоящая книга — один из необходимых этапов движения к исторической справедливости. В ней сделана

попытка выстроить хронологически корпус стихотворений поэта. Его образовали извлеченные из архивов до сих пор не публиковавшиеся тексты¹ и лучшие стихи из прижизненных и посмертных публикаций, в редакциях, освобожденных от цензурных искажений.

В 1952 Галушко стала заниматься в литературном кружке Дворца пионеров имени Жданова. Вел его легендарный наставник нескольких поэтических поколений Ленинграда Глеб Сергеевич Семенов. «В середине 50-х Семенов был фактическим руководителем комиссии по работе с молодыми в ленинградском Союзе писателей. Ситуация его как человека беспартийного (а внутренне — сугубо беспартийного) была очень сложной. Он пытался быть и «политиком», и «дипломатом», и вовремя отступить, и вовремя захватить плацдарм. Он не жалел на нас ни сил, ни времени, он считал, что в годы обновления главное в литературе — это молодые», — вспоминал поэт и переводчик Владимир Британишский.

Учитель мой был молод, а не стар,
Но был, подобно старым мастерам,
Отцовски требовательный и жестокий
(Коль попадался твердый материал;
А мягок был, когда работал в воске
Иль хрупкий мрамор одухотворял).

Неформальная общность рядовых «ГЛЕБГвардии СЕМЕНОВского полка» (запомнившаяся шутка А. Городницкого) объединяла несколько поколений ленинградских поэтов². «Глеб учил всех нас искренности во время двоемыслия, поиску правды в потоке

---

¹ К сожалению, с некоторыми лакунами. Например, О. Тарутин упоминает о поэме Галушко «Человек с пером», а Н. Слепакова — о стихотворении со словами «Конь дареный» (о родине), нам не встретившихся.

² От Владимира Британишского (1933–2015) до Елены Шварц (1948–2010).

лжи и безумия»¹. «В отношении печати Глеб Семенов, по своему горькому опыту, ориентировал нас смолоду так, что на эту печать мы мало рассчитывали».

Первые из сохранившихся в архиве стихотворений Галушко датируются 1956 годом. Ей 19 лет, она живет с не встающей с кровати мамой в шестиметровой комнате в коммуналке (спит в гамаке, потому что вторая кровать в комнате не помещалась — «если комнату поставить на ребро, в ней поместятся двое») и... строит свои утопические проекты переделки общества, еще ничего не зная о замаятинской антиутопии, где дома со стеклянными стенами — символ тотального государственного контроля за человеком:

В телефонных будках стеклянные стены,
Это здорово, что стеклянные стены,
Я стеклянные стены возвела бы в систему.

Чтобы каждый, кто мать обидел,
Целому свету был слышен и виден,
Чтобы, опаздывая в субботу,
Мужья не оправдывались работой,
Чтобы люди не лгали знакомым,
Что нету их дома, когда они дома.

Стеклянные стены, стеклянные стены,
Это было бы просто отлично.
А воспитались бы, постепенно
Можно снова вернуться к кирпичным.

До понимающего восклицания «Бываешь ли ты частной, жизнь?!» (в последней недописанной поэме), как бы отвечающего первым словам нобелевской речи Бродского², однозначно предполагающего горький отрицательный ответ, ей еще предстоит пройти долгий путь.

---

¹ Глебова Л. То было время нашего начала // Тарутин О. Возвратиться к истокам любви. Л., 2006. С. 153.

² «Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего...».

С середины 1950-х «наконец появился какой-то воздух, в котором всё не смешано с пеплом, пылью, абсолютным ужасом»¹. «Мы выходили из неисторического состояния (особый опыт как бы переживания вечности в послевоенное сталинское восьмилетие, когда время в воздухе стояло, и основное чувство было, что никогда ничего другого не будет, всегда будет то, что теперь) к переживанию двинувшейся истории»². «Мы начинали на пустом — точнее, на пугающем своей опустошенностью месте, и скорей интуитивно, чем сознательно, мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм»³.

От Г. Семенова и друг от друга студийцы узнавали имена и стихи Цветаевой, Ходасевича, Мандельштама и других запрещенных или насильственно забытых поэтов. «Наше ЛИТО среди всех прочих занимало тогда, пожалуй, позицию, близкую к передвижнической или тяготеющую к малым голландцам или, если хотите, к раннему Ван Гогу: мы радели о правде жизни. Это ставилось во главу угла. И эта наша страсть станет понятной, если вспомнить, что в литературе и в прочих искусствах того времени был советский пафос, лицемерие, гигантомания плюс лакировка, ни о какой правде жизни — ни в социальном смысле, ни в смысле метода в искусстве — и речи не могло идти. Это вытравлялось, преследовалось и просто не допускалось. Отсюда наше тогдашнее желание приблизиться вплотную к жизни и вскрыть или ее неправду и ужас, или ее поэтичность. Предметность, проблема человеческой отдельно взятой судьбы, импрессионизм природы и реализм чело-

---

¹ Айзенберг М. Н. Из выступления в дискуссии «Эпоха застоя как зеркало современности» 1 апреля 2015. URL: <http://rakurs.gaidarfund.ru/articles/2250/>

² Бочаров С. Г. Вспоминая Лидию Гинзбург // НЛЮ. 2001. №49. С. 307

³ Бродский И. А. Нобелевская речь.

веческих отношений — вот что нас тогда занимало»¹. «Семенов воспитывал своих учеников в достаточно консервативной традиции, тогда как предоставленные сами себе “филологи” (Л. Виноградов, Вл. Уфлянд, М. Еремин, С. Кулле — Т. Н.) считали себя восстановителями и продолжателями прерванного в тридцатые годы русского авангарда. Этим определялось и разное отношение к поэта́м двух групп со стороны старшего поколения интеллигенции: “горняков” принимали всерьез, старались по мере возможности помочь им с публикациями, тогда как “филологическое” творчество считалось немного инфантильной игрой <...> Впрочем, “горняков” на “филологических” сходках тоже можно было нередко встретить, серьезного антагонизма между этими группами не было»².

Непечатанные, неизданные,
мы поэты, мы все неистовые,
мы не стоики, мы не йоги,
мы не сеятели семян,
но никто из нас ни на йоту
не откажется от себя.
Не кричим ни «долой!», ни «браво»,
насторожен и сдержан век.
Но вибрируют, как мембрана,
наши нервы всему в ответ.³

---

¹ Кумпан Е. Ближний подступ к легенде. СПб., 2005. С. 11. Прямых сведений о том, что Галушко бывала в ЛИТО Горного института (где учились Городницкий, Британишский, Кумпан, Тарутин), которое вел Г. Семенов, нет. Но, вероятнее всего, она бывала и там, так как занималась ранее в студии Семенова в Аничковом дворце и позднее — в его ЛИТО в ДК Первой Пятилетки.

² Лосев Л. Щит Персея: Литературная биография Иосифа Бродского // Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 27.

³ Британишский В. Петербург—Ленинград. Стихи. Рассказы. Эссе. СПб., 2003. С. 221.

«Тонкая черногровая девушка стремительно пересекла эстраду, встала у самого ее края, чуть выставила вперед плечо, глянула в зал и сказала:

«Сердце».

Когда придет пора уgomониться,
последним стуком прынув из груди,
пройди под солнцем реактивной птицей,
у соколиной пади упади...

А потом читала еще и еще и досадливо взматывала челкой, пережидая рукоплескания. 1957 год, та самая пресловутая «оттепель», выступления поэтов — авторов коллективного сборника «Первая встреча»¹, в большинстве — учеников Глеба Семенова, и среди них — она, Татьяна Галушко, сразу и накрепко запомнившаяся слушателям, потому что невозможно было не запомнить такого редкостного сочетания таланта, темперамента, человеческой красоты...»² «Даже по тем молодым ее стихам чувствовалась ее будущая бесстрашная мощь»³.

3

Летом 1957 года Татьяна закончила третий курс института им. Герцена и похоронила умершую от болезни сердца мать.

Тем же летом руководимое Г. Семеновым ЛИТО Горного института было со скандалом закрыто⁴. «Наш сту-

---

¹ Кроме Галушко во втором выпуске сборника стихов молодых ленинградских поэтов «Первая встреча» (Л., 1957) были напечатаны: Л. Агеев, В. Британишский, Л. Глебова, А. Городницкий, Г. Горбовский, Н. Королева, А. Кушнер, О. Тарутин, В. Уфлянд и др.

² Тарутин О. «Одиночество слуха и речи...» // Татьяна Галушко: Жизнь. Поэзия. Пушкин / Сост. Р. Зеленова. СПб., 2003 (далее: Галушко. 2003). С. 128.

³ Тарутин О. Возвратиться к истокам любви. СПб., 2006. С. 142.

⁴ См. рассказ об этом в воспоминаниях Е. Кумпан «Ближний подступ к легенде» (СПб., 2005).

денческий сборник сожгли в институтском дворе...» — писал в стихотворении «Горный институт» (1992) Александр Городницкий.

12 сентября 1957-го «Ленинградская правда» писала: «Литературным объединением студентов Горного института в течение пяти лет руководил поэт Глеб Семенов. Он пренебрегал необходимостью воспитывать членов литературного объединения в духе глубокой идейности, правильного партийного отношения к литературному творчеству. В результате такого «руководства» в сборниках студенческой поэзии Горного института напечатано немало стихов, проникнутых настроениями уныния, апатии, безразличия к окружающему...» Г. Семенов был на время отстранен от занятий с молодыми поэтами.

На переломе 1959–1960 годов он возглавил ЛИТО на базе ДК Первой Пятилетки, где собралась «чудная компания: Нонна Слепакова, Таня Галушко, Валера Попов (который тогда писал стихи), Марина Рачко (Ефимова), Галя Гампер, Герман Плисецкий, Яша Гордин, Борис Голлер и Нина Королева <...> Из собственно горняков в «пятилетку» перекочевали Олег Тарутин, Гриша Глозман, Леня Агеев, Лина Глебова <...> бывали «старички» Алик Городницкий и Саша Кушнер. Женя Кучинский <...> Но и это ЛИТО закрыто начальством в 1963-м». По свидетельству Е. Кумпан, Татьяна Галушко «была дружна с Г.С. в те годы и оставалась очень близким человеком до смерти Г.С. в 1982 г.»¹.

В шестиметровую комнату Татьяны на Владимирском проспекте часто заходили друзья и «часами слушали ее стихи и стихи других поэтов»².

---

¹ Глеб Семенов и Тамара Хмельницкая: Говорить друг с другом, как с собой: Переписка 1960–1970-х годов. СПб., 2014. С. 168. В архиве М.В. Бокариус сохранились приглашительные билеты вечеров ЛИТО Г. Семенова с участием Галушко от 20 октября 1961 и 27 апреля 1962.

² Слова Ирэны Орловой, записанные И. Дж. Курасом. См.: URL: <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/367-elena-shvarc-pisat-stihi-eto-proklyatie.html>.

В 1959 она вышла замуж за молодого филолога Рюрика Шабалина. «Когда ее мама умерла, Рюрик был на картошке. Ночью Таня подошла к окну и увидела его внизу. Он с трудом на каких-то попутках добрался. Он был в сапогах и в ватнике. И когда Таня открыла дверь, он ей сказал, что он ее никогда больше не оставит... Он был прекрасный человек и хорошо понимал, кто перед ним, понимал масштаб ее дарования»¹. Акварельное чувство счастья, свет молодости и юных надежд пронизывает стихотворение «Один день жизни», чем-то похожее на фактуру и воздух фильмов, снятых по сценариям Геннадия Шпаликова.

Родители Рюрика, доценты Герценовского института, помогли ей вернуться на русское отделение филологического факультета с дефектологического, куда она, скрыв от матери, перевелась сразу после поступления на филфак в 1954: на дефектологическом была больше стипендия.

Через год после свадьбы родилась дочь.

«Они дружили с Осей Бродским, Яшей Гординым, Сашей Кушнером, Витей Соснорой, Олегом Тарутиным»².

В ноябре 1960 Галушко пришла на работу в музей Пушкина на набережной Мойки, 12.

Рассказывает ее подруга и коллега по музею М. В. Бокариус: «Помог устроиться ей Яша Гордин, потому что его отец, Аркадий Моисеевич Гордин, был зам.директора по науке нашего музея. Она пришла в массовый отдел, водить экскурсии. Громом заполнилась вся

---

¹ Здесь и далее закавыченные мемуарные фрагменты без ссылок — из устных рассказов М. В. Бокариус.

² *Бамунер А.* Глазами брата // Галушко. 2003. С. 16.

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ
ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Пятница, 27 апреля 1962 года

Лекционный зал.

Начало в 19 час. 30 мин.

Приглашение

„И песня, и стих—это бомба и знамя“

В. В. Маяковский

КЛУБ ДРУЗЕЙ КНИГИ

приглашает Вас на

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

литературного объединения Дворца

Выступают участники объединения:

ГАЛУШКО Татьяна

ГАМПЕР Галина

ГЛОЗМАН Григорий

ГОРДИН Яков

КАРПОВА Наталья

КУМΠΑН Елена

КУЧИНСКИЙ Евгений

ПОПОВ Валерий

РАЧКО Марина

ТАРУТИН Олег

ХАЛУПОВИЧ Вадим

ШЕВЕЛЕВ Александр

ЮРКОВ Олег

Вечер ведет руководитель объединения

Глеб Сергеевич СЕМЕНОВ

библиотека¹, и сначала Таня мне очень не понравилась. В конце декабря я ушла в декретный отпуск, а когда я вернулась в начале августа, Таня, никого не видя и не слыша, дописывала свою поэму «Противостояние». И вот, когда она стала читать отрывки из поэмы, я впервые поняла, что передо мной поэт.

«Противостояние» (1961) — поэма очень характерная для своего времени и очень слоистая. Полюса «прежнего» и «теперешнего», «мужского» и «женского», псевдоконфликт «физиков» и «лириков», старая как мир личная драма, пунктирно вписанная в панорамный портрет эпохи больших перемен — все темы движутся нелинейно, всё дано отдельными мазками. Для этой ранней поэмы характерны монтажность и интонационные перепады, которыми успел уже запомниться молодой Вознесенский², — и вместе с тем — неожиданные переключки с книгой М. А. Кузмина «Форель разбивает лед», изданной в 1929-м.

---

¹ Ср.: «Она, действительно, не умела говорить тихо, понижать голос до шепота, когда ее что-нибудь волновало, радовало или возмущало, и помню, как в гостиной Дома писателей я говорил ей: «Танька, не ори!», а она, ничуть не смущаясь присутствием чужих нам людей, во всеулышание заявляла по поводу очередной мерзости: «Сволочи! Что они делают?» или, в связи с чем-нибудь, приведшим ее в восторг: «Господи, какое счастье!»» (Кушнер А. «Так начинают жить стихом» // Галушко. 2003. С. 37).

² Ср. позднейшие ее наблюдения в письме от 18 июня 1976 к Р. Зеленовой: «Читаю двухтомник Евтушенко и однотомник Вознесенского — «Дубовый лист виолончельный». Теперь с годами совершенно ясно место обоих. Вознесенский, несмотря на московское пижонство, (временами) художник большого масштаба и очень цельный. И очень мне дорог. А вот у Евг. Евт., несмотря (опять-таки) на отсутствие художественного дарования и принятую на себя миссию просветителя и сеятеля, много пронзительной славянской искренности и любви. Вознесенский мало что любит, а Евт. любит всё и всех: и алкаша, пьющего тройной одеколон, и Курчатова, и японку из сингапурского публичного дома, и Б. Ахмадулину».

Невозможно определенно утверждать, что Татьяна Галушко к этому времени прочитала книгу Кузмина и восприняла ее магический «симфонизм»¹, «разорванную или складную композицию»². Но вероятность этого достаточно велика: Е. Кумпан вспоминает, что Г. Семенов часто читал из «Форели...» наизусть, и она сама еще в студенчестве получила эту книгу именно от него.

Следя за изображением времени в поэме «Противостояние» («У часа морда усатого сома... — Сом шевельнул ленивым усом. / Осталось пятьдесят минут... — Полчаса. Огромная рыбина / прогнула черные плавники... Сом ударил хвостом. / Семь. И еще раз»), невозможно не вспомнить об «ударах» поэмы Кузмина. Галушко делает попытку запечатлеть «нетающую тяжесть увиденного времени» («Противостояние») — «А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет» («Форель разбивает лед»).

Елена Шварц увидела в кузминской «Форели» «полноту жанров» («мистический детектив, сюжет экспрессионистического фильма, романтическая трагедия, гофманиада и трагический водевиль»). Сходное — еще совершенно наивное, но дерзкое по смелости — смешение и смещение жанров пробует в «Противостоянии» Галушко: открывающий поэму хор «Мы поэты, мы все неистовые» сменяется лирическим монологом «Я ревновала к женщинам азартно», сатирическое изображение «лилипудов в роли Гулливеров» и «тетки с колбасами» разрезает «блатная» песня о судьбе и «суденыше», попытка обобщенного изображения молодого поколения — «какие же мы, теперешние» (со всеми пестрыми реалиями конца 1950-х от «лыж» и «физиков» до Кастро) — и неразрешимая «проблема любви» к герою, с которым невозможно соединиться.

---

¹ Шварц Е. Заметки о русской поэзии. Земная плерома // Вопросы литературы. 2001. № 1.

² Синявский А. Д. Литературный процесс в России. М. 2003. С. 287.

В отдельный цикл складываются лирические стихотворения 1959–1963 годов, обращенные к поэту Олегу Тарутину. Теперь, когда ни его, ни ее уже нет в живых, кажется, можно написать об этом. Любовь — как в «Мастере и Маргарите» — «выскочила, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила сразу обоих» — но каждый из них был уже несвободен, имел семью. «Нам кажется, что в нас не то, / И это честная неправда» — писала Галушко.

О, если б кто предрек твое «люблю»,
 Когда мы были всё еще ничьими,
 Когда я раскрывался, как моллюск,
 Любой любви навстречу. Это имя

Я повторял бездумно, для других,
 Не зная, что сияешь ты на свете,
 Что два касанья солнечной дуги
 Соединяют нас. И я не встретил.

А нынче, как на встречных поездах,
 Нам семафоры разные мигают.
 Любовь моя! Далекая звезда,
 Лишь по тебе мой компас я сверяю.

Не угасай, свети, как кораблю...
 О, если б кто... Прощай, задраен люк.

Это один из 15 сонетов Тарутина, обращенных к Галушко («венок»)¹. Ее ответ: «Ты прав. Есть право только на сонет / У нас с тобой». Возможность соединения рисовалась в воображении:

Давай уедем в другой город,
 В модальном мире найдем нишу

---

¹ Архив М. В. Бокариус.

Для сопряжения двух глаголов,
Как двух стропил под венцом крыши.

Неутоленность чувства рождала ее лучшие любовные стихи:

Забудь, перетерпи, переиначь,
И всё равно — останется улика:
В твоих стихах — мой колокольный плач,
В моих — твоя щемящая улыбка.

Как связь между влюбленными слаба,
Немая связь насытых губ и взглядов,
Но в русском языке твои слова
С моими рядом. — Слава богу, рядом.

Я их беру. Как воду. Ртом. Беру,
И в сладком воровстве моем не каюсь.
Я лепечу, шепчу их и ору,
Я этими словами задыхаюсь.

И ты, я знаю, так же, как и я!
В твоём хоре, расходясь кругами,
Многоголосая душа моя
Раскачивает медными серьгами.¹

7

«Таня была страшная непоседа. Проведя экскурсии, она рвалась в Эрмитаж, на выставки, в ЛИТО. Рюрик забирал дочку из яслей и приходил с ней в музей. Лена играла во дворе, а мы с ним стояли и разговаривали... О нем есть у Шкляринского песня:

---

¹ Эти стихи, даже в испорченном при публикации виде, отнесла к лучшим стихотворениям первой книги Галушко «Монолог», вышедшей в 1966, проницательная Т. Ю. Хмельницкая.

Всё так непросто. Всё так непросто.
Как же нам быть?
На дальний остров, на дальний остров
Мне не доплыть...

Его очень любили все, с кем дружила Таня. Все друзья, все поэты. Когда праздновался вечер 80-летия Тани, С. А. Фомичев, известный пушкинист, сказал, что он не может не прийти на этот вечер, потому что он учился на одном курсе с Рюриком).

28 июня 1963 произошла трагедия — внезапно от разрыва сердца Рюрик умер.

В 26 лет Татьяна Галушко осталась вдовой с трехлетней дочкой на руках.

Мой свет, мой мрак сошелся клином
И нету жеста — «выбирай».

Плач по мужу, необходимость жить дальше, горькие грани вдовства «без проблеска, без отголоска», «осиротевшей женственности участь» — в цикле «Памяти Р.», в стихотворениях 1964 года. Прочитавший их Г. С. Семенов писал Т. Ю. Хмельницкой 21 сентября 1965: «Была у меня Таня Галушко, читала стихи, а потом и оставила их. По-моему — очень хорошо и всерьез. Хотел бы, чтобы Вы послушали ее — это судьба, это всё о себе и очень откровенно. Сама Таня <...> стихов своих недооценивает. Этакая крикливая “Ева XX века”, как говорили про Анну Маньяни»¹.

Страстность, азартность, склонность к яркой афористичности, которыми была природно одарена Татьяна Галушко, создавали неожиданную проблему; она часто слышала: «похоже на Цветаеву». Это вызывало протест: «Таня заявила, что терпеть не может Марину Цветаеву, никогда не будет ее читать (тогда еще М. Цветаева

---

¹ Глеб Семенов и Тамара Хмельницкая. Говорить друг с другом, как с собой... С. 166.

не была издана¹). По словам Тани, ей все время говорили, что Цветаева повлияет на ее стихи»².

8

В музее Пушкина Татьяна Галушко проработала больше 25 лет, почти весь этот срок — в экспозиционном отделе. «То были знаменитые “Бироновы конюшни”, памятник архитектуры 18 века <...> приспособленные под хозчасть (там служили сплошь отставные полковники-гебисты) и наш экспозиционный отдел (полубогема-полудиссида). Мойка, 12 — вход со двора, мимо Пампуша (маленький бронзовый памятник Пушкину), входная дверь в правом углу, — вспоминает 1965/1966 годы Н. Рубинштейн. — Когда мы работали вместе в Музее Пушкина на Мойке <...>, там было пятеро поэтов: Татьяна Галушко, Тамара Буковская, Татьяна Калинина, Анатолий Пугач и Сергей Стратановский. Там был блистательный наш неумный и вздорный шеф Сеня (Семен Семенович) Ланда, которого распирало от всевозможных — невозможных к воплощению идей — ни в печати, ни в музейной экспозиции. Оттепель только что медным колпаком накрылась. И недавнее полуможно стало никак нельзя... Год в ВМП³ стоил пяти в Герценовском. Не музей, а прямо семинар плюс ЛИТО»⁴. С.С. Ланда «был полонист, очень рано стал

---

¹ В стихотворении памяти Кирилла Косцинского Владимир Британишский писал:

Цветаеву же добывал — Кирилл,
В глубинах ленинградского спецхрана.
И нам с Володей Уфляндом дарил
Крупницы той добычи: грамм, полграмма.

² *Бокариус М. В.* Признание Янусу // Галушко. 2003. С. 70. Это «подростковое» заявление очень понятно. Называя Цветаеву среди пяти своих любимых поэтов в Нобелевской речи, Бродский замечал, что «любая из них способна обречь на абсолютную немоту».

³ Всесоюзный музей Пушкина.

⁴ <http://inphuzoria.livejournal.com/18410.html>

ездить в Польшу. И это он привозил и Кафку, и Камю, и Фолкнера. Мы эти имена впервые слышали от него. Он просто приходил в библиотеку и читал нам «Шум и ярость», «Процесс», переводил прямо с листа. Часто заходили Саша Панченко (в отделе экспозиции работала его будущая жена Ирина Муравьева), В. Э. Вацуро, приезжал из Москвы друг Ланды Валентин Непомнящий»¹.

Недолгое время, в 1965–66, в музее работал недавно закончивший университет (блоковский семинар Д. Е. Максимова) Самуил (Саня, как звали его друзья) Лурье (снискавший позже славу тонкого эссеиста). «Этот писал черт-те что, вроде как прозой, и вроде как критику, а выходили такие миниатюры тончайшей выделки — желчью по жести»². Галушко отнеслась к нему с большой нежностью, разглядела в его профиле сходство с грибоедовским и, судя по стихам, по-женски развернулась в его сторону: «Кочевница, звала с собой / Странника». В 1966 Лурье ушел из музея в журнал «Нева». Его имя не раз упомянуто в письмах Татьяны к Роне Зеленовой: «Я с удовольствием прочла про выставку Б<орисова>-М<усатова>, сама не успела на нее, но я его не люблю, и с интересом поспорила бы с Саней и выслушала бы его, потому что слушать его — всегда наслаждение, независимо от собственной точки зрения. Великое обаяние ума всегда есть великое очарование» (9 августа 1973); «Саня написал 4 печ<атных> листа про Писарева. Читаю. Интересно как модель вечных внутрилитературных свар. И вполне для ЖЗЛ, т.е. печатабельно». (24 марта 1978; в том же письме сообщает, что читает Дидро и «Нравственные письма» Сенеки).

9

Есть особый вид человеческого родства, основанный на общей памяти о рано ушедших товарищах. Он сближает, может быть, не меньше ночей, проведенных

---

¹ Рассказ М. В. Бокариус.

² <http://inphuzoria.livejournal.com/18410.html>

в разговорах, чтении и слушании стихов. Печатью такого родства отмечено отношение Татьяны Галушко к Бродскому. В стихах, написанных на его отъезд из СССР, она восклицает:

Прощай же, милый! Знаешь, что мне жаль?
Что Рюрик, ты и Федя Добровольский,
Всё знавшие про город этот скользкий,
В такую даль ушли, в такую даль!

Их общий знакомый Федя Добровольский, умерший в 1960, — герой нескольких ранних стихотворений Бродского. По словам Л. Лосева, это была первая оплаканная Бродским смерть.

10

Рассказывает М. В. Бокариус: «13 мая 1963 я шла по коридору Дома кино на просмотр фильма и услышала голос. Этот голос заворожил меня. Я приоткрыла дверь: напротив меня на подоконнике сидел Саша Шкляринский, Танин приятель, тоже поэт. И он меня поманил. Я тихонечко прошла и села рядом с ним на подоконник. А стихи читал Бродский: “Рождественский романс” и “Холмы”. Я была потрясена... Придя на другой день на работу, я в восторженных словах рассказала обо всем. Таня сказала: “Оська! Господи, да это мой друг! он хороший поэт. Они у меня дома собираются, читают...”¹ Прошло два или три дня, и во дворе музея раздался крик: “Танька! Танька!” — я узнала голос и подошла к окну. Там стоял Бродский... Вообще приходили все поэты туда к ней».

«Помню какое-то многолюдное застолье у Тани Галушко, она тогда с Рюриком <...> жила во флигеле Герценовского института. <...> Все сидят за столом, а Иосиф ходит кругами около. “Ося, выпей!” — кричат

---

¹ А. Шкляринский свидетельствовал, что Бродский ценил поэзию Галушко, «выделял даже из немногих. Любил Танин ясный ум, начитанность, вкус. Честность».

от стола и протягивают бокал с сухим вином. “Нет, не хочу, не пью сегодня”. — “Ося, стихи почитай”, — басыт Татьяна, и Ося читает»¹.

«За стеклом книжного шкафа у Татьяны всегда стояла фотография молодого и веселого Иосифа Бродского с дарственной надписью: “Каким я был, таким я НЕ остался”. Но однажды фотография исчезла, и Таня очень горевала.

В прощальном стихотворении 1972 года “Письмо уехавшему другу” <...> есть строки:

Теперь твой жребий принял вид канона.
Как стих. Как Летний сад, вечнозеленый,
С классической решеткой — на душе.

Они напоминают мне прекрасную летнюю ночь 3 августа 1967 года. Около пяти утра сквозь сон я услышала, что меня окликают по имени. Выскочила на балкон <...> Внизу стояли смеющиеся Таня, Иосиф Бродский и Саша Шкляринский. Они кричали, что прогуляли всю ночь в Летнем саду, а сейчас просят напоить их кофе. Узнав, что у нас в квартире нет ни душа, ни ванной, Бродский передумал заходить. А Таня в это утро за моим столом записала обращенное к Бродскому стихотворение “Признание Янусу”».

В архиве Галушко сохранилась тонкая школьная тетрадь с вложенными листочками, в которых ее рукой переписаны «Речь о пролитом молоке» (в конце 1960-х) и «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» (видимо, в середине 1970-х)².

В «Стансах 1980» Галушко вспоминает о Бродском, не называя его:

Над улицей художника не вьется
Однофамильца ссыльный серафим.

---

¹ Кумпан Е. «Ближний подступ к легенде». СПб., 2005. С. 282.

² ЦГАЛИ СПб.

Возможно, о Бродском Галушко думала, когда писала стихотворение «Дружба всегда права / Не равенством — тяготеньем...». Косвенное подтверждение этому — ее неологизм «коемужд» (вместо нормативного старославянского «коемуждо», употребленного в 17-й строфе «Речи о пролитом молоке»¹) и рассуждение о «равенстве» — подхватывающее тему, затронутую Бродским в этой поэме.

11

В 1966 в Лениздате вышла первая книга Галушко «Монолог», такая тоненькая, что скорее не книга, а книжечка. Она вышла под одной оберткой «Первая книга поэта» с шестью книгами других авторов.

В ленинградском «Дне поэзии» 1967 года появился значительный и в целом очень сочувственный разбор Т. Ю. Хмельницкой. Сетуя на неровность книги «со многими рывками и срывами, со стихами, подчас необязательными», она отмечала «беспощадное раскрытие себя, прямой автобиографизм», самостоятельность «в выборе поэтических тем, образных ходов, звуковых ассоциаций», сочетающуюся в свободном следовании в лирике Галушко поэтическим урокам Мандельштама: «Она — побег на этой стиховой ветви, несправедливо забытой и еще очень плодоносной для настоящего и будущего нашей поэзии». Хмельницкая увидела во «взрывчатости, трагической силе образа и стремлении заглянуть в корень слова» родство с Цветаевой: «через звуковые ассоциации раскрывается обновление смысла слов, сближенных как будто произвольно, их ошеломляющее, но в поэтическом мире органическое соединение». Выделяя как самый значительный в книге цикл

---

¹ Л. Лосев предполагает, что «Бродскому это архаическое речение запомнилось по произведшей на него сильное впечатление в молодости «Поэме горы» Цветаевой» (комментарий в кн.: *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 522). У Цветаевой: «коемужды».

В честь XXII съезда КПСС

20

октября
1961 года

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР
литературного объединения

Лекционный зал

Начало в 19 ч. 30 м.

УЧАСТВУЮТ МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ:

Татьяна ГАЛУШКО

Григорий ГЛОЗМАН

Яков ГОРДИН

Елена КУМΠΑН

Евгений КУЧИНСКИЙ

Нонна СЛЕПАКОВА

Виктор СОСНОРА

Олег ТАРУТИН

Вадим ХАЛУПОВИЧ

Александр ШЕВЕЛЕВ

Александр Шкляринский

Олег ЮРКОВ

Руководитель —

Глеб Сергеевич СЕМЕНОВ

«Медая», Хмельницкая заключала: «В монологах Медеи Галушко все время оперирует предельной метафоричностью, сгустками преувеличенных образов»; «На таком пределе и накале трудно жить долго даже в стихе»¹.

12

Стихи Галушко попадают в поле напряжения между двумя знаменитыми цитатами: «Я научила женщин говорить» (Ахматова) и «Что увидели — не скажем. Наше дело бабье, рыбье» (Цветаева) — и озвучивают позицию понимающего неговорения «первородной гармонии»: «Мы о любви иное помним, / Но не расскажем ничего»; «Прислушайся, я знаю силу / Неизреченности своей»; «Жизнь безглагольна»; «И города одушевленный камень / Лег под язык. И стала я нема»; «речи — мнимы»; «А беззвучное поле / Бережет семена». В последней цитате — совершенно естественный для нее параллелизм: женское = земное (в стихах Галушко слова «земля», «земное» употреблены 89 раз!). «Завоевывай эту бесхозную землю, / Мое дикое поле, которое жаждет тебя».

Там, в земле, сейчас растет трава
Острыми, как пламя, языками.

---

¹ Хмельницкая Т. О первых книгах // День поэзии 1967. Л., 1967. С. 138—140. Ср. слова Хмельницкой о Галушко в частном письме (февраль 1974 года): «Ее стиховое слово полномерно и чувственно, строка — густая и окрашенная. Она пристрастна к чужеродным звучаниям — античным, армянским, молдавским, особенно в любовных стихах. Она впитывает в себя эту чужеродную окраску через любовь, через способность покоряться, перевоплощаться и отражаться в чьих-то восхищенных глазах. Это шумные, веселые, неумные стихи. Странное как будто сочетание, но в них какая-то гармоническая крикливость — южная яркость сочного плода и вязкость тягучих сладостей в этих ленивых, протяжных полуденных строках. <...> Она восхищает и раздражает одновременно. Но это настоящие стихи» (Письма Т. Ю. Хмельницкой к И. И. Подольской // Звезда. 2017. №9).

Я сама пробита остриями —
Там, во мне, сейчас растут слова.

В этот же образный ряд встраивается тема утробы. Цветаевский образ «ненасытная прорва земли» в стихотворении Галушко памяти Цветаевой антонимично перевернут:

Утроба,
Шар земной под сердцем носить
Взявшаяся до гроба.

— так Галушко определяет максимализм и всеотзывчивость Цветаевой.

В стихотворении «Отлюбленные, все они во мне...» этот мотив возникает в автопортрете героини:

Как будто я
беременна людьми,
Угасшими для сердца.
Постоянно
Шевелятся они во мне.

В стихотворении о Н. Н. Пушкиной: «А он ей ночью на живот / Клал обожающе ладони». Самого для себя дорогого (Пушкина) защищала самым для себя дорогим (земным).

13

Ощущение откачиваемого воздуха — после суда над Бродским, после «проработки» выступившего на суде со стороны защиты Таниного учителя по Герценовскому институту Е. Г. Эткинда, после процесса Синявского и Даниэля, — было чувством завершения недолгого периода «оттепели». Стихотворение-эмблема этой эпохи — «Андромеда» (ноябрь 1965):

Всё видеть — но какой ценой!
Добро бы бой, а то — побоище...

Змееволосое чудовище
Всегда летает надо мной.
А мне нельзя окаменеть
Под ежедневными угрозами,
Как ясновидящему озеру
Нельзя насквозь оледенеть.
Оно лежит себе, лежит
Под берегами каменистыми,
И всё высокое, всё низкое
Во глубине его бежит.
Хоть облаком его просей,
Хоть ветром перерой, как обыском —
Оно к таким способно отблескам,
Каких не видывал Персей.
Но чем дышать? Куда глядеть?
Как петь надорванными горами?
Всё небо занято горгонами.
Но мне нельзя окаменеть.

Самое известное ее стихотворение этого времени —
написано в апреле 1964 года — о вынужденном уходе
в переводы лучших русских поэтов:

О, иностранцы, как вам повезло!
Вы в переводах гениальны дважды.
Нам открывало вас не ремесло,
Но истины преследуемой жажда.
Благословляю этот плагиат,
Когда, прибегнув к родине инакой,
Из Гете, как из гетто, говорят
Обугленные губы Пастернака.
Когда дыханья не перевести
От мерзостей кремлевского Макбета,
Что оставалось русскому поэту?
Раскрыть Шекспира и перевести...

«Эти строки мне запали навсегда, они и теперь ка-
жутся мне гениальными, в них сжато все, что я мог

бы изложить в долгих рассуждениях...» — писал в «Записках незаговорщика» Е. Г. Эткинд¹.

«Свои свобододлюбивые стихи 60-х годов Татьяна громко читала с подмостков залов, “трещавших по швам” от напора молодежи»². Как писала она позже: «Вернулись времена Гомера: / Изустно существует стих».

Запись Е. Кумпан: «2 ноября 1968. Вечер молодых поэтов в ВТО на Невском. Читали Саша Кушнер, Таня Галушко, я, Саша Шевелев, и заключала чтение Галина Гампер <...> Вел вечер <...> Саня Лурье и о каждом из нас говорил очень точно и очень изысканно. <...> Когда читала Таня, я вздохнула: как после Тани читать!»³

Другой вечер того же года вошел в историю литературы. О нем рассказал Сергей Довлатов⁴ в своей «Невидимой книге»: «Пригласительные билеты выглядели так:

Вторник, 30 января 1968 г.

Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР
приглашает Вас на
ВСТРЕЧУ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
Выступают поэты и прозаики:
ТАТЬЯНА ГАЛУШКО
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

---

¹ Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика: Барселонская проза. СПб., 2001. С. 122 (впервые издана в Лондоне в 1977 г. Имя Галушко по этой причине не называлось).

² Зеленова Р. Комментарий к тексту Б. Иванова «Свой человек в Большом доме» // Галушко. 2003. С. 61.

³ Цит. по: Глеб Семенов и Тамара Хмельницкая. Говорить друг с другом, как с собой... С. 448.

⁴ Г. Трифонов пишет о том, что Довлатов, работавший в многотиражке завода «Красный треугольник», опубликовал там стихи Галушко, и это была ее первая публикация (Галушко. 2003. С. 42). Сведений о работе Довлатова в этой многотиражке нам обнаружить не удалось. Хотя Довлатов, действительно, с юности был знаком с Галушко.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
ЕЛЕНА КУМПАН
ВЛАДИМИР МАРАМЗИН
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Молодые артисты, художники, композиторы.
Начало в 19 часов. Встреча состоится в Доме
писателя им. Маяковского (ул. Воинова, 18).

Кроме того, собирались выступить Бродский и Уфлянд. Их фамилий не указали. Народу собралось очень много. Сидели на подоконниках. Выступления прошли с большим успехом. Бродский читал под неумолкающий восторженный рев аудитории.

Через неделю он позвонил мне:

— Нужно встретиться.

— Что случилось?

— Это не телефонный разговор.

Если уж Бродский говорит, что разговор не телефонный, значит, дело серьезное.

Мы встретились на углу Жуковского и Литейного. Иосиф достал несколько листков папиросной бумаги:

— Прочти.

Я начал читать. Через минуту спросил:

— Как удалось это раздобыть?

— У нас есть свой человек в Большом доме. Одна девица копию сняла.

Вот что я прочел:

Отдел культуры и пропаганды ЦК КПСС
тов. Мелентьеву

Отдел культуры Ленинградского ОК КПСС

тов. Александрову

Ленинградский ОК ВЛКСМ

тов. Тупикину

“...прочтения заурядных в художественном отношении, но совершенно оскорбительных для русского народа и враждебных советскому государству в идейном отношении стихотворных и прозаических произведений

В. Марамзина, А. Городницкого, В. Попова, Т. Галушко, Е. Кумпан, С. Довлатова, В. Уфлянда, И. Бродского” — и дальше, чтобы не быть голословными, авторы письма давали краткую характеристику каждому выступавшему.

“Не раз уже читала со сцены Дома писателя свои скорбные и злобные стихи об изгоях Татьяна Галушко. Вот она идет по узким горным дорогам многострадальной Армении, смотрит в тоске на ту сторону границы на Турцию, за которой близка ее подлинная родина, и единственный живой человек спасает ее на нашей советской земле — это давно почивший еврей по происхождению, сомнительный поэт О. Мандельштам”».

«Донос этот имел настолько откровенно антисемитский характер, что по тем временам, когда официальный антисемитизм у нас стыдливо отрицался, выглядел довольно ярко»¹, — писал А. Городницкий.

«В жернова партийного аппарата после доноса В. Н. Щербакова и К^о попали все участники литературного вечера <...> Татьяну вызывали на беседы в Большой дом к куратору Союза писателей от КГБ, отказали в въездной визе в США на поездку к родственникам»².

«Температура оттепели осталась лишь нашей внутренней температурой»³.

Разве нас вьюги убьют?
Кто мне в расцвете, как цензор,
Напоминает о них,
Кто мне над ухом звенит?

«Татьяна Галушко была одним из тех людей, благодаря которым жизнь в шестидесятые — восьмидесятые

---

¹ *Городницкий А. И* вблизи, и вдали. М., 1991. С. 185.

² *Зеленова Р.* Комментарий к тексту Б. Иванова «Свой человек в большом доме» // Галушко. 2003. С. 59. (Родные сестры матери Татьяны уехали в 1913 и жили в Америке.)

³ *Иванов Б.* *Свой человек в Большом доме* // Галушко. 2003. С. 54.

оказалась более осмысленной и легче переносимой, нежели могла быть», — написал Александр Кушнер (ср. строки из письма Галушко Роне Зеленовой от 23 марта 1978: «С Кушнером и Соснорой довольно часто выступаем вместе и у нас в музее как-то обедали. Саша в совершенном мраке. Вчера, растерянно улыбнувшись, сказал: “Дышать нечем...”»).

«Сопротивляться нужно было не только власти, но и всеобщему отсутствию — отсутствию способа жить, способа говорить»¹. «Очевидно, это и является главным уроком 70-х, жизнь сквозь отчаяние, жизнь в понимании того, что отчаяние — это не последнее, что что-то существует и за ним и что к отчаянию можно отнести как к рабочему состоянию»².

14

В 1971 году был установлен монумент защитникам Невского пяточка, т.н. «Рубежный камень». На нем были высечены строчки, сочиненные Татьяной Галушко.

ВЫ
ЖИВЫЕ
ЗНАЙТЕ
— что с этой земли
мы уйти не хотели
и не ушли,
мы стояли насмерть
у темной Невы,
мы погибли,
чтоб жили вы.

Вскоре после этого Галушко удалось издать вторую книгу. Свою первую книгу она не любила и отсчет вела со второй, «Равноденствие», вышедшей в 1971 году

---

¹ <https://lenta.ru/columns/2017/03/29/aizenberg5/>

² Айзенберг М. Вне образа и подобия: Культура как способ существования. URL:

с подзаголовком «Первая книга стихов». Но некоторые важнейшие стихи заведомо не могли быть напечатаны и даже не предлагались, а те, которые, казалось, не могли вызвать цензурных препон, были сочтены слишком откровенными или требующими переделки.

Сохранилась машинопись с пометками заслуженно уважаемого редактора — «железной, прошедшей через войну и всяческие советские преследования и чистки»¹ Минны Исаевны Дикман (подготовившей тома В. Брюсова и Ф. Сологуба в большой серии «Библиотеки поэта»). Рядом со строчками «Не приста- ни ждала — крыла летного» Дикман пишет на полях: «Он летчик или это метафора?», в строке «Ты прав. Есть право только на сонет» подчеркивает «только» и ставит вопросительный знак. Можно только посочувствовать поэту, вынужденному отвечать на такие вопросы...

Тем не менее книга вышла. С. Лурье написал в рецензии, что она «отражает интерес автора к поворотным моментам душевной жизни, к тем мгновениям судьбы, когда чувство достигает предельной силы, освещая все вокруг, и словно бы останавливает время».

Следующей, третьей книги — «Образ» (Л., 1981) — пришлось дожидаться 10 лет. В 1984 году о ней написал Анатолий Пикач. Цитата из стихотворения Галушко, давшая название его статье «Час особенный», неумышленно, но и не случайно отсылает к «часу зачатному» в те годы совершенно забытой Марии Шкапской, поэту, с чьим творчеством должно бы быть соотнесено творчество Татьяны Галушко в первую очередь.

15

«Женское — самая таинственная из тайн мира. В женской душе горит своя радуга: семь полос, семь бездонностей — легкость, влюбленность, образность, нежность, терпение, жертвенность, материнство — все они соединены в ней божественно-непонятым соединени-

---

¹ Попов В. Горящий рукав // Звезда. 2006. № 6.

ем», — писала в 1917 в предисловии к книге Шкапской Зинаида Гиппиус. «С поэзией Шкапской впервые в целомудренную русскую литературу вошла очень интимная, а потому и несколько скандальная <...> тема женского пола и плоти», — пишет современный исследователь. Войти-то вошла, но очень скоро ей пришлось выйти: в соцреалистическом каноне она была неуместна. Поэтому на новом историческом этапе для этой, уже «открытой», темы приходилось заново рождать слова и оказываться в ложной роли мнимого первоходца. От «раскипелась во мне кровь-руда» Шкапской к «кровеносному ложу», «замурованной крови», «хотенью плоти», «первородной гармонии» Галушко моста как бы не было, их поэтические миры остались стоять как башни по разным берегам, не видящие друг друга, разделенные рекой насильно навязанного забвения.

«Может быть, я не настоящий поэт. Меня всегда больше заботит — как бы не помешало мое творчество — моей живой реальной жизни» — писала Шкапская. «"Что для тебя самое главное?" — однажды спросила у Тани и была уверена, что услышу в ответ: "Стихи", — рассказывает М. В. Бокариус. — А Таня сказала: "Конечно, дети!"».

В 1968-м году Галушко познакомилась с Каро Санасаряном и вышла за него замуж. Осенью 1969, после рождения первого сына — Тиграна, Татьяна уехала в Киев, где Каро учился в аспирантуре, и прожила там до 1972, а потом вернулась в родной город и восстановилась на работе в Музее Пушкина. Каро устроился на работу в Ленглавснаб, где прослужил многие годы. Они получили квартиру. В 1973 году родился младший сын Армен. Они были счастливы и прожили вместе до смерти Татьяны Кузьминичны.

Утверждение за материнством первенства в негласном споре Поэзии и Жизни — кровная для Галушко тема.

Где слава? Для чего успех?
Зато я поутру увижу,
Как над водой неподвижной,
Над чернотой клубится снег,
Не торопясь сойду с крыльца
И постою под этой манной,
Пока в окно не крикнут: «Мама!»
Два перепуганных птенца.

16

Борьба за выживание своей новой семьи и стала выбором судьбы: «Путь выбран. Я равна судьбе и теме». Она не уехала из страны, когда в начале 1970-х открылась такая возможность, она не ушла в неофициальное подполье дворников и сторожей, а, оставшись во внутренней эмиграции, выбрала материнство, музей, просветительство.

Отчего нас было много,
Когда молодость была?
Отчего теперь дорога
Одинока и бела?

Как проверить: я отстала
Или вырвалась вперед?
Или впрямь душа устала
И своих не узнает?

«Я отказалась от того, от чего давно пора было, совершенно сознательно, исчерпав эту старую жизнь. Она меня не влечет и не манит. Потому и пришло другое — любовь, что бросила гнилье литературной богемы. И не вернусь никогда. А друзья — если друзья — были и останутся... Жизнь — процесс столь же стихийный, сколь и сознательный...» (из письма к Р. Зеленовой от 14 января 1974).

Жизнь подарила ей возможность реализации творческих сил в музейной работе. Галушко с коллегами выстроила экспозиции в Музее Пушкина на Мойке, 12, в ленинградском Некрасовском музее, на Даче Китаевой в Царском Селе, подготовила масштабную выставку в Манеже, посвященную 150-летию декабристов, организовала первую выставку Нади Рушевой в Ленинграде (1967), выступала с лекциями о пушкинской эпохе, подготовила, но не успела увидеть изданными книги «Раевские мои...», «Пушкинский календарь»¹.

И только стопка старых книг
В настольном центре мира...

Ей было дано то, что, тяжело формулируя, можно назвать «талантом исторической реконструкции и благодатью сочувствия» к давно ушедшим людям, но сама она сказала об этом словами, легкими, как ее развевающая челка:

Мне звенит весь вечер
Мчащегося пониманья
Ослепительный бубенчик.

Вот один из примеров ее удивительно точной реакции на событие — частное письмо о выставке сокровищ Тутанхамона в ГМИИ: «Молодец история, представившая человечеству чудо древнеегипетского искусства не пирамидой прославленного имени, проецируемого на войны, законы, страсти, т. е. на личность известную, и тем самым увеличивающая ценность находки. Известность, скажем, Клеопатры, или Аменхотепа IV, или Рамзеса II создавала бы прибавочную стоимость, сросшуюся с вещью, а тут — ноль мемориальности,

---

¹ Книги Т. Галушко «Раевские мои...» (подготовлена Т. Калининой) и «Пушкинский календарь» (подготовлена Н. Слепаковой). Изданы в Ленинграде в 1991 году.

привязанности к чему-либо. Тут природа сама создала мемориал, оставив нам прекрасное лицо 18-летнего мальчика в расцвете юности, образец человека, не успевшего запятнать себя славою прелюбодея, тирана или кровопроливца, покинувшего жизнь без судьбы — потому что судьба была — воскреснуть и стать бессмертным через 3400 лет».

А мы? Далеко ли ушли? А сейчас человек
На сцене судьбы нам покажется столь же хорош?

17

«Разбирая ее черновики, исчерканные совсем как у ее “патрона” А. С. Пушкина, и выуживая из них никем еще не читанные строфы и целые стихотворения, я порой не могу удержаться внезапного воя любви к ней и горя за нее, непризнанную и недожившую» — писала Нонна Слепакова, готовя посмертную журнальную публикацию Галушко¹.

В полном отчаянии, отдавая последние силы на сражение за элементарные условия жизни для своей семьи, Галушко писала:

Я ли это кричу: «Пропади
доля женская? Всех ненавижу!» —
И, дитя оттолкнув от груди,
наживаю кошелками грыжу?

«Пушкинисткой с кошелкой» назвал ее Евтушенко в недавней статье². Я представляю себе, как разъярилась бы она сама на эти слова.

18

Я, как Мария Петровых,
Была собою — во-вторых,

---

¹ Слепакова Н. «Конь дареный» // Звезда. 1989. № 9. С. 174.

² «Новые известия». 2010. 13 ноября.

А кем была во-первых,
Не знаю. Разными людьми.
Тобою. Нашими детьми.
Сама себе соперник.

Подводя последние итоги, Галушко вынесла «отчаянно твердый, очень субъективный, словно обжалованию не подлежащий приговор»¹:

Жизнь прошла, а музыкой не стала.

Нет, стала. Зазвучал другой тембр, включилась другая гармония, зазвучал по-новому голос. Медя заговорила о блокадном детстве, о мраке коммуналок. Музыка ее последней поэмы «За всё заплачено — не забудь!» — это некрасовская, гейневская желчь, трудная горечь «последней правоты» человека, заглянувшего в приблизившиеся глаза смерти и простившегося с земными страхами: «Не ужас, а боль свободы в груди».

19

Прочитанные в хронологическом порядке стихотворения Галушко складываются в своеобразный роман в стихах, рассказанный от имени взрослеющей, повзрослевшей и уходящей из мира женщины.

Череда автопортретов обозначает вехи жизни:

«девочка румяная» «в пижаме с верблюжонком на груди», «Девочка с челкою. / В валенках маминых, / С носом как пуговка».

Вступающая в жизнь девушка:

Духовность облика? Куда!
Я вся была — первотворенье.
Рывок, пыланье, нетерпенье,

---

¹ Палей М. Отпечаток огня (рецензия на книгу Галушко «Древо времени» (Л., 1988)) // Литературное обозрение. 1989. № 12. С. 60—63.

Зрачков магнитная руда.
Не уложить тайги волос,
Не согласить лица с величием.

Молодая женщина:
«Лик раскосый / Почти кинозвезды».

Умудренный опытом человек:

Но обдуманно, трезво, счастливо,
Растворенная в быстрой толпе,
Я беру эту зрячую лиру,
Я ее выбираю себе...
А теперь без ветрил и прибоя, —
Улыбаюсь я, слившись в одно
С многоглавой мгновенной роднею
На земле, где тепло и тесно.

Полная боли и отчаяния из-за неутешительных итогов жизни, отрешившись от нее устами любимого человека, «страдающая тень»:

Говоришь: хороша и смела?
Жизнь моя — нищета.
Мимовиденья пустошь. Очнулась:
не была, не узнала, не поняла...
Чуть щеки не коснулась щека —
отвернулась.
Все бежали навстречу — я вспять,
одержимая тайной гордыней —
лба короткую нищую пядь
из-под челки вовек не казать.
Глубже шапку надвинем.
И — прочь!
Даже мысленно не превозмочь
мимолетной, возможной насмешки,
если вдруг им предстану ни с чем.
Просто чернь.
Лучше мешкать.

Лучше прятаться в теплой толпе
и давиться слезами.
Это было со мной. Но тебе —
но тебе завещаю дерзанье.

И — словно уже перешагнув порог смерти — обер-
нувшись на землю душа:

Стиснув мятный осколок во рту,
Я по мертвому небу лечу,
И багровой соринкой в глазу
У тебя мой заоблачный путь.

Внутренние струны ее речи натянуты до сих пор.

Татьяна Нешумова

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

В час отлива прибой,
Присмирив,
Не гремел и не ухал.
Из глубин голубых
Вдруг всплывало далекое дно.
И, к вечернему морю
Прижав раскаленное ухо,
Солнце слышало,
Как успокоенно дышит оно.
На воде холодели,
Чернея, прозрачные тени,
Высыхали округлые спины
Прибрежных камней.
Их обросшие ноги,
Обычно не видные в пене,
Обнажались во время отлива
До самых ступней.

Словно туфли, забытые здесь
Скороходом,
Остроносые лодки
Валялись на влажном песке.
И вдали — по воде ли, по небу ли —
Шли пароходы,
Говоря с маяками
На огненном языке.
В час отлива,
Когда белогривые львята
Убегали от дюн,
Чтобы ринуться солнцу вослед,

Я ходила по дну,
Удивительным чувством объята:
Открывалась земля,
И душа раскрывалась в ответ ¹.

1956

ВЗМОРЬЕ

Между зеленым и синим
Зыбкое взмыло, теплое —
Дюны.
В щепках и тине
Морщится дно утопное.
Сосен косые крылья
Сразу же, за спиною,
Словно года не уплыли,
Как облака над водою.
Так же солнце
В лицо мне...
Так же —
Нахлынет и выпустит...
Тысячу дней я помню,
Тысячу дней не выпасть им,
Плескам этим и шорохам,
Впелись прозрачным голосом.
Между зеленым и синим
Я становлюсь собою —
В тысячу раз красивей,
Такою же,
Как с тобою.

1942

Поле, крещенное
Глупыми галками,
Небо, кроеное —
Всё полушалками:
Серыми, белыми,
Плотно-крылатыми...
Пела мне, пела мне
Нянька кудлатая —
Вьюга.

Снег под полозьями,
Кочки с ухабами...
Жили в колхозе мы,
Детушки с бабами,
Туго.

Хлебом покрошено,
Солью посыпано,
Каждой горошиной
Детство сосчитано.

Раннее, раннее,
Там, за проселками.
Таня я, Таня я —
Девочка с челкою.
В валенках маминых,
С носом как пуговка.
Избы да храмины,
Синяя луковка.

Древнее, древнее...
Глянуть бы издали
Мне на деревню ту
С черными избами.
И поклониться
Бревенчатым храминам,
Бамам-вдовицам
И подвигам маминым.

1958

ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ

Сонные руки щекочут меня, как котята,
Тычутся в шею, брови мне лижут,
Шершавые, гладят мне плечи.
Вечер?
Ночь или утро? Не вижу...
Та-та, та-та, та-та...
Это будильник, а может быть, сердце.
Сердце того, кто рядом и шепчет:
Тата...
Так меня мама звала.
Я была
Маленькой ящерицей.
— Не верится! —
Зверьком с агатовыми глазами,
С надвое рассеченным нутром...
На лестнице, за дверями
Голоса. Они начинаются утром.
Открываю глаза.
    Между нами
Нету даже рубашки. Ты чистый,
Воспламененный светом.
Святее Христа лучистое
Тело твое раздетое,
Любимый.
С рассветом каждым
Целовать не устану я
Губы твои влажные,
Вздрагивающие, как звезды.
Муж мой,
Мне это нужно,

Как воду глотать, как воздух,
Желанный.

.....

Это день или это Всегда?
И не было Раньше, и не будет Потом?
Прозрачным, журчащим жгутом
Меня обвивает вода.
Прильнула к ладоням вода,
Каплет сквозь пальцы вода,
С макушки сыплется брызгами,
Я выхожу из ванной
От радости вся румяная,
Чуть-чуть повизгивая.

.....

Едим не еду —
    друг друга глазами,
Солнце на свету
    и в тенях.
Нам чашка одна, и вилка, и ложка —
Ведь я сажу у тебя на коленях,
И кошка
С нами.
Когда ты был единственным сыном,
Когда еще ни сестер, ни брата —
Странно, что это было когда-то,
Я всегда вот была единственной...
Еще тогда ты любил апельсины,
Без кожи
Похожи на раскидаи,

Ароматные аж до дрожи.
Мама их прятала в шкаф таинственно,
По долочке угощая,
Я это помню, я это знаю:
Мама велела выплевывать зерна...
— И тебе?
— Ну, конечно, и мне.
А мы их глотали...
В окне
Прыгает воробей беспризорный,
Мечутся ветки, и мечутся волны в канале...
Дверь на щеколде.
Еще никого не впускали.
Еще никуда не ушли.
Полдень.
Любишь ли
Полдень,
ясную зрелость времени,
Равновесие настроений земли?
Я подметаю пол
и стираю пыль
С книжных лодок,
со шкафа, с темени
Рыжеглазой лампы твоей.
Жил бобыль, синеглазый бобыль.
Сколько лет этой пыли, верней,
Сколько лет меня поджидала
В этой комнате с черным роялем,
Чьи истертые, желтые клавиши
Звонят сосульками, чуть надавишь их,
Где рядом с цветами на скатерти
Части мотора от катера.

Я навожу чистоту,
Я расту
В собственных взрослых глазах.
— Хозяйка.
Как ты сказал?
Хозяйка?

.....

Мы идем в магазин,
хоть нам ничего и не нужно.
Мы идем, чтобы видеть,
как люди глядят
И глядят руками красивые ткани,
И трогают вещи так бережно,
Словно они жемчужные.
Или галдят
И хватают взволнованно и торопливо,
Не спрашивая названий,
С улыбкою жадною и счастливой.

.....

Мы идем в кино,
и покупаем мороженое:
Самое вкусное всегда продается в кино,
И смотрим в огромное, стремительное окно,
Как замороженные.
Нам нравится то, что похоже на нас
Или на наших знакомых.
Тогда мы как дома
В жизни далеких народов и рас.

Индийская песня — лотос,
Плывущий в медленном Ганге,
Песня в оленьей яранге,
Песня в горящем танке —
Человеческий космос.

.....

Мы идем в ресторан, где стеклянные двери
и столики,
И офицеры кормят завитых жен севрюгой,
Мы ужинаем и платим, платим за ужин столько,
Сколько нашлось в карманах...
Поддразнивая друг друга, идем по вечернему
городу,

В сверкающих океанах
Огненных молний и сполохов.
Каждый дом опрокинул
Рекламы цветную бороду.
Завтра я это покину.
Завтра уже вполуха
Для меня городские звуки:
Я иду на работу. Руки
Утром меня обнимут на семь ночей разлуки.
Я работаю в лагере,
С маленькими счастливыми
Занимаюсь психологией,
Ябедами и лифчиками²,
Бегаю с ними к морю
И по деревьям лазаю,
Тысячи историй
Вечером рассказываю...

Завтра.
Уже начинается
Бессонная маята.
В будильнике что-то качается:
Та-та.

Октябрь 1958

ПОЭТ

Поверхность ровная блестела,
Плотна и трепетна, как шелк,
Но, тронув грань упругим телом,
Он в море с воздуха вошел.
И раздалась послушно влага
И невесомо повлекла
Его к колеблющимся флагам
В глубинах водного стекла.
Лепились там кораллов глыбы,
Струились странные цвета,
Не знали радужные рыбы
Земного слова «красота».
Они не поняли момента,
Когда, обняв глазами дно,
Колумб шестого континента
Поймал их в камеру кино.

1959

* * *

Безгранично и пустынно.
Ни дымка, ни каравана...
Магдалина,
Магдалина,
Что тебе Христовы раны?

Добровольное принятие
В глубине самовнушенья
И позорного распятия,
И страстей, и воскрешенья?

В человеке видеть Бога?
Человека видеть в Боге?
Окровавленные ноги
Метят звездами дорогу.

Окровавленные руки,
Пригвожденные, Мария,
Что тебе чужие муки,
Пусть святые, но чужие?!

Ни дымка, ни каравана.
Безгранично и пустынно...
Мы, перенимая раны,
Верим в них, как Магдалина.³

1960

Апостол Петр не предавал Христа.
Он был уверен в этом. Был уверен.
Иуда, фарисеи — вот кто звери,
А у него душа была чиста.
Иуда — омерзительно губам
Произносить — иу — как пить болото...
А у него была одна забота —
С учителем всю участь пополам.
Когда Христа уже схватила стража,
Он следовал за ним издалека.
Он так страдал! Не усомнился даже,
Идти ли в дом судьи... Два мужика
Откуда взялись только — посреди
Двора костер от холода палили.
Он греться стал.
— А ну-ка погоди,
Намедни ухо мне отсек не ты ли? —
Сказал один, — ты был учеником.
— Нет, — крикнул Петр. Нелепо и бездарно
Им что-то объяснять...
К огню потом
Пришла служанка. Ячменем янтарным
Глаза играли из-под белых век.
Сказала девка, усмехнувшись прямо:
— Я знаю: с ним был этот человек.
— Неправда, — снова крикнул он, — неправда.
И только тут решил уйти. Но вслед
Орал какой-то ревностный вояка:
— Не всех еще забрали мы, однако.
И ты из Галилеи.

— Что вы! Нет!
И тут пропел петух. И тут из глаз
Как будто воск с горящих свеч закапал.
О ком жалел он? По кому заплакал:
О Сыне Божьем? о себе? о нас?

* * *

И только ты? И веселя,
И хороня. А прочь — ни шагу?
Зачем же знать мне, что земля,
И впрямь, имеет форму шара.

Ведь не случайно у земли
Нет обрывающихся граней,
И океан ее, и гравий,
И снег — со всех сторон — мои!⁴

Так почему же, почему
Назначен мне предел? Пусть лучший,
Пусть каждый переулок —
лучик
К ночному сердцу моему.

Все нестерпимее парит
Дюралевый высокий клетот.
И чем короче перелеты,
Тем недоступнее Париж.

Зачем мне карта на стене,
К чему на ней пути пунктиром,
К чему мне искушение миром,
Когда он недоступен мне!

ДОГАДКА

«Колумб Америку открыл,
Для нас совсем страну чужую...»
А вам редактор Серпокрыл
Принес плакат: «Держись, буржуи!»

Ребята, старине — почет!
Плакат к щиту прибили живо,
И полетел двадцатый год
Вперед на лбу локомотива.

Был бесконечен эшелон,
Никак не умещался в кадре.
Но вам, и впрямь, казался он
Сродни Колумбовой эскадре.

Ты мне мигал: не унывай.
Я стану штурманом комбайна.
Пиши мне в город Кустанай,
А там доставят — жизнь бескрайна.

На серой карточке видна
Твоя улыбка озорная.
А сзади надпись: «Целина.
Привет. Когда вернусь, не знаю».

Я не прочла твоей тоски,
Я пригрозила: или — или...
Откуда взялись колоски
На городской твоей могиле?

* * *

Неужто называть любовники?
Мальчишки были как мальчишки,
И воровали ей шиповник
И вдруг орали: что молчишь ты? —
Ее не видимое в потемках
Лицо зажав между ладоней.
Они на целине в поземках
Плели о блеске филармоний
И на ноги ей рукавицы
Свои натягивали нежно,
Дышали на ее ресницы
И девкой называли снежной.
Несли ей мысли и мыслишки,
Несли идеи без идиллий.
Мальчишки были как мальчишки
И, как мальчишки, уходили.
В какой-то горестный и грозный,
В прекрасный день
Они решали
И сразу уходили к звездам —
Ведь их для этого рожали.

* * *

А прикурить от сигареты,
Прильнуть к прижатому огню...
Есть что-то чувственное в этом,
Но не постыдное отнюдь.

Обетованное, как остров,
И даже равнодушный сноб
На миг переживает остро
Внезапной близости озноб.

В ночи навстречу этот дерзкий
Незащищенно-нежный жест:
Ладонью оградить по-детски,
Прикосновением зажечь.

* * *

Нет, эти пьесы — всё не то.
Заведома, как детское лото,
Развязка их.
Скорее взять пальто
На вешалке.
И — в сумеречный снег.
Идти, идти, чтоб заметало след,
Едва возникнет он;
Пусть беглый свет
Холодных неприкаянных реклам
Проносится внезапно по щекам,
И наверху, над проводами, там,
Где хвойный шепот шелестеть бы мог,
Пускай трехцветный теплится цветок.
Пусть лепестки его мигают в такт.
Двух действий хватит нашей пьесе.

Факт.

Довольно мне двух действий.
Первый акт —
Он и она, и дочка. Тесный дом,
И в нем любовь,
И в нем часы дин-дон.
И пишет муж веселые стихи,
И за столом болтает пустяки...
И у него друзья-холостяки.
И акт второй.
Еще одна семья —
Любимый мой, Аленушка и я.
Приходят к нам друзья-холостяки,
И мы, смеясь, болтаем пустяки,

А на работе я пишу стихи.
Два действия.
Интриги никакой.
Зачем ему — другая,
Мне — другой?!
И всё. И всё. —
Какой пустой проспект.
Или прохожих замечает снег,
И я в сплошной метели не найду
Того, за кем невидимо иду.

1962

МАГНИТОФОН

Какой у меня голос?
Казалось, густой контральто,
Голос — ручной голубь,
Голос — голая галька,
Отточенная прибоем,
Сверкающая округло,
Послушнейший из приборов
Губ моих смуглых
И моих мыслей.
Воедино слились мы,
Казалось.
А он — не мой!
Магнитофонной пленкой
Проявленный.
Точно плеткой
Отторгнутый,
Он — не мой!

Уж лучше б мне быть немой,
Чем помнить хриплый и резкий,
Ввинченный мне в горло
Голос чужой нарезки,
Чей-то базарный голос.
«Я» мое расколосось
В слове, даже в молчаньи,
Я ищу тебя, голос
Нужного мне звучанья.

1963

ИМЯ

Была Елена матерью моей,
А мне дано быть матерью Елены...
Несу тебя, сосудик мой нетленный,
В бескрайний мир неоновых скорбей.

Как, задыхаясь, дует диксиленд
Тяжелым волосам твоим навстречу!
Несу тебя на искус всех сирен,
Немилосердных и лишенных речи.

На сглаз млекопитающих медуз,
Несу тебя на то, что отдаленно —
На черные руины Илиона,
Не защищая и не пряча. Пусть...

Лишь именем, лишь серебристым меццо,
Как бы заветным кругом очертя,
Несу тебя, как будто ты, птенец мой,
И вправду, лебединое дитя.

АЛЕНУШКЕ

Я протянула палец ей.
Его надежности поверя,
Она резиновых зверей
Покинула. Шагнула к двери,
Самостоятельно. Одна.
И рассмеялась, рассмеялась...
Опорой выбрала она
Мой маленький и слабый палец.
Незащищенное вдвойне
Перед лицом ее теперь я.
О если б мне, такую мне
Безоговорочность доверья.

1961

МОЯ ДОЧЬ ГОВОРИТ

Вокруг — предметов — тысячи,
Но слов — одно всего,
Не выскажет, а высечет
Из памяти его,
Как вымолвит — как молотом.
И взвешиваю я
На вес такого золота
Всю трудность бытия.

КОЛЫБКА

Спи, моя девочка,
Спи, моя рыбка,
Мама тебе сочиняет
Колыбку.
Прячет улыбку
Месяц за облачко.
Спи, моя воблочка,
Спи.
Волны бормочут
Зябко и зыбко.
Ночью хлопочет
Рыба над рыбкой
И плавниками
Плещет, как ластами:
Спи,
А не то увезут тебя
В Астрахань.
Спи, моя дурочка,
Не просыпайся,
В сеть и на удочку
Не попадайся.

* * *

Лене

Чадо мое, чудо,
Рыбка-кит,
На тебе чутко
Мир стоит.
Тобою светится,
Весел и сердит,
Для тебя вертится,
Рыбка-кит.
Черны мои волосы
И седы.
Дожди мои волосы
И сады.
Руки мои — реки
Вдоль тебя,
Крови мои — млеки
Сквозь тебя.
Паши меня заново,
Пиши с «аза»,
Я лишь от зависти
Зажмурю глаза.
Резвый мой китик,
Плыви, дыши,
Китик мой,
Китеж
Моей души.

1963

* * *

О, счастье — наши встречи праздновать...
Сто лет назад был день вчерашний.
Я потому должна опаздывать,
Что ждать тебя мне слишком страшно.
Ты говоришь, что я неласкова,
Что постоянно всё скрываю,
А я как марлеву маску,
Придя домой, с лица срываю.
И ослепительнее зарева,
Как перед смертью за минуту,
Тебя я проживаю заново,
И прохожу, и не миную.

1961

* * *

Е. Кучинскому

В зрачках по скоморошинке,
В бровях нечерных дрожь,
Ничего-то, ничегошеньки
У него не разберешь:

То матросиком, то Гамлетом,
То дитенком, то отцом
По проспектам и по гаваням
С обезболенным лицом.

О себе не пишет — боязно.
В общевидимом стихе
Говорить неправду совестно,
Ну а правду-то... хе-хе!

Ты себя не приноравливай,
Женька, оборотень-лис,
То осиновый,
То лавровый
Древа жизненного
Лист.

1961

В ЭРМИТАЖЕ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ЭСТЕТИКЕ

Женщины Рубенса крупами
Крупнее фламандских телок,
Глаза веселые, глупые,
Бицепсы — для потемок.
Хохочущее тело
Сквозь крепкое белье.
Такое тело — тема
Для жирных фаблио.

У Рембрандта свой почерк —
Пожилая Даная,
Вряд ли Юпитер разборчивый
Такую пожелает.
Но гении — вне дискуссий.
Вялая эта дама,
Видно, была во вкусе
Тогдашнего Амстердама.

На стенах солнечные мячики.
Идут, поправ парадный лоск,
Девчонки, стройные, как мальчики,
В тяжелых касках из волос.
Их взгляд в упор попробуй вытерпи,
Светлее лезвий этот взгляд;
Мужчины тверже, чем Юпитеры,
И то пред ним не устоят,

Все в дождь и в дым запревращаются
И в современный никотин.
Идут, к искусству приобщаются
Девчонки с будущих картин.

27 марта 1961

* * *

*Поэту С. Орлову*⁵

Он был мальчишка рыжий,
А может, и не так.
Но только рыжим выжил,
Пройдя сквозь этот танк.

Сквозь красную духовку,
Содравшую навек
Былую облицовку
Со щек его и век.

Для милой —
Всё он милый:
Будь рыжий, лишь дыши.
Но так открылось миру
Лицо его души.

Лицо его народа,
Нетленное в огне.
Войне четыре года?
Двенадцать лет войне! —

Там год считался за три:
Двенадцать, стало быть.
Попробуйте назавтра
Такое позабыть.

Живет поэт на свете.
Земля давно не та,

Послевоенным детям
Вручают паспорта.

От реактивных вспышек
Материки дрожат.
А он о танках пишет
На ближних рубежах.

1961

* * *

*А. Тарковскому*⁶

Я выхожу из окруженья,
Среди затопленных стволов,
На грохот дальнего сраженья,
На дальний отблеск облаков.
Чего мне роща эта стоит,
И шум дождя —
Который год!
А позади всё кто-то стонет,
И завтра кто-то упадет.
И странное вокруг творится:
Враги нас видят и молчат,
Их выжидающие лица
Из-за орешника торчат.
То исчезают, горлом булькнув,
То вновь наводят желтый глаз,
Здесь убивают так, как будто
Мы убиваем — а не нас.
Тогда мы выхода не видим
Среди клубящейся возни...
И все-таки мы выйдем, выйдем,
И живы будем,
Черт возьми.

1962

* * *

В. Сосноре

Во времена беззвучной засухи,
Старославянские слова,
Вы, как отзывчивые пасынки
На жадном дереве родства.
Когда бескровны речи кровные
И только остов от пера,
Вы — как фонтан с журчащей кроною,
Чтобы душа моя пила.
Я рот вам подставляю радостно.
Как вы остры, как вы нежны,
Как ваши своды,
Ваша радуга
Устам бесчувственным нужны.

1962

* * *

Про Соснору говорят:
— Здорово!
Про Соснору говорят:
— С норовом!
Солнцелик!
Оборотист!
Ясен!

До мизинца —
маститый классик.
Остальные — букашки в осоке,
Недоноски и хари вдобавок.
Чтоб их руки и ноги отсохли,
Чтоб стихи их пожрали собаки!
Вы хотите с Соснорой брататься?
Вы чего ж до сих пор молчали?
Эх, как строчкой по роже клацну!
Как пойду стихотворной мочалить!
Отступают Горбовский с Тарутиным,
Королёва и А. Поперечный.
Наступает Соснора грудью,
Руки, ноги и плечи калеча.
Заскулили поэты: Прости ты,
Нам, Соснора, абракадабры...
Ты, действительно, очень маститый!
Ты, действительно, очень храбрый!

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ⁷

Качаясь в колоколе юбчонки,
Волосы по плечам,
Приходят на вечер встречи девчонки
Назло былым строгачам.
Надменные столь курносо,
В таких вызывающих вырезках,
Что ясно и без вопросов:
Вчера из-за парты вылезли.
Учителей не слушают.
Пляшут «липси».
Всё трогают уши —
На месте ли клипсы.
Как в зале ожидания,
Боятся присесть,
Что-то в их невниманьи
напряженное есть.
А мы, как деревенщицы,
К наставникам внимательны,
А мы-то вышли в женщины,
А мы-то вышли в матери.
Законченное высшее,
И при своей валюте.
Кивают:
В люди вышли.
А правда ли,
        что в люди?
В душе такая вьюга,
Такой круговорот.

И вот моя подруга
Навстречу мне идет.
В глаза друг дружке — стойко,
И всё внутри забилося:
Неужто же настолько
И я переменялась?
Я сделалась красивой,
Для вас — наоборот.
Ты ищешь мой строптивый,
Неумудренный рот,
Расхлестанные косы,
Как с верховой езды,
А вместо —
Лик раскосый
Почти кинозвезды.
Тот лик непроницаем,
Двусмыслен и двулик,
Но от тебя лица я
Не спрячу, как улик.
Ну, как стихи? Скребутся.
А старики скрипят?
Хочу я ухмыльнуться,
Как 8 лет назад,
Как ты сейчас.
Не надо
Дотошной прямоты.
Мы прямые, раз мы рядом
И навсегда на «ты».

Что сбудется,
Что будет —
Мечемся и ждем.
— Скажи, мы вышли в люди?
— А, всё еще идем.

<1961>

* * *

Как высоки деревья.
    Выше гор.
И выше самолетов
    над горами.
И каждое —
    как високосный год
Над прочими ущербными годами.
Над городами каменны стволы,
Бестрепетны клубящиеся кроны,
Но выше их, как свежий плеск воды,
Слышна прохлада лиственного крова.
Пустыню осеняет листопад,
И над простором,
    где играют рыбы,
Простерся сад,
    неопалимый сад.
И в том саду бесплодно
Древо взрыва.

1962 <1963>

ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ

Вам, познавшему Лилит!

Вот уж вправду — не из ребра,
Воистину — не от Евы,
Ни к рукам,
Ни к словам
Не прибрать —
Единственного посева
Женщина.
Не мужская сыть —
Воительница,
Утроба,
Шар земной под сердцем носить
Взявшаяся до гроба.
О земля, ненавистный живот,
Любимый!
Своим пером
На сваях стихов — ему эшафот,
На этих же сваях — трон.
Кто они, бывшие рядом с ней,
Разве они — мерило
Марине,
Ее подспудных морей
Яростному ярилу.
Они умели только глазеть
На путь ее гордый и сирий.
Ушла. И для нас на млечной стезе
Ее созвездие Лирь.

23 ноября 1961

РЫБАК

Рюрику

Над озером, над Ильменем,
Туги, как паруса,
Варяжским твоим именем
Шевелятся леса.
И стрелы солнца — издали,
И между туч светло,
И войско твое избами
Всю душу облегло.
И беглыми, и легкими,
Как будто город взят,
Улыбки твои лодками
Над зыбями скользят.
И жду, зажмурясь, чуда я:
Обнимешь, наклонясь,
В грудь чешуя — кольчугою
И только ахну: князь!

1962

САЛАКА

Далеко ходят парни в бушлатах под ливневым
вестом.

Им соломой волос на ракушечных злаках мерцают
невесты.

Как рыбацкая девочка, бедра свои и колени
Я увешаю сладкими связками рыбок,
Побегу по прибою, под сваями, прямо по пене,
Где янтарного моря раскинут безденежный рынок.
На ладони моей, на соленой ладони — салака,
Серебристая змейка с двумя плавниками,
И в зеленых и красных разводах солярка
Под моими ногами.

Возвращайся, рыбак! Я тебя не обижу.

Как играет салака, как море сегодня играет!

Поскорее бы волосы стали хрустящи и рыжи —

Я пущу их по ветру: пускай выгорают.

1962

* * *

«Ау, ау» — в колодец
Своих сплетенных рук.
И эхо в грудь колотит,
И холодеет вдруг
Лицо,
Себя увидев
Внизу,
На самом дне.
А цепь гремит:
Ловите!
И всё дрожит во мне.
Я цепь ловлю,
Как воздух,
Я рвусь из глубины,
А ведь оттуда звезды
Средь бела дня видны.

1962

* * *

Так ёкает цепная лодка
У края мертвого песка,
Так Одиссея — Пенелопа,
А Магдалина так — Христа.
Зависимо и отстраненно,
Не постигая и томясь,
Вне равенства —
Любили жены,
Едва угадывая связь
Между своим стремленьем темным
И озаренностью
Его.
...Мы о любви иное помним,
Но не расскажем ничего.

1963

ИЗ СТИХОВ ОЛЕГУ ТАРУТИНУ

* * *

Прозрачный парк прозрачно пуст.
Мы на виду. И гонит прочь нас
Морозных листьев хрупкий хруст,
Следов отчетливая прочность.
Здесь невозможно не всерьез,
И мало — головокруженья,
И нужно быть белей берез
Среди такого обнаженья.
Пальто, мальчишечье пальто,
Едва до косточки рукав-то.
Нам кажется, что в нас не то,
И это честная неправда.

1959

ДВА СОНЕТА

I

Ты прав. Есть право только на сонет
У нас с тобой. Внутри его оправы
Все наши «да» и все чужие «нет»,
Он архаичен, а для нас оправдан
Той предопределенностью своей,
Которая всё слаще и короче,
Как синева, сквозит из-за ветвей
Над высотой двух последних строчек.
В XX веке существует мир,
А мы-то, как о хлебе, как о небе —
— Сонеты о любви. И жив Шекспир.
И сложенный сонетами «Онегин».

Ты говоришь: «Опомнись! Толку нет».
А вот сонет. А вот еще — сонет.

II

Ладонями к твоим хочу лепиться
Наперекор друзьям моим — врагам.
Напрасно им не пьется и не спится —
Все улицы ведут к твоим губам.

На перекресток тот, на перерыв
Дыханий захлебнувшихся, на волю
Моей души. Всё небо оперив,
Там облака сверкают, как от боли.

И вместе с нами падают в траву,
И вместе с нами реют над мостами,
Мы там лишь существуем наяву,
Когда с мечтой меняемся местами.

Мы там такие, кем хотели стать —
Своей любви единственной под стать.

1959⁸

* * *

Переболит, и будут оспины.
Всё мужество — птенцом в горсти.
О дай мне силы, словно господи,
Мой долг нести,
И твой — нести.
И не блудницей Вавилонскою,
Кукушкой у чужих дверей, —
Дай силы стать твоей Волконскою,
Святыней тайною твоей.
Даруй мне горькое сознание,
Что неизбежен этот шаг,
Даруй мне ореол изгнания
И звук стихов твоих в ушах.

1961

* * *

Забудь, перетерпи, переиначь,
И всё равно — останется улика:
В твоих стихах — мой колокольный плач,
В моих — твоя щемящая улыбка.

Как связь между влюбленными слаба,
Немая связь насытых губ и взглядов,
Но в русском языке твои слова
С моими рядом. — Слава богу, рядом.

Я их беру. Как воду. Ртом. Беру,
И в сладком воровстве моем не каюсь.
Я лепечу, шепчу их и ору,
Я этими словами задыхаюсь.

И ты, я знаю, так же, как и я!
В твоём хоре, расходясь кругами,
Многоголосая душа моя
Раскачивает медными серьгами.

1962

* * *

Олег мой, олень мчащийся,
Вздыбленный, словно радуга,
Над чащей души, над чашей,
Над черствой ее Ладогой.
Листья свисают косо
С рогов,
С костяных осин.
Месяц вверху раскосый,
Серебряный наш сын.
О, если б ему родиться,
Молочному мальчугану,
В городе этом чеканном,
О, если б ему сбыться.
Как нашим стихам
Скреститься,
Как нашим глазам
Сразиться,
Как нашим рукам
Слиться,
О, если б ему родиться!
Месяц скользит летящий,
Олененок легчайший.

ПЕРЕД СВИДАНИЕМ

Как облачность под самолетом,
Или как по мосту идешь:
И погромыхивает что-то,
И содрогается.
И ждешь:
В неуловимый и неверный
Миг,
Равный шагу твоему,
Обрушатся стальные фермы
В безостановочную тьму.
В перила пальцами. В решетку.
И вдруг увидишь на бегу
Очерченные снегом четко
Дома на черном берегу
Торжественные, как чертоги,
Как храмы — в небо головой...
Ни ожиданья, ни тревоги,
Ни темной тяги под ногой!

1961

* * *

Весь день валил непроходимый снег,
Сплошной, безостановочный, угрюмый.
И города, казалось, больше нет,
И голова кружилась, как от шума,
Как в чертовом каком-то колесе,
В белесой облепихе.
И, оглохнув,
Машины замирали на шоссе,
А люди свет не зажигали в окнах.
Как будто сто грядущих январей
До часа своего не утерпели.
Но в темноте на ветках фонарей
Сверкающие яблоки теплели.

Декабрь 1961

Давай уедем в другой город,
В модальном мире найдем нишу
Для сопряжения двух глаголов,
Как двух стропил под венцом крыши.

Створы времени, клей устриц
Разжав пальцами на секунду,
Скользнем в космос чужих улиц
И вновь руки наши сомкнутся.

Строга Рига в рогатом шлеме.
Строка моря в песке стынет.
Мне снилось, что по волнам шли мы,
Перелистывая пустыню.

Снилось: в городе этом дальнем
Прянул — и вверх уносит с собою
Ветер ствольный и вертикальный
Белое пламя голосовое.

1962

БОЛЬШАЯ ПТИЦА

Еще одна попутная душа
Вдоль ветра моего и нетерпенья,
Вдоль голоса и вдоль карандаша
Вытягивает свищущие перья.
Мне от тебя не отвернуть лица,
Не заслониться тишиной тенистой.
Мне только бы не уронить кольца
На безымянном пальце.
О, как близко
Качаются внезапные леса,
Как реки реют низко и плакуче!
Мне от тебя не отвернуть лица,
Высокий и стремительный попутчик.

16 июня 1962

* * *

Белый свет, какой ты белый,
Снежный свет, метельный мир!
Были беды, будут беды, —
Всё равно ты будешь мил.

Ослепительным и длинным
Представляешься путем,
А в ночи сойдешься клином
Под высоким фонарем.

Только я да снег-прилепа,
Вдалеке часы пробьют.
О, как суетно и слепо
Вдруг снежинки заснуют!

Словно колокол,
Отвесно,
Над моею головой
Закачается от ветра
Треугольник световой.

1962

* * *

Больше не могу такой любви.
Кто я? Что я? Кислород в крови.
Кислород в подушке, в крайнем случае.
В самом крайнем (подхлестнем под край)
Ты, сердечным приступом измученный,
Неотложно вызовешь: спасай!
Я губами прижимаюсь теплыми
К жалобным и жаждущим губам,
Торопливым согреваю топливом.
Всё отдам. Не то еще отдам...
А потом под крышами и стенами
Время четко высверлит между
Между нами. Значит, дело сделано.
Нужно уходить.
И ухожу.

1961–1962

* * *

Оттолкни меня,
Как лодку
От бережка,
По воде уйду, по легкой,
По бережной.
И в последнем,
В замирающем лепете
Зазвучат приговоренные
Лебеди.
В рукавах зааукают рыбы,
В головах взволнуются звезды,
И в зрачках, глубоко открытых,
Остановится слово
«Поздно».

* * *

Не расточай прохлад ему, тайга,
Трепетнолистой не пожалуй кровли,
Пускай потужит. Пусть его туга
Покружит. Пусть не выплывет он кролем
Из хвойного течения ветвей —
Всё не сравнить с моей бездомной пылью,
Всё не избавить горечи моей,
Не облегчить и не затмить Сибирью.
Ах, что я!
Слушай!
Будь ему сестра,
Не оглянись в дремучем гнече косо
И алую траву его костра
Не дай дождям удалым на покосы.
Его рюкзак медведю не скорми,
И поиски обремени удачей,
И осенью к другой его верни.
И правда,
Я от радости заплачу.

* * *

Горе мое орущее,
Чтобы тебя отнять,
Как атомное оружие
Запрещено применять.
Вечная нам гонка,
Долг — на грани курка.
Вечное нам «горько!»,
Ртом не касаясь рта.

1962

* * *

Деревья — снежные фонтаны —
Не долетают до лица.
Душа как здешняя поляна,
И мчит через нее лиса.
Красно,
Пунктирно,
Заостренно —
Через бумагу — карандаш,
Кровинка — через бинт,
Сестренка
Через чужбину, —
Мчится — аж
Жара царапает по скулам
И оседает снег с ветвей.
И всё забыв, и всем рискуя,
Несешься сам навстречу ей.
И плачешь, кажется, и стонешь...
Разминулись — и не вздохнуть:
Тебе под свитером
Лисеныш
Когтями разрывает грудь.

1963

* * *

Полглотка пригублю от беды,
Побегу по набережным вброд,
Наклонюсь у каменной воды:
«Поддержи меня, и всё пройдет».

Глянет за перила пешеход —
Фонарям в канале не мигнуть.
И лицо мое стоит-плышет,
Яркое и тяжкое, как ртуть.

К утру полегчают облака.
Засквозит, и я вздохну в живых.
Выпито всего-то полглотка,
Полглотка беды — и на двоих.

1963

ВЫБОРГ

Тут предел.
Тут земля — куца,
Тут прижатая, как пружина,
Я рискую к тебе рвануться,
В глубину твою одержимо.
Всё роднее тут. Пусть больно.
Тут с чужбиной рубеж гранитный.
А доверчивости свобода
С одиночеством погранична.
Все тут рекруты и скитальцы.
Все по службе или по делу.
Что ж на грани обледенелой
Мы с тобою хотим остаться?
Тут глядят на меня такие
Стосковавшиеся мужчины.
А любовь наша
И ностальгия —
Сопредельные величины.

1963

* * *

Кому пожалуюсь? На что
Пожалуюсь?
Домой, из дома ль —
Взгляд улицы
Однажды, сто,
Сто тысяч раз по мне —
Я вдоволь
Обласкана.
Мертва живьем.
Дождем обласкана.
Трамваем.
Локтями встречных.
Переждем,
Перестоим,
Переиграем
Тот светофора красный круг.
Он словно солнце-лилипутик.
Не уходи
Лицом из рук.
Уж лучше так,
На перепутье.

1963

Отлюбленные,
    все они во мне,
Все в храме,
    отлученные от храма.
На множестве я вся,
    наедине
Их ревности, защиты
    и охраны.
Как будто я
    беременна людьми,
Угасшими для сердца.
    Постоянно
Шевелятся они во мне.
    Лады
Неутихающего океана.
Они плывут, они влекут меня,
И поддаюсь я, девочкою взрослой,
И в раковины мне звучат моря,
И я на взмахе осушаю весла.

1963

* * *

Л. Агееву

Электрическими глазами
Вспоминают меня казармы
Жадно,
        втысячером — одну.
Сочинительша! Ну и ну!
А по виду нормальная девка,
Никакого изъяну нет.
Я стою на снегу, раздета,
И под пятками тает снег.
Среди Выборгской непогоды
Голубые сквозят погоны.
За долами и за дымами
Видят женщины их во сне,
И поэтому, став рядами,
Рядовые мигают мне.
И стихам усмехаясь явно,
Мне простили их — малый грех.
Благо прочего нет изъяна,
Благо всё как у женщин тех.

ДЕКАБРИСТ

Что мне угодно?

— Всё негодно.

Зеваки просят: «Распотешь,
На площади прямоугольной
Затей классический мятеж».

Им нужно музыку и пенье,
Совсем не бунт — кордебалет.
Но, трепеща от нетерпенья,
Я подниму свой пистолет.

Я наведу литое дуло
На императорский плюмаж,
Я прошепчу: «Ах, пуля-дура,
Будь умница и не промажь».

Пускай спектакль, пускай нелепость!
Я не замечу ни черта.
И суждена мне завтра крепость.
Не виселица, так Чита.

И состраданье верных женщин,
И арестованному вслед
Усмешка умных: сумасшедший!
И детский взгляд: а если нет?

1963

ПУШКИН И РИЗНИЧ

Еще он был с утра рассеян,
Смеялся, запрокинув лоб:
«В Одессе много одиссеев
И, верно, мало пенелоп...»
А ввечеру —
Как день был долог,
Как таял, не задев пера! —
Вдруг бубенцы, огни, виолы
И плещущие веера.
И факелы, и флаги — мимо.
Веселье вёсел и смычка.
И несравнимо, нестерпимо
Во весь зенит его зрочка
Вместилась женщина.
И в гору,
Обрывами, домой, назад,
Он, словно по пятам — погоня,
Нес эту женщину в глазах.
Он чувствовал, как тяжелы
Глаза, как на лице огромны,
Как безнаказанно жадны
и, вероятно, вероломны.
Куда луна над ним бежит?
Скорей бы!
До стола, до дрожи
Свечи...
Она
Принадлежит
До смерти, —
Да и после тоже

x Гурзуф.

1

Пришло небо о заре:
Серебряное на горе,
Темно-синевое на море,
А слева шуршала
даль
В туго сидую стираль,
В пошептении перелив
мемории,
Которых образ и ландшафт
Сухом ошурели в
ушах.
Природа, ирреальна в
природе,

И, а тло средот оражи,
Ирзуф таблически
время

В ногни алмазом
изваде

Седе и нас воспронзо-
дуби

Как в Пикассо,—

Диагнози

Сентябрь 1972

Ему, ему, его стихам,
Его зрачкам, ее вобравшим...
Он убежал. Он настигал.
И называл всё это блажью.
Всё сбудется потом. Потом
Она на край стола присядет
И косы, свитые жгутом,
Черно уронит на тетради.
Он скажет: «Ризнич... резеда...» —
И задохнется, точно бредит...
Потом стихи. Она уедет
И не прочтет их никогда.

23 марта 1963¹¹

Н. П. АКИМОВУ

Вам
Януса двулика судьба,
Двугорбая запасливость верблюда,
И семь седин,
И семь потов со лба,
И юношеской правды чудо-юдо.
Пиджак Ваш беззащитен, как доспех,
Для мельниц омерзительных и важных,
Какое слово — слава, шум, успех —
Какое Ваше слово?
Все — не Ваши.
Единственное —
Криво не прочесть,
Превратно не истолковать
И мимо
Не промелькнуть —
Единственное —
Честь, —
Спасибо,
Что от Вас
Неотделимо.

10 апреля 1963

БИЛЬЯРД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ

А. Горфункелю

Что осталось? Кий да тусклых
Три шара в его светелке...
Сокращеннее, чем мускул
На щеке моей сведенной,
Сведенья. Кому их мало?
Мне ли?! Мне звенит весь вечер
Мчащегося пониманья
Ослепительный бубенчик.

Вдоль сукна полей бильярдных
Долог путь мой к звонким веткам,
От шаров до вечных яблок
В том приюте заповедном.
И под млечными снегами,
Под метелью и под ветром
Деревень ночных миганье
Заповедно, заповедно...

То не озеро Кучане,
То чернил разбег и росчерк,
И висок его курчавый —
Та коричневая роцца.
Не пройти, не отоспаться...
Не уняться древней тяге.
А шары — их брали пальцы,
С темной кожей под ногтями.

А шары подобны лунам
На пути моем бесследном
К дому, к имени, к полудню,
К сущности его —
Бессмертным.

22–23 мая 1962¹²

БЕЛАЯ НОЧЬ

И всё плывут машины поливные,
Прохладные полночные павлины,
Журчащие свои колеблют перья,
То стелют их на гладкие ступени,
То в небо поднимают вертикально,
Медлительно...
А фонари, как пальмы,
Кокосовые громоздят шары.
И пышные, как будто я в Бангкоке,
Висят «семирамидины» балконы,
Безлунным молоком орошены.
Зеленым склоном улиц и воды
Скользит и блещет небо близко-близко...
В ста стеклах отраженные, видны
Мелькающие мои ноги в брызгах.

1963

ИЮЛЬ

Птицы лелеют птенцов,
Чтобы на унцию снега
Крови пунцовой тепло
Тысячекратно пришлось.
Вьюга проверит юнцов,
Вьюга в июле бесследна,
Лезвие, словно стекло,
Летом прозрачно насквозь.
Разве нас вьюги убьют?
Кто мне в расцвете, как цензор,
Напоминает о них,
Кто мне над ухом звенит?
Друг еще друг, а не Брут.
Месяц пока еще — Цезарь.
Плод ни один не поник.
Солнце проходит зенит.

1963

* * *

Еще веранда словно палубка
В саду, в оранжевом ветру,
Еще в пути к земле то яблоко,
Которое я подберу.

Летит в огне, летит в воде оно,
Земли подобие и плод,
В ладонь мою, в мое владение
Оно сегодня упадет.

Мне на язык — на искушение,
Мне на зуб, на запрет, на вдох,
На мщение, на утешение,
Что мир не нов,
Но и не вдов;

Что посреди осенней ярмарки
Есть неизбежный этот миг,
Когда с ветвей сорвется яблоко
Для рук протянутых моих.

1963

СЕНТЯБРЬ

Скупые маковки церквей,
Во весь поморский север,
Трилистной формой своей
Напоминают клевер.
А перезвон колоколов,
Как будто ветер слабый,
Качает головы цветов
Растительною славой.
И чей-то крест от солнца рыж
Там на холме над речкой,
Как будто рисовал малыш
Смешного человечка.
Крест покосился, облака
Над ним горюче плачут,
А кажется издалека,
Что человечек пляшет.

1963¹³

* * *

Вы знаете, откуда этот страх
за всё, что живо чьей-нибудь молитвой,
что тает в поле и скрипит калиткой,
и звуком замирает на губах?

Я первой добротой была жива,
я говорила встречному: поверьте,
вот это — вам, и это тоже — вам,
а прочее — сегодня же — по ветру,

семь грустных нот и семь веселых нот, —
любите их. Простите. До свиданья...
И помнила: а завтра всё пройдет,
и для любви не будет оправданья.

ПАМЯТИ Р.

Всё в жертву памяти твоей...

Пушкин

1

Упало одно дерево,
И стала тайга пустыней.
Серым беззвучным полем,
Даже для слез постылым.
Только одно дерево
Упало.
Мааааало?!

2

Грохнулась я наземь,
На гору твою, на семь
Пядей твоего лба.
А он — нелюдимей льда.
Жить не опасно ракушкам,
Овцам, камням, каргам...
Детеныш мой,
Плакса,
Лапушка,
Тесен двоим курган!
Зареванными цветами
Тебе услужу ли,
Чтоб лица твои витали
И после —
поверх
земли?!

Носить мне тебя, вынашивать
С годами —
всё тяжелей.
Просить мне тебя,
Упрашивать:
Прости меня, пожалей...

3

Ах, я не хотела атласного тела,
Я во поле белой березы хотела.
Пылающим пальцам — три свежих пруточка,
Протяжным губам — три душистых гудочка:
Гудочек-жалейку,
Гудочек-побудок,
Гудочек для детских твоих прибауток.
Еще балалайку —
Побаловать вволю,
Так нет же, так нет же
Мне чистого поля.
Живу — не шелохну безветренной бровью,
Живу, замерев замурованной кровью,
Но нежно и бережно, словно сквозь слезы,
Над полем далеким
Всё брезжат березы...

4

Лишь девочка. И вдруг — невеста.
И долго — целый миг! — жена...
Молниеносно и безвестно
Душа меняла имена.

Всё вдоволь. Правда? Власть? —
Всё мало.
Едва взгляну, вздохну едва...
Ох, доченька, тверди мне — «мама»,
Ведь люди шепчутся — «вдова».

<5>

Глаза — два тяжких колоса
С голубым зерном.
Весь урожай ваш — по лесу,
По глубине земной.
Раскатывается дочерна,
До праха, как зола.
Одна успела — доченька
Малость взяла.

<6>

Я из тех, кто теряет, из тех, кто теряет.
Словно море, мне горе горизонт застилает.
То не птицы трепещут, не солнце клубится, —
Незакатные блещут над равниною лица.
И под ними, никчемная,
Поздней совестью каясь,
Я вся черная-черная
Полуночно качаюсь.

<7>

Уплыл через Разлив,
Уплыл через разрыв,
С цветком в руке,
К Сестре-реке,
Искать русла,
С волной,
А не со мной,
Искать родства.
Ах, не плыви, не пробуй,
Река тебя убьет,
Бутылочной утробой
Зеленой
Захлебнет.
На асфальт бензиновый
Я легла как пласт.
Коснуться бы резиновых
Живых твоих
Ласт.

<8>

И вовеки рук не вымою,
С них не выскоблю земли.
Существо мое родимое,
Боже!
Са-мое ранимое
Эти руки погребли.
Мясом приросла, сосудами, —
Разоорваали!

Кто живой?
Поменяться бы нам судьбами,
Был бы ты моей женой.
Мне бы, мне бы водку горькую,
Смерть на лестнице чужой,
И гвоздики душной горкою
Над затравленной душой.
По щекам, как хлещут жены...
Ты бы, а не я... Родной!
Спал бы ночью отчужденно,
Оградясь своей спиной.
По-собачьи бы, по-щеньи
В одиночестве скуля,
Я просила бы прощенья,
Я бы ради,
Я бы для
Радостей твоих и жалоб
Промышляла на житье,
Не рожала дочь, дрожала,
Чтобы ты родил ее...
Каяться от слова Каин.
Поглядите! Я жива,
А любимый словно камень.
Он был муж.
А —
я
жена.

Как я его любила.
Как я его убила.

<9>

Вокруг меня именами
Земля заросла безлюдно,
Любимыми именами,
Звучащими непробудно,
Звучащими так трубно,
Как полуночный поезд.
Любимыми именами
Земля заросла по пояс.

1963

ДОЧЕРИ

И вот я снова обретаю
Бездомной честности права,
И снова землю обитаю,
И новым морем обнимаю
Души пустые острова.
Но ты — со мной.
В тебе отдельно
Мои глаза, мои слова.
Ты ночью вне меня и денно,
Но ты со мной — и я жива.

Как все уменьшено толково:
Мой шаг — в пяти твоих шагах,
Мою серьгу ты, как подкову.
Несешь в старательных руках.
Я жадная. Мне мало, мало
Сознания родства. Ловлю,
Как складываешь губы в «мама»,
И это слаще, чем «люблю».

Неважно, вправду ли красива,
Богато ли наряжена:
Я родина твоя. Спасибо
Тебе за это. Я жива.

* * *

На дворе моем, как на подворье,
Всё толпятся мужчины чужие.
Я им улыбаюсь и потворю,
А невнятные губы чуть живы.
Возле губ слова бесплотные порхают,
И мужчины сторожат их щебет,
Бедняжкой называют, опекают,
Только мне мои слова вроде щепок,
Вроде щепок от поваленного леса,
От стволов с ободранной корою,
И ни крови, ни кроны, ни треска —
Только жвачные бродят коровы...

1963

ОПУСТОШЕННОСТЬ

Вынь да положь.
Каждому —
        по ложке,
А хочется — по ведру,
По целому сердцу
Из кровеносного ложа
        отторгнуть,
        Отринуть,
Не на ринг,
        не на рынок —
На раны
Собственной кожей
Прижаться,
        прижиться,
Как в землю
        зерно ложится,
Миру зерно свое:
        На!
А если нету зерна?!
Мысли — полые сети,
Воздух, замкнутый в буре.
Сеют же люди ветер,
И пожинают бурю!

* * *

Все к скважине. Всяк со своим ключом.
Все не нужны, да пустота постыла.
Чем огражусь? Щеколдою, плечом?
От этих соискателей постыдных.

От гамлетовых дядей, от владык
Державы овдовевшей. Тем гнуснее
Потворство им. И что же? — Я краснею,
Им рта не зажимая, им язык

Не вырывая. Слушаю, срамясь,
И упиваясь, и дрожа, и мучась...
Так вот она — горчайшая напасть,
Осиротевшей женственности участь!

Так вот он — искус верности! Верна.
Как Ева, пережившая Адама,
Верна тебе, и наголо видна
Во всех грехах. А змии все — удавы.

Нет! Яблоки их вовсе не круглы,
Не сладостны их губы и не добры,
Но, оборотни, в час внезапной мглы,
Прикидываются, что тебе подобны.

1964

Ты сказал бы: Не будь плаксивой!
Что ты, дурочка! Будь красивой.
Чтоб людская молва трубила:
Вот какая его любила!
Мне неважно теперь, неважно,
Что для них я — никто,
Я — он.
Важно то, что вздрогнешь: не ваша —
Всем поклонникам на поклон.
Ты не падай душой — не падай
На ту горку, где я сплю.
Дочке скажешь: лежит здесь папа.
Я его одного люблю.

1964

* * *

Думала: союзник, июнь. Иуда!
Что ты о единстве цедил медово?
Умер мой единственный, умер, уда-
виться бы вдовой...

Тридцать серебряных, тридцать незакатных,
тридцать ночей твоего режима...
Кровь уходила в землю по капле,
неудержимо.

Ты не захлебнулся, а разве не вдоволь
влаги клокотало в твоей кроне.
Мало тебе было?! Не было доброй
Рюриковой крови?!

Всех на удобренье? Вот в чем единство!
Всех на пожирание — стой, не падай —
больше никогда, никогда не родится
дочкин папа.

О, как распирают тебя дрожжи!
Ничего вовеки бояться не буду,
кроме ненасытной твоей дрожи,
месяц-иуда.

1964

* * *

— Привет! — Ого! А ты всё краше,
Как погоревшая Москва.
Постой, признайся-ка сперва:
А так ли бедный дьявол страшен?

— Ну, хорошо, пойдем и встанем
Вполоборота к фонарю.
Согласен ли, назад отпрянем
К разлуке нашей, к январю?

На неподвижный совершенно
Под нашей тенью — синий снег,
Быть может, впрямь, фонарь волшебный
Тоску мою сведет на нет?

Давай оставим город справа
На озаренной стороне,
Как неоспоренное право
На бегство и спасенье мне.

Какое бегство без погони?
А ты зато получишь ту,
Другую половину горя,
Его родную черноту.

Без проблеска, без отголоска,
Без гнущегося на ветру,
Подобно гибкому подростку,
Литого ангела вверху.

<1964>

* * *

О. Тарутину

Ты говоришь, что до зубов
Я вооружена.
Что потому твоя любовь
Мне вовсе не нужна.

Да, я той девочки сильней,
Которая, любя,
Незащищенностью своей
Растрогала тебя.

И я была совсем проста
И плакала в беду,
И всё хотелось мне гнезда,
Где я не пропаду.

Была я пеночкой лесной
У милого в горсти.
И вот пришлось какой ценой
Величье обрести.

Зимой над милым бел курган,
А летом — травяной.
И время душит, что аркан,
Бедою и виной.

Ты до свиданья мне скажи,
И кану, словно в сон.
Тебе ль оплакивать? Ты жив,
И поправимо всё.

О, иностранцы, как вам повезло!
Вы в переводах гениальны дважды.
Нам открывало вас не ремесло,
Но истины преследуемой жажда.
Благословляю этот плагиат,
Когда, прибегнув к родине инакой,
Из Гёте, как из гетто, говорят
Обугленные губы Пастернака.
Когда дыханья не перевести
От мерзостей кремлевского Макбета,
Что оставалось русскому поэту?
Раскрыть Шекспира и перевести
В сердца живущим трубы тех аорт,
Ведь крови цвет сейчас всё тот же, красный,
Но авторство, поскольку автор мертв,
Сегодняшним убийцам неподвластно.
Ахматова! Вся в переводы, вглубь,
На тысячи подземных рек и речек,
Чтоб снова, с неба — облаком — на луг,
На лес — стремиться собственной речью.
Ушло! И вновь возвращены сиять
Те огненные облака над миром.
Пушкой Шекспир останется Шекспиром,
И будем соплеменников читать.

11 апреля 1964

* * *

Закапаны слезами сны,
Подопытные чьей-то воли.
Но утром проблески весны
Смягчают постоянство боли.
Природы праздничный венок
Дрожит, дождем обрызгав щеку.
И — словно вишни черенок
Стволу чужому загнан в щелку —
Вся одичавшая душа
К теплу мгновенному прильнула
И в первый раз легко вздохнула,
Себе надежду разреша.

РИГА

Сама с собой играю в заграницу:
Захлопываю крылышки плаща
И — прыг с подножки в новую столицу,
Разбрызгивая лужи и плеща.
Готические улочки. Цветы.
На перекрестках — башенкой — куранты.
И вывесок латинские шрифты.
И крошкой кирпичной аккуратно
Укатанные корты.
И на юг
Серебряные флюгера маячат...
Но встречный мальчик угловат и юн,
Как мой знакомый ленинградский мальчик,
Он так же узкий подбородок трет,
В толкучке растопыривает локти,
И через перекресток,
Поперек,
Проносится и сумкой всех колотит.
Забывшись, я кричу ему: куда?
И он в ответ смеется. Всё как дома:
И фонари, и сырость, и вода.
И гул ее, и блеск ее бездонный.
Наверно, нет на свете заграниц;
И в настоящей загранице тоже
Нет лиц немых, нет небывалых птиц,
Есть боль, что так на родину похожа.
Чужбина.

1964

* * *

Хочу быть твоей лодкой!
Когда в небесах ни зги,
прижавшись к тебе плотно,
тело твое нести.
Всё вы-ше, всё вы-...
всё-ё...

Кормчий!

Кромешно тебя кормлю.
Лечу по ревущей кромке,
кручу ее и холмлю,
кричу и креню, и — крахом,
вниз головою — вниз.
Не бойся: я знаю —

кратер

извергнет, исторгнет,

из-

мерит твою дерзость.

Надежность мою.

Гляди.

Нам нечего врозь делать.

Лоцману без ладьи.

20 мая 1964

МОЛДАВСКИЕ СТИХИ

Евгению Даги

Есть братья по крови, по горю,
По воинству, винам, стихам,
А ты мне — по этому взгорью,
По этим осенним стогам.

Здесь небо, как нёбо, доступно:
Глотни — и звезда обожжет,
И сердце в ладонь твою стукнет,
Как будто с небес упадет.

Нагнемся — пусть травы — превыше!
И пахнет вином и смолой;
И пусть — как прозрачная крыша —
Романская речь надо мной.

Я верю в ее протяженность,
В ауканье долгих слогов,
Как верят в зеленый и в желтый
Среди безнадежных снегов.

Хочу здесь остаться. Мне мало
В себе эту землю носить:
Хочу виноградиной алой
В ее винограднике быть.

Вечерним задумчивым птицам
Мой голос внуши (угоди!)

А место, где тень моя длится,
Дыханьем цветов обведи.

И рядом с шагами твоими,
Где в борозду зерна легли,
Впаши мое чуждое имя
В глубокую память земли.

Прошу тебя жадно и робко,
Как просят напиться в пути:
Возьми меня, полукровку,
И отчей земле возврати.

14 октября 1964

Е. Даги

Хочу не понимать. Что словари!
Хочу освобождения от смысла.
Острее, чем впервой глотнуть кумыса,
Язык чужой услышать. — Говори!
...Как хорошо. Еще, еще продли
Присутствие мое в иной природе,
Где у земли нет имени земли,
Где вещи и понятия происходят
Из губ твоих. И этот произвол
Необъясненных звукосочетаний
Лишает душу прежних очертаний
И растворяет в тихий перезвон.
Так независим голос твой, что вдруг
Я понимаю: речь непроеводна,
А твердь свободно переходит в звук,
Как форму неба принимают воды.
Сквозь шепот твой крадусь настороже,
Звучу верней, хотя звучу бездумно.
И весело мне это. И безумно.
И я не я, а музыка уже. —
Не спрашивай. Когда бы стала мне
Доступна власть ответа — всё пропало.
Мне нужно так: чтоб я не понимала,
И станет мною то, что было — вне.

1964

РЕВНУЮ

Вовек не к женщинам. Не им
Меня оспаривать беззвучно, —
Ведь я владею троеручно
Всей тишиною, данной им.

Их немота населена
Мужских речей смягченным эхом,
В них вторгшимся победным смехом,
Пронзительным, как семена.
Аукай в них, целуй, слабей —
Безмолвствуют¹⁶.
Любимый, сирый,
Прислушайся, я знаю силу
Неизреченности своей.¹⁷

Не к женщинам! Они же — я,
А к чужеродному, иному,
Без имени, и без жилья,
Не к великану или гному,
К нечеловеку — всякий миг
В нас обитающему пусто.
К тому, что он, холодноустый,
Тебя, горячего, затмит.
Тебя, надежного, предаст,
Веснушки на плечах померкнут,
И станешь ты обычный, смертный,
А мы бессмертные сейчас.
К минутной даже нелюбви:

К пространству облаков — лавиной —
Меж самолетом и равниной, —
А там — все радости мои
Горят, как взлетные огни.

Ревную! господи! реву,
Горюю! господи, горюю,
И отстраняюсь, и плыву,
И горизонт тебе дарю.

20 мая 1964

*И. Виеру*¹⁸

Чужая (что было, то сплыло).
Чужая в радушном дому —
Как азбука грека Кирилла,
Чужда языку твоему.
Я вторглась. Прости. Я — Россия.
Я каюсь и требую вновь.
Прости за урон. За насильно
Навязанную любовь.
Прости. Я Россия. Ни тени
Покорства. Могу — не гневи —
Из гордости — стать на колени,
И жизни лишить — из любви.
Хватаю, а кажется: трачу.
А трачу — сдается: храню.
Прости мне свою неудачу,
Ведь всадник-то был на коню.
И пусть я разлучница злая,
А женщина эта нежна,
Но горестным опытом знаю,
Что я тебе больше нужна.
В твои виноградные горы.
В твои тополя (— утоли!),
Мой милый, мой Игорь, мой Горэл,
Вели мне вернуться, вели.

Всё брошу. И брошусь как в воду,
Как веточка, снова привьюсь,
Всё дам тебе, кроме свободы:
Сама ее — слишком боюсь.

20 августа 1964

* * *

Есть этот город. Вот чего
Не отряхнуть. Есть этот город.
Его безлунное чело
В моем окне. Он слишком горек
Моим губам, чтобы — забыть.
Моим глазам он слишком солон.
Он мне рождением адресован
И волен потому убить.

Была я дочка. И жена.
И стала матерью. И стала
Вдовой. И думать перестала,
Что для кого-то быть должна.
Я на краю. Мой город — край
Из неба. И воды. И глины.
Мой свет, мой мрак сошелся клином
И нету жеста — «выбирай».

Есть этот город. Из ладьи.
Из хляби. Хлеба. Из картечи.¹⁹
Мне больно: так он безупречен,
Как будто создан не людьми.
Как будто их преодолел,
Впитал в себя их, как бумага.
А нас одолевает тяга
К нему. В его плескучий плен.

Его покинуть? Но куда
Подамся? Смилуйся, не смейся —
Всё — в имени — Адмиралтейство:

Моя гордыня и беда,
И безымянный голос мой,
Увоенный высоким сводом,
И очищенье. И свобода.
И мой кораблик золотой.

15 сентября 1964

СТИХИ О КИШИНЕВЕ

А этот город? Он — не вещий,
Он возводился набело,
Под ним не бьется, не скрежещет
Из тела взятое ребро.
Он не был стражем, этот город,
И страшен не был никогда,
Ему не подступала к горлу
Самодержавная вода.
Невнятна и непрекословна
Всегда душа его была.
Где знать ему, что в час условный
И ночь становится — бела.
Он чужд смертям, он чужд слезам,
И посреди российской ямы
Его не возносили ямбы
Над мглой решеток и казарм.
Ах, этот солнечный силоч,
Обвитый лозами, он лаком,
В соседстве с выстрадавшим прахом
Обетованный уголок.
Не выстывать, не восставать,
Стать на припеке тихой тенью
И слушать не пургу, но пенье,
По мне ли это?..

ГАММА

ДО —

еще под нижней линией
Памяти. Еще по ту
Сторону лавин и ливней,
Попаданий под пята,
ДО

моей так называемой
Умной жизни — было Ма-
Ма —
Ромашкой несгораемой
Над вершиною холма.

Ма-ма... мерно и таинственно,
Первым звуком вслух и вглубь,
Главным, если не единственным,
Назначением для губ.

Всё великое и малое,
Всё канун, а не канон, —
Всё именовалось МАМОЮ
Или было без имен.

Вещи, звери и растения,
Из которых я росла,
Находились в кровной степени
Мне доступного родства.

Издали теперь всё явнее,
Что в блаженной той тиши

Мама — было состояние,
Возраст мира и души,

А не кто-то с дерзкой стрижкою,
С оттопыренной губой,
Между ковриком и книжкой
На кровати голубой.

—

Ребенок, красный мой ребенок,
Сквозь душу, кожу, по края —
Меня проросший! из пеленок
Вопит беспомощность моя.
Ты не родился — ты внедрился.
Я стала — ты. Куда ступить,
Чтоб ты и вправду отделился,
Какую влагу надо пить,
Какая пища мне поможет?
А он лежит себе, трубя...
Родные говорят: «похожи».
Кто? Я — на прежнюю себя?
А он лежит себе, играя,
Припав щекой к моей груди,
И значит, жизнь моя вторая
(Уже вторая)
Впереди.

—

МИ — перечеркнутый мой рот,
Когда шепчу я: МИЛЫЙ,
Минувший мой!
Петух поет,

Рассвет идет. Всё — мимо.
Земля сыра, земля сыта,
И лиственна, и травна,
И нету над землей суда,
Так власть ее отрадна.
Петух поет за три часа
До света. Хрипло, мощно...
Твои последние глаза
Я вижу еженощно.
И нет тебя, и нет меня —
Мы только вместе — были,
И счастье, что при свете дня
О нас не позабыли,
Что ходят в дом твои друзья,
Что назло укоризне
Петух поет. И спать нельзя —
Но это — в третьей жизни.

Факелы — прекрасно! — на Ростральных,
Скачущие, красные, растравленные,
Факелы — помазанники Олимпа,
Факелы — газовые — липа, липа!
Факелы республики гаснут в реке,
Факелы — для публики — на древке.
Уже не Родина — фатерланд,
Огромный, уродливый факел-гигант.

СОЛЬ уравнивает всё:
Небо — океаном, гордость — горем —
Присности и пресности — подспорьем —

Соль уравнивает всё.
Умный и дурак — единогласны:
Главное — надеяться на соль,
Друг на друга: сытому на голь,
Голому на щеголя — прекрасно!
Главное — найти противовес,
Так сказать, себе обратный полюс,
Словно некий гарантийный полис,
Страховое средство от чудес.
Вот в чем соль! Распространить закон
На себя, признать свою законность,
Неизбежность (и свою исконность,
И свою инакость испокон).
Вездесущность соли. Вне черты.
Вне ограниченья. Всё разумно:
Словно море — мерно и лазурно...
Только вдруг пересыхают рты.

—

Лясы точим? — Точим лезвия,
Мир морочим — сами трезвые.
А нам пьется — не хмелится,
Чур! Чур!
Каменеют наши лица,
Словно выставка скульптур.
Ах, мы пьем, не остановимся,
Лишь спокойнее становимся.
Нет, не мягче, не печальней —
Отчужденней и мертвей

Перед красными печами
Вечной памяти своей.

—

Сияй, моя зеленая река,
Огромным и холодным отраженьем,
Своим побережьем и пренебреженьем
К прибрежью. Сияй издалика.
Сияй века. Ты избрана. Сияй.
Из всей воды — тебе святое русло,
Из всей земли — на ненаглядной, грустной,
Ее своей стремниной осеняй.

Река моя! Вечерний мост как нимб.
К тебе влекусь всё чище и всё чаще.
Река моя, студёный мой Олимп,
Ежеминутный и непреходящий.
Кому-то горы, а кому-то снег
Гнездом. Хотя иначе нас учили,
Мы, русские, произошли от рек
И речь свою с рекою обручили.

Как величать тебя? Я не вольна
Придумывать. Ты мне дана как знанье.
У матери какие имена?
Какие у отчизны очертанья? —
Кто спрашивает! Пусть меня язвит
Любая боль, любое отлученье,
Лишь был бы внятен мне литой язык
Теченья твоего и заточенья.

24–26 октября 1964

* * *

*С. Ланде*²⁰

Куда ты скачешь, гордый конь...

А. Пушкин

Не царь и не «медный». Где там!
Давно примеряя глаз,
Узнала в Петре — поэта:
Ведь конь-то его — Пегас.

И словно бы в небо вбиты,
С первых моих минут
Висят надо мной копыта,
Слепящие, как салют.

Куда мне рвалось и лезлось!
Шептала — и жгло в груди:
Праматерь с острова Лесбос,
Всадница, подсади.

Легка я и не пуглива,
И радостны для меня
Под облаками — грива
И ноздри того коня.

Я знаю: скакать — не сахар, —
И зубы, и душу — в кровь...
Но так мне велели, Сапфо,
Триста моих островов.

Чьим промыслом это благо,
Что между веков и бурь,
Два в мире архипелага —
Эллада и Петербург.

Два праздника: так крылато,
Так близко, что — без моста,
Так вечно, что в тридевятой,
В татарской глуши Москва.

Побоищами стозевно
Земля преображена,
Но эти два — средиземны,
Покуда она жива.

И кроме несметной боли,
И кроме еще — любви,
Над ними витают боги,
Не преданные людьми.

24 ноября 1964

* * *

А. Вознесенскому

Как про других — влюбился,
Так про него — вперился.
Уставился — не спрячешь.
Светило? Светлячок?
Все поры тела — зрячи,
И каждая — зрачок.
В пространстве черноземном
Возвышен, как гора,
Алкал он горизонта
Всей настезью нутра.
Ему орали трубно:
Сопляк, на кой ты ляд?
Но музы к толстогубым
Вовек благоволят.
Так лбом белеть всё зорче,
И прорасти насквозь
Людьми. Как этот зодчий,
Не ставить на авось,
А сталкивать в пролетах
Мерцающих своих
Всю растворимость мертвых,
Всю замкнутость живых.
Нам светит, да не греет,
Ах, если бы — тепла...
К лицу ль глаза Андрея
Фасадам из стекла!

Чьи там сердца разбиты,
Чей клетот стал ручным?
К лицу ли черный свитер
Окраинам ночным...

1964

ЖЕНА

Судачили уже тогда:
Женился Пушкин, яму вырыл...
А он из всех — Наташу выбрал,
И этот выбор — вне суда.
В чем равенство двух совершенств,
Зависимость их друг от друга?
К обедне поднимали в шесть,
На кухне мать секла прислугу.
Меж ссор и сплетен не слышна,
Как с круга гончаров античных,
Как эта смуглая москвичка
Навстречу Пушкину сошла?

Он выбором ее обрёл,
И, даже не случись дуэли,
Сыскали бы другой предлог
И точно так же вслед свистели:
«Ханжа! Кисейная душа!»
Кто в девочке признает ровню,
Тем более — так хороша,
Тем более — так безусловно.
А он ей ночью на живот
Клал обожающе ладони,
Шептал: пускай тебя, мадонна,
Любовь моя обережет.

Июль 1965, Карелия

КАРЕЛЬСКИЕ СТИХИ

Тут нелюдимая вода,
И небо тут неумолимо.
Вовек оно несется мимо
И не проходит, как беда.

Тут мало острова, чтоб стать
Землей. И потому — несметны
Плавучей суши километры,
Раз надо противостоять.

Среди бревенчатых углов
Чем бога-лешего задобришь?
Нужна бесхитростная доблесть
И совесть в двадцать куполов.

Ты беспощадная страна,
Но тянешь, словно суеверье.
Плывите ж, как родные звери,
Со мною рядом, острова.

Я тоже остров. Как ножи
Мои откосы для прибоя.
И надо мной, и надо мною
Спасительно кружат Кижы.

ДОН КИХОТ

Он едет по придуманной стране
И на несуществующем коне.
Тяжелый шаг его не тяготит —
Его простосердечье защитит.
Альдонса поднимает свой бидон,
Не зная, что ее придумал он,
Придумал и поверил: это так,
И стал ее искать в толпе зевак.
Зеваки были им сочинены —
Их спины, их кафтаны и штаны,
И не было в помине тех домов,
Где ждут его еда и теплый кров.
И не было в помине тех солдат,
Которые стреляли наугад...
Ни выстрела, ни вспышки, ни дымка...
И только он погиб наверняка.

1965

ЕВАНГЕЛИЕ 1965

От Иоанна:

И первым было слово. Слово.
Не твердь. Не море. Не звезда,
А рот, рассеянно и сонно
Сказавший поутру: «Вода...»
Сказавший тихо: «Там, над мысом,
Светает...» Среди всех примет
Творенья — слово было смыслом
И вестью, что восходит свет.
Восходит жизнь в тепле полотен,
На свежем холоде травы,
От мужнего хотенья плоти,
От нетерпения крови,
От голодранца и вельможи,
От тех, кто юн, и тех, кто сед,
А иногда — от искры божьей,
Хоть и твердят, что бога нет.

От робота:

Апостол! Это общие места
Идеализма. Вы не диалектик.
Ваш тощий семинарский интеллектик
Постыло верен догматам Христа.
Как всё земное, человек — продукт
Природной эволюции. К тому же —
Его (как всем известно) создал труд.
Потом настали мы. И чем мы хуже?
Конец эпохе вашей! О-ля-ля.

На очереди мы! Исповедима
История. И в будущем — земля,
Хоть люди и не вымрут,
Не-лю-ди-ма.

1965

* * *

И я очнулась на ветру горы,
На синем поле снежного причастья,
И все-таки очнулась лишь отчасти,
Верна в душе беспамятству игры.

Вокруг меня замкнулся горизонт,
И глаз глядел, прозреньем обособясь,
Но облако, шумящее, как зонт,
Немедленную скрадывало совесть.

Она еще кружила там, внизу,
Примериваясь к взлету и прощанью,
И квас пила, и жадно пахла щами,
И лишь слезой сквозила в бирюзу.

Кто верил легкомыслию ее,
Предательству, защитному по-детски,
Кто верил чистой совести, как тексту
Евангеля, забыв, что всё — вранье?

Была в субботу молодость моя,
Казалось, всё вестимо и возможно,
Шампанского серебряные ножны
Не ведали разбега острия.

В неспальные борта моей любви
Кто рисковал впрягать свои ладони?
Кто пробовал светить в горящем доме?
Благодарю, апостолы мои.

На что теперь мне совесть? Что мне в ней,
Когда уже немислимы пятнашки
И «Отче наш» — когда всё меньше — наших,
Всё больше обездоленных камней.

Какая горечь в прорастанье гор,
И словно пепелище — новоселье.
Разреженное пламя воскресенья
Мне раздувает горло, точно горн.

1965²¹

АВГУСТ

Его не выпросишь: пожалуйста.
Не вымолишь: явись добром...
Как часто, не достигнув августа,
Июль кончает сентябрем.
Гниением пламенным изглодан,
Дождями выхолощен в прах,
Без урожая, без приплода,
Без певчей преданности птах.
О, как мы созреваем тягостно,
Как долго ждем самих себя!
Не удостоенные августа,
Кружимся в рощах сентября.
Когда-то посвящали в рыцари,
Но в августы — не посветишь.
Он полыхнет в ночи зарницею
И озарит одну из крыш.
Или, прогретый виноградно,
Трещина обрушится с ветвей...
И удивишься легкой, жадной
Неутомимости своей.

* * *

Тоамна — осень

(Молдавско-русский словарь)

Тоамна! Как птицам корму
Даришь — скирдами, так
Всеми горами — горлу
Гласных твоих раскат...
Встречно,
В лицо,
Вдогонку,
Спарив со звуком звук
В стон твоего дифтонга,
Нерасторжимей рук.
Оа! — бездомно, храмно,
О — или только — а.
Томна, о боже, тамна,
Как ты во мне темна...
Хватит: тебя не хватает!
Кто за тебя оплатит,
Тоамна — предснежный тост?!
Мне пропитал все платье
Яблок трескучий воск.
Хватит же, тоамна. Требуи
Холода.
(Что творю!
Ведь громоздится небо
В каждую гроздь твою!)

7 сентября 1965, Ленинград

* * *

Хоть лето исчерпало честно
Аквариум своих стрекоз,
И яблок круглое свечение,
И длинное свечение звезд,
И капает пора другая
Китайской казнью в позвонок,
Всё живо в коже содроганье
Безмолвных августовских нот.
Верна заоблачно, заглазно
Слиянью веток и дорог,
Я падаю в озноб соблазна,
Как падают в полдневный стог,
Не слыша, что далеко где-то
Над полками беззвучных книг
В застекленной душе буфета
Осенний благовест звенит.

7 сентября 1965

* * *

Любовь — как листву — оземь,
И снова меня пускай
Продует насквозь осень,
Пробьет косяками стай.
Не крахом и не круженьем,
А, посветлев с лица,
Болдинским постриженьем,
Чтобы к ногам — леса.
Потрескивающим, ранним
Заморозком степи,
Болдинским пированьем,
Чтобы к губам стихи.
Лишь бы дождей бисер
Не отягчал глаз...
Мало моих писем? —
Каких же тебе ласк!
В поле моем ничейном,
Может, последний бунт:
Болдинским обрученьем
Перстни моих букв.

3 октября 1965

* * *

И горько захотела я
Жилого звяканья посуды,
Печей, крахмального белья,
Гвоздики и грибного супа.
Устроить всё, как у других:
Свой дом. И свой мужчина в доме,
Его тяжелые ладони
На бедрах зябнущих моих.
С путей нехоженных свернуть —
Искала я на них немало...
Как долго я не понимала,
Что благ один — всеобщий путь.
Достигнуть этого пути
Среди травы и сбитых листьев,
Оплакать боль избитых истин,
Не заживающих почти...
Где слава? Для чего успех?
Зато я поутру увижу,
Как над водою неподвижной,
Над чернотой клубится снег,
Не торопясь сойду с крыльца
И постою под этой манной,
Пока в окно не крикнут: «Мама!» —
Два перепуганных птенца.²²
Как вновь дарованное имя,
Как смысл скитаний по земле —
Проступят лица их сквозь иней
На замороженном стекле.

12 октября 1965

АНДРОМЕДА

Всё видеть — но какой ценой!
Добро бы бой, а то — побоище...
Змееволосое чудовище
Всегда летает надо мной.
А мне нельзя окаменеть
Под ежедневными угрозами,
Как ясновидящему озеру
Нельзя насквозь оледенеть.
Оно лежит себе, лежит
Под берегами каменистыми,
И всё высокое, всё низкое
Во глубине его бежит.
Хоть облаком его просей,
Хоть ветром перерой, как обыском —
Оно к таким способно отблескам,
Каких не видывал Персей.
Но чем дышать? Куда глядеть?
Как петь надорванными горлами?
Всё небо занято горгонами.
Но мне нельзя окаменеть.

Ноябрь 1965²³

ПЕНЕЛОПА

Для правды надо лгать —
Иначе боль и кровь.
Я привыкаю ткать
И распускать покров.
Пока дряхлеет мир,
О новизне твердя,
Я превращаюсь в миф,
Чтобы сберечь тебя.
Во мне копятя врозь
Наш общий свет и сон.
Так из кипящих слёз
Отвердевает соль.
И кто бы наперед
Ни засылал сватов —
Мой онемевший рот
Не для мгновенных ртов.
Ведь стих — ни жни, ни сей —
В свой возвратится след;
Пускай — как Одиссей —
Через семнадцать лет.
Слова живут во мне.
Ты их узнаешь враз,
Как на твоей ступне
Узнаю шрам сквозь грязь.
Про то, что утекло,
Шуми, глупец, шути.
Стихи — как мост — седло
Бессменной лошади.

МЕДЕЯ

Сестре:

И медлило море, мелея,
Когда я хотела того,
Когда лепетал мне: «Медея...»
Золотоискатель с «Арго».

Оно уходило сквозь камни
И нас оставляло вдвоем,
Пока мне хотелось, пока мне
Любилось на ложе таком.

В лесу было тесно и душно,
А здесь всё мерцало вокруг,
И были прохладней подушек
Ладони протянутых рук.

Когда же, усталый от смеха,
Смыкал он жемчужницы глаз,
Шептала я морю. И сверху
Оно низвергалось на нас.

И вскакивал он из прибоя,
Крича и зажмурясь на миг,
И несся вперед головою —
Бунтующий, бронзовый бык.

А я возвращалась незванно
В отчизну, до новой луны...
Глаза мои были туманны,
И губы весь день солоны.

Мужу (молча):

Чем ты хвастаешься? Бараном,
Привезенным издалека!
И зовут тебя богоравным...
Лесть легка. Да и честь легка.

Я молчу. И на белый пеплос
Проливаю свое вино.
Хорошо, что недавно смерклось
И под крышей уже темно.

Говори же. Им слушать любо:
Я укроюсь в твоей тени,
Только ночью кусай мне губы,
Только руки ко мне тяни.

Я горжусь тобой. Я, колдунья,
Врачевательница, волхва.
Я, умеющая в июне
Вьюгу сеять из рукава,

Заговаривать гнев и раны,
Завоевывать мир и власть,
Я, похитившая барана,
Чтобы ты им гордился всласть.

Ах, зачем ты в то утро начал
Вдоль окна моего кружить...
Я горжусь тобой.
Чем иначе
И зачем мне на свете жить?

Мужу (вслух):

Ну и дует с небес осень,
Шарит в душах у нас лазейку...
Ты не можешь меня бросить,
Потому что я чужеземка.

Нет родни, отомстить чтобы,
Нет земли моему праху.
Чтобы связь нашу уничтожить,
Мало крови моей, правда?

Оглянись на твоих кровных
Сплетниц, кошек, кликуш настырных,
Где замена мне?
Кто ровня?

Нет, не сравнивай: так стыдно!
В них тебе всё куда ближе,
Превосходство твое так явно!
И ни черных моих книжек,
Ни тяжелых моих ямбов.

Ты герой для них и спаситель,
Для меня же — всегда пришелец.
Весь мой мир — за твое «спасибо»,
За беззвучный почти шелест

Губ твоих. Весь мой путь пройден
Для тебя. И нельзя — мимо.
Если двух не дано родин,
Должен быть хоть один любимый.

Сыновьям:

На сто колен, навек вы тут,
На сто имен иноплеменных,
Которыми в тех ста коленах
Моих потомков назовут.
А я — на несколько минут...
Когда б мне было что терять,
Чем дорожить... Дай бог утрату!
Как хорошо, что вас два брата —
Вам легче будет умирать
Когда-нибудь...
Скорей, скорей
Возьмите: вот мои гребенки.
Бегите к матери своей,
Ну да, к жене отца, к девчонке,
С косою наивною до пят...
К ровеснице своей, к дикарке.
Отдайте ей мои подарки,
И можно не спешить назад.

Суду:

Кто соучастники мои?
Беда. И день дождливый,
А не кудрявые бычки,
Которых привели вы;
Они мне только сыновья:
Для мужа родила их я.
...Я слышала: она мила,
Совсем еще ребенок...
Вы говорите — умерла
Из-за моих гребенок
Отравленных. Но если ей
Достаточно крупницы
Безмерной горечи моей...
Чтобы на-сы-ти-ться...
...Так значит, муж мой овдовел...
Вот странная идея.
А я не в счет. Я не у дел.
Давно мертва Медея.
Давно. Над красною кормой,
Где солнце расколось,
Ее отпел чужой, хмельной,
Почти забытый голос.

Толпе:

А-а-а... стадо! Прочь, глумливые рога!
Вам пастуха мой муж не обеспечил...
Прочь от меня! Я варварка. Я печень
Вам вырву. Это слаще пирога.

Из отчих глаз, которым, не переча,
Я двадцать лет светила; из родства
Души с землей; из всемогущей речи;
Из мира; из войны; из волшебства —
Сама себя изгнала. И теперь
Вы мне мычите: уходи в изгнанье,
Медея!
Но откуда? Где та дверь,
Которая бы не была — зиянье?
Где тот порог, который мне — порог!
Вас медью незадачливо клеймили,
А мне — проклятием тысячемильным
Отец не шкуру, а нутро прожег.
Так вам ли городить запретных зон
Решетки? Вам ли радоваться — «горько»,
Когда мне угли целовал Язон?
Прочь! Я вам недоступна.
Я — изгойка.
Есть родина и здесь. Всего лишь пядь.
Осколок. Островочек оголтелый.
Она — мое поруганное тело.
Так вам ли
Из него меня изгнать?!
Сама себя!
Счастливо вам пастись,
Щипать траву восторженно и жадно...
Медея — вон?
Вонзить! И камнем — в Стикс.
И кровь моя да будет вам
Пожаром.

Январь—март 1965

ДЕКАБРЬ

Развей мою печаль, веселый снег!
Пусть на чужих губах она растает,
И я, освобожденная, пустая,
Я окунусь в твой безутешный смех.
Всё чище и безлюдней путь назад.
Всё круче окружающие крыши,
Всё головокружительней и выше
Мои забвенья белые летят.
Уже друзья не причинят мне зла:
Для них недосягаем этот холод,
Их не опровергает этот хохот,
Не всасывает эта белизна.
Под фонарями резво семеня,
Несут они мечты и мандарины,
И смотрятся в зеркальные витрины,
Не помня и не зная про меня.
Безлунный свет течет вдоль мостовых,
И люди сокрушаются о чуде,
И шубы, точно лютые кольчуги,
От беспокойства укрывают их.
Какая одержимая зима!
На рождестве, на святочной неделе
Заламывая стонущие ели,
Отплясывает в бешенстве земля.

22 ноября 1965

НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ

Чью тень, о други, видел я?..

Пушкин

Решетки этой почерк отродясь
Я жалованной грамотой считала,
Я каждый день чугуна ее читала,
И между нами возрастала связь.
Меж небом и гранитной мостовой
То в снеговом, то в лиственном сиянье
Висит ее священное писанье,
Неведомо затверженное мной.
По воздуху стремительным перстом
Прочерчена еще одна подробность,
Не то что тень, а словно некий образ
Меж Синим и Конюшенным мостом.

И для меня, уже который год,
Особенно при небольшом тумане,
На Мойке так необходимо-странен
Изгиб реки и зданий поворот.
Предчувствие открытья и беды
В одушевленном том столпотворенье
Особняков. В наклонном ускоренье
Решетки — вспять движению воды.

Зачем мне знать, что называлась Мья,
Для лодок в берега вбивали кольца...
Есть признак места, выраженный болью.
Боль — от и — до. И это знаю я.

От Синего к Конюшенному. Вот
Где стык углов и стык свинца и охры
Сжимает узко берега и горло
И внешней правдой быть перестает.

1 декабря 1965

* * *

С. Лурье

Малыш, я в безболезненных стенах.
Я далеко от наших общих улиц.
Мои глаза ушли и оглянулись:
Всё очутилось на своих местах.
Сначала обнаружилась Нева
Под левой грудью громкими толчками,
И города одушевленный камень
Лег под язык. И стала я нема;
И, стиснув зубы, изнуряю ночь,
И ни свободы, ни беды не чаю,
И между уцелевших строк — печален
Твой профиль — грибоедовский точь-в-точь.
Он проступил и отвердел, как соль.
Я вздрогнула: я вдруг его узнала.
И родину по имени назвала.
Как заклинаньем утишают боль.

15 декабря 1965

* * *

Сане Лурье

Я не умею быть верна.
Я изменять не научилась.
Мне встречная судьба — как милость,
Я отказать ей не вольна.

Вот и сейчас твой узкий лик,
С такими тяжкими губами,
С такими долгими зрачками,
Что голова от них болит.

Меня, задетую опять,
Заносит ледяным кипеньем,
Озвучивает тайным пеньем,
Которого не услышать.

Все званые в моем саду,
А избранный? что это значит...
Я выбрала того, кто плачет.
Утешится — и я уйду.

Декабрь 1965

ВНЕЗАПНЫЕ СТИХИ

*С. Лурье*²⁴

Я не дразню и не мирю
Холмов и глаз взаимосклонность.
...Вдруг столбенеет лунный конус
Из облаков на грудь мою.
Вдруг листья норовят клевать
В воде полуночные зерна,
Вдруг в полукружии подзорном
Встают два голоса играть.
С одним не совладать. Он — тот,
Что безвозвратно возникает.
Другой же прячется и ждет,
И долго-долго повторяет,
Всё тише-тише, всё слабей,
Всё удаленней, всё невнятней
Движенья первого...
И вряд ли
Между ветвей,
Между людей
Объяснено их назначенье.
Но им — неравным — всё равно:
Они взаимны и ничейны...
Вдруг в погребах гремит вино,
Вдруг овцы сбрасывают шкуру,
И тяжела, как облака,
Свиваясь шерстью белокурой,
Она щекочет мне бока...

И вдруг, когда мой ветер полон, —
Томит дыхание твое,
И прах дымится, точно порох,
У входа в слабое жильё.

11 января 1966

* * *

И звуками сопряжены,
Как связью корневых законов,
Ворчанье мужа и жены
И воркование влюбленных.

Два голоса — один в другом —
Не плача ищут или смеха,
Лишь отраженья, тени, эха,
Но смежного, как вспышке — гром.

ЯНВАРЬ

В пятиминутном мире на столе
Бессрочная свеча горит и тмится,
И вдоль каналов свежий снег дымится,
Не успевая прирасти к земле.

На шею мне, скорей, твою ладонь!
Вот чем деревья живы, и спокойны:
Как под зимой река, как под рукою.
Пирует в них непойманный огонь.

Без имени огонь, без языка, —
Не обличить, не вытянуть по нитке, —
Безглаво торжествующий, как Нике,
Огонь, огню не преданный пока.

Как перенять его? Губами с губ.
Губами с губ. (Не так! Еще нежнее...)
Перегорит душа — мы вместе с нею.
Не погуби, а лишь — а лишь пригубь.

Все площади замешаны в родстве,
Все улицы уличены в потворстве,
На шпиле остром и на камне черством
Следы от губ — как почки на ростке.

Я город исцелованный ношу
Во рту. Он изнутри палит мне губы.
Тепло без дома. Горячо без шубы.
И ничего, ты слышишь, не прошу!

И без плеча могу, и без луча:
Не прирастает снег к стремнине красной...
Но ты постой. Побудь. Пускай погаснет
На пять минут настольная свеча.

Январь 1966

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В этот день,
Как в смертный день, —
Ни одна любовь не спрячет,
И куда себя ни день —
Всюду чей-то голос плачет.
Тихий. С ним наедине,
На ветру, под черным сводом,
Молча раздвигаю воду,
Предназначенную мне.
Обними меня, поток,
Тьма и ясность прописная,
Память сквозь меня — как ток —
Мой же голос пропускает.
Что ж ведет меня за ним,
За невнятным детским эхом?..
Господи, да что мне в этом!
Полдень мой неопалим.
Я давно уже умна,
Я давно уже не плакса,
Я давно...
Но всё напрасно,
И вода вокруг темна.
И простужен, и горяч,
Под оглохшими руками
Разбегается кругами
И не утихает плач.

Январь 1966

ТРИПТИХ

Сане Лурье

I²⁵

Идут года, а выйдет год —
Краешек.
Летит звезда, а упадет —
Камешек.

Ты приближался — я ждала
Легкого.
Не пристани ждала — крыла
Лётного.

Я думала, что ты мне рад
Издали.
Я думала, что ты мне брат
Избранный.

Я знала: тех, кто полетел,
Не вывихнуть,
Я втягивала лишь затем,
Чтоб выдохнуть.

Кочевница, звала с собой
Странника.
Но твой не мой,
И мой не твой
Путь.
Странно как...

II

Тебе в океане пресно,
А в лужах — вино.
Тебе в степи моей тесно,
В щели чужой — вольно!
Тяжки тебе тучи,
Грохот — постыл.
Может и впрямь — лучше
Сиротство пустынь.
Нет у меня брата
И тебе им — не быть.
Я слишком богата.
Богатых нельзя любить.

III

Богатством не хвастают — прячут.
Привычно и жалобно плачут,
Заботливо копят.
А я-то
Кричу, что богата! богата!
И настезь все окна, все двери:
Пожалуйста, люди и звери!
Пожалуйте, ешьте и пейте,
Здесь вдоволь всего, не жалейте...
Ночуйте, гостите, гуляйте
И в куклы
И в кости
Играйте...
Всё ваше!
Но что происходит?
Меня, как чумную, обходят.

Озлобленно зубы ощеря,
Вокруг меня мечутся звери,
А люди — они осторожны.
Полны подозренья и страха:
На что им чужая рубаха —
Достаточно собственной кожи.

* * *

Но ты мне час особенный назначь,
Когда холодный свет в горах забрезжит
И полоса утрат и неудач
Осенним прояснится побережьем.
Какой пейзаж! — как будто нет его;
Какой пейзаж! Единственный для зренья,
Пейзаж, освобожденный от всего,
Что угрожает нам исчезновеньем.

Ты улыбайся в воздухе пустом:
Вокруг песок незыблем и безлюден.
Назначь мне час, как назначают дом,
Как назначаем тем, кого отлюбим.
Чего-то больше нет в твоём лице;
Оно неузнаваемо родное.
А там, вверху, в безлиственном леске,
Уже до нас остановились двое.

Август 1966

* * *

Большая комната глуха,
А эта — словно кожа.
Я, как осенняя ольха,
Пропитываюсь дрожью:

Вплотную стены — и живьем
Мне удастся мука
Коснуться холода жильем,
Коснуться эхом звука.

И тесноту черновиков
В теснейшем закуточке
Вдруг разомкнут ночных снегов
Немые молоточки.

И круглый свет на потолке
И клинышек дыханья
Равны друг другу и — тоске,
Не названной стихами.

1966

* * *

Пить на ночь кофе и считать потери...
Но я продлить стараюсь каждый миг
Инстинктом насмерть раненного зверя,
Который скачет только напрямик.
И мне необходима и тесна,
Как воздуху, стесненному кипеньем,
Вечерняя молитва мастерства,
Окрашенная зернышком кофейным.
От ничего во рту горчит глоток,
Одновременно дождь трубит во мраке,
И медленный чернильный завиток
Обозначает это на бумаге.
Из плоского фасада всех вещей:
Изогнутого скатертью ковровой
Стола, заиндевелых овощей,
Святящихся сквозь холодильник новый,
Из черного, как зеркало, окна,
Из книг, к окну повернутых затылком,
Из ложечки, из ярлыков вина,
Приклеенных к невидимым бутылкам, —
Из плоскостей, которые косят
И по оси друг друга рассекают,
Пространство целой жизни рассветает,
Совсем как листья образуют сад.

* * *

Евг. Евтушенко

Люблю я этого поэта,
Он тороплив и не умен,
Но есть в нем некая примета
Соприкоснувшихся времен.
Но есть в нем некая удача
Произносить всегда впопад
Всё то, о чем невнятно плачут
И вразумительно молчат.

Пускай высокомерный кто-то
Его обругивал взашей,
Его стихи как анекдоты
Не для души, а для ушей.
Для обеззвученной России
Букварь и пропись — этот стих.
Пусть присказка — его усилья,
Но сказка выйдет у других.

1966

Е. Даги

...Но абрикосы над прудом —
Как сто свечей со дна подвала.
Я задеваю их прутом
И задуваю как попало.
И снова начинаю с «но» —
Отнимут «но» и всё отнимут,
И не утешит даже климат,
Сухой и крепкий, как вино.
Осталось «но», чтобы с него
Ступать, как с царского подворья,
По улочкам бывшего горя,
Не вспоминая ничего.
Осталось «но», чтобы гасить
Моих ожогов отраженья
И от внезапного движенья
Похожего — не голосить.
Вот почему твоя рука —
Неокольцованная птица,
Вот почему твоя река
В глазах моих не отразится,
Вот почему твой белый дом
Спасен. Другим его пожалуй!
...Но абрикосы над прудом —
Как свечи, дразнятся пожаром.

1966

* * *

Эти медленные реки,
Из которых страшно пить,
Возникали для элегий,
Для трагедий, может быть.

Эти тонкие деревья
В полотне своих туник —
Стилизация под древних,
Не похожая на них...

Эти каменные дамбы
На финляндском берегу
Чередуются, как ямбы,
Вырастая на бегу.

Но в другой земле июля
Жизнь мгновенна и резка,
Птицы свищут, словно пули,
В сантиметре от виска.

Но из южного кипенья
Рощ и камня, рек и мха
Не извлечь мотив для пеня
И размера для стиха.

Но Кавказ, лишенный мрака
(Не влюбить и не спугнуть), —
Не похож на Пастернака
И на Пушкина — ничуть.

Видно, их и гнало это,
Уязвляло и влекло, —
То, что он для глаз поэта
Невозможен — набело.

Офицерам и повесам
Он швырял бешмет в пыли —
Сам же, сам же был процессом
Сотворения земли.

Не они, а он их строил
И навек определял,
И питал их чистой кровью
Голодающий Дарьял.

1966

МИХАЙЛОВСКОЕ

Над озером туманен воздух,
И отсыревшая стена
Топорщит прадедовы гвозди,
Как бесполезная стерня.

На облупившемся карнизе
Подобно облаку — пятно,
И дым из труб тяжел и низмен,
Но это, право, всё равно.

Не заповедна, не тюремна,
И не музейна — упаси!
По склонам тянется деревня,
Увязнув избами в грязи.

В ней пироги с сухой черникой
И крепче водки — молоко...
И даже странно, что чернила
Так испаряются легко.

1966

ОКТАБРЬ

Туманный день нарезан серебром,
Невнятен слуху, голосу неведом,
И сущность обозначив октябрем,
Превратность формы означает снегом.

— Ты кто?

— А ты?

— Я мимо. Стороной.

— А я — навстречу.

— Благо, что не рядом.

— Пстой!

— Зачем? — Мы обменялись взглядом.

Не обменялись: здесь туман сплошной.

— Пстой!

Но ты давно пропал в снегу.

Бежать вослед? Обрато — не могу.

Без провожатых нет к себе дороги.

А ты не звал и не просил подмоги.

И заживает тотчас колея.

Столкнувшиеся судьбы — половинны.

Мгновение для равенства. И я

Иду к тому, что ты уже покинул.

22 февраля 1967

МАРТ

Привыкнув к холодам,
Упряма и цепка,
Хожу по скользким льдам
Улыбчивей цветка.
Инкогнито, как март:
Попробуй-ка открой,
Что март — от слова Марс,
Что март — от слова бой.
«Ах, снега талый круг,
Ах, теплые ветра...»
Но каждая, как лук,
Натянута ветла,
Подспудная вода
Вынашивает бунт,
И как по проводам
Молниеносных букв
Мерцающий «марш-марш»,
Так по тугим ветвям,
Так по живым корням
Пророчествует март.

ЗАГОВОР

На тихих облаках моих небес
Ночуют независимые луны,
И женские таинственные лона
Безогненный притягивает блеск.
На медленных снегах моих полей
Венчальные качаются березы,
И детские ресницы, как стрекозы,
Постреливают из-под их ветвей.
Аленушка моя! Ау... ау...
Твоя лыжня скользит свежо и круто.
Поймай звезду в протянутую руку,
Поймай свою снежинку на лету.
Из проруби, клубясь, восходит глубь.
Гляди, гляди в закованную воду,
Страданьем обделенную природу
Озябнувшей ладошкой приголубь.
Смотрю в твое любимое лицо,
Трепещущие губы понимаю
И варежку с тропинки поднимаю,
Как будущий жених — твое кольцо.
Утенок гадкий! Всё — еще вдали.
Еще идет спартанская закалка,
И день полупрозрачен, словно калька.
Но сквозь него маячат корабли.
Не стань добычей, девочка. Любя,
Послушницей не будь у страсти лисьей.
Мужчина лишь от гибели зависим,
Так пусть они зависят от тебя.

Чему смеешься? Просто я боюсь:
А вдруг не устоишь, не уцелеешь.
И всё-таки, пускай плывет царевич.
Пускай увидит, как смеешься. Пусть.

Евгению Даги

Сон был невиданный, но явственный:
Галдели гуси, двери хлопали,
Гимн исполнялся государственный,
И сватались ко мне два тополя.

Я — чай пила и губы жгла себе.
Вдруг сердце выдохлось, как мячик...
Я сразу же дала согласие,
А дочка Лена — как заплачет!

Гостей наехало из города!
С цветами... Выбор мой судили.
Мужья дрожали, как от холода,
И я легла посередине.

Все отошли. Но голос узенький
Порхал вокруг. Чтобы не слышать,
Я тополям шепнула: «Музыки!
Скорей! И я хочу повыше...»

Тогда река — невестка юная —
Освободила от брезента
Два парусника, словно струнные
Неслыханные инструменты.

«Ах, мама, мама, что ты сделала!» —
Мне девочка моя пеняла.
Во мне ж господствовало дерево,
И я ее не понимала.

13 апреля 1967

Ты отлетаешь сразу и спроста.
И нет тебя. И только дрожь куста.
И вслед тебе, бог весть что защищая,
Я выпускаю птицу изо рта
И воздух твой влюбленный возвращаю:
Мне без него такая духота.
Мне без тебя такая слепота.
Какого цвета по умершим память?
Какого знака мне колпак натянуть,
Чтобы не быть похожей на шута?
Какой наряд? — Мне всякий полосат,
Как пограничный столб (нет, горячее!),
Как арестант,
Как сумасшедший,
Шею
Таращу сквозь смирительный халат.
И даже лист, обыкновенный лист,
Лепечущий у глаза по соседству,
Мне как зеленый срез живого сердца,
И тех кровотокающих листьев — лес.
Мне без тебя такое — ни души.
Не отчуждайся, грустный мой учитель,
В свою высоколубую обитель,
На губы мне теплом своим спешу.
Я выпускаю птицу изо рта,
Тобой не узнаваемую птицу:
Ты мой, пока ее движение длится —
Ты сам ее вдохнул в меня с утра.

1967

Письмо уважаемому другу.

И. Б.

Прощай, мы не расстаемся уже.
Теперь твой жребий принял вид канона,
Как сук, как луги сад возделанный,
С классической решеткой по душе.

Теперь могу с тобой невтороных,
Не на углу Милейного (о семь б!)
Стояшь во всех прошедших временах
Во лобом едике, как на лобок из
летни,

Балетом и куря, и на одну

Мимуту приключаясь легкой друж к друж,
Следит, как по невытоленному окну
Степной когелки мартовская ~~ноя~~.

Прощай, проговорно пахнет влобке
Во улаке твоё теощаеки поднебесной
Тут ты, караван, шопы и безвестный
Тил. и) дудники черной каверне.

Век неразрывен, сколько ни врон,
Как ни парад — всегда одна оккета
У каждого действительности подра,
Прокладывая курс совести в цркви.
Друже. тирма. Стыдание со свеча,

друзья. Изгнаны. Прах гунной любви.

Прощай же, шепот. Знаешь, что мне таяло?
Тыо Рюрик, ты и Феде Добровольский,
Всё знавшие про гору эту скользящую,
В талую дали ушли, в такую даль...

Прощай, прощай, на Кирогной фемно,
а в Комерово крысы перчат венок,
И давит судце собственное в спорок
Самора, шепот волнать хоти вино.

Прощай, всю жизнь прощай нам страх
и стыд,
Душевное всё и тевканье в горбани,
Как тетка всё обильский,

Пророк - игольщик^{заборит,}
каб,

вдали
Средь поездов и переломов светлых
Медаль просить предаждки своих.

Талужко.

Май. 1972.

* * *

С. Лурье

Чужой ты мне! Иди и странствуй,
И, крепче прожитых обид,
Сосредоточенность пространства
Нас, разлучённых, породнит.
Мой горький опыт дальноророк:
В тебе рассвет не уцелел.
Глаза — пустынные озера,
В них образ леса облетел.
А издали... Меж черных строчек,
Как между беглых облаков,
Свет ослепительный проскочит,
И был таков, и был таков!..
И в миг письма, когда твой взгляд
Безлюбным сходством околдован,
Ты мне простишь наивный довод,
Что путь вперед — в пути назад.

Июль 1967

УПРАЖНЕНИЕ ДЛЯ ЗЕРКАЛА

I. МИРАЖ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ В НЕБЕ

Сном ли поем еду,
Жив ли болен еду,
В кронах кровеносных
Вздрагивает воздух.
Месяц кажется профиль.
Снег метет, как тополь.
Сразу, в одночасье —
Лунно и ненастье.

Женщина, к чему же
Отражаюсь — мужем
В узких перелесках,
В строчках черно-резких.
Голос, полный смехом,
Перерезан эхом,
Днем ли, мраком пойман,
Путь оврагом порван.
За чертой оврага
Беличья бумага,
Белый свет и поле
Для посмертной воли.
И на нем — нечаян,
От конца печален
Человек под снегом
В зеркале бесследном.

II. ДНЕВНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ²⁷

Не тронь меня, и я тебя не трону:
Прикосновение — самооборона.
Забудь меня, и я тебя забуду,
И в никуда вернусь из ниоткуда.
Я замолчу, и ты пребудешь немо.
Но как реке избавиться от неба?
Но как глазам от глаз освободиться
И, всё вобрав, самим не погрузиться?
Я тень мою сотру с твоих ступеней,
Но стены лишь усиливают пенье,
Но линзы вызывают запах дыма.
Друг другом все объаты и твердимы.
— Пусти меня! —
Напрасно и стараться,
Друг в друге растворясь, потом расстаться.
Прошедший мимо разве вправду минул?
Во мне он — как замедленная мина.
— Не тронь меня, — ты просишь. Но когда-то
Ты станешь мной. И я не виновата.

III. НОЧНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ ²⁸

...И на сиреновой, на черной
Воде, прозрачной наголо,
Возникшее нерукотворно,
Светясь, лицо твое текло.

Мне было странно: неужели
Оно вторгается в объем
Того безбрежного движенья,
Где не уместись вдвоем,

Где — как единственное — создан
Мой глаз полуночный в тиши,
И рыбы не мешают звездам
Лишь потому — что без души.

И наискось от края лодки,
Почти на кончиках ресниц,
Деревья напряженно ²⁹ четки
В своем порыве вверх и вниз.

И в безоглядности жестокой ³⁰
Сама не знаю, что творю:
На взмах наточенной осоки
Толкаю голову твою.

IV. ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВЕ

Висеть, как сад, или слетать, как дождь,
Прозрачной быть или чернеть, как сажа, —
Все состоянья мне доступны сплошь,
Как летчику фигуры пилотажа.
Но высшая из многих степеней —
(Чья только мудрость эту учинила?)
Тетрадку взять и осушить по ней,
Как слезы, как шампанское — чернила.
Я разгибаю утреннюю горсть
И слово нахожу на дне ладони...
Но что это? Все строчки смотрят вкось,
Как население в сумасшедшем доме.
И мой ли это почерк? Ведь похож,
Да наизнанку вывернулся будто.
Ах, дьявол! Вот в чем дело: эти буквы —
Как тень свою — отбрасывают ложь.
Опять мой голос счастлив и фальшив.
Беспочвенна любви моей природа.
И лжет свобода так же, как погода:
Недаром в горле всякий раз першит.
А в зеркале исчерканном, смотри!
Граненые разламывая рамки,
Мои гримасы, словно бумеранги,
Уничтожают образы мои.

V. ОТРАЖЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ³¹

Снегурочка стала огнем,
А я постарела.
Девчонки стоят за углом
Все в белом.
Их первая ночь у костра
Светла и просторна.
Их тeneвая сестра —
Я — в черном.
Я молча. (Как сухо во рту!)
Всё правильно.
Я их отраженье — по ту
Сторону пламени.
Я вижу их, но сама
Забыта и непонятна.
И, может быть, впрямь сильна,
Раз не хочу — обратно.

ПРИЗНАНИЕ ЯНУСУ

Иосифу Бродскому

Когда бы не привычка пить вино,
Одушевляясь голосом и взором,
Мы потеряли бы давным-давно
Способность к откровенным разговорам.

Увы! Заняты это — суета,
Но ведь расходы поверяют счетом.
Так пьяненькая наша прямота —
Почти обряд, как баня по субботам.

Не страшно посидеть в своем кругу
(Вне посяганий Данте Алигьери)
За исповедью, нежной, как рагу,
Питая к человечеству доверье.

Но как он страшен, на сто лет вперед,
Календаря раскрашенный порядок,
Столь ровный, что вершина и упадок —
Одной и той же цифры поворот.

Вдруг нечто, без характера совсем,
Безликое значков соединенье,
Как 1967,
Сотрет меня неведомым значеньем,

Количеством чего-то... Но чего?
О, господи, неужто тех повторов

Вседневной лжи, покаявшись в которых,
Я только умножаю их число.

Мой друг... (Здесь интонация важна,
А так как обращение слишком стерто,
То поясняю: ударенье на —
Второе слово. В нем сквозит аорта.)

Мой друг, позволь мне называть тебя
В стихах условным именем, как древле
Догадливые эллины, приемля,
Что истинное — умолчу любя.

Хочу тебе напомнить Летний сад,
Прогулку нашу в середине лета.
Я думаю, ты догадался сам,
Зачем мне здесь понадобилось это.

Где, помнишь, мрамор светел и двулик,
Присели мы. Скамейки были мокры.
Над нами небо в обрамленьи лип
Имело форму правильной восьмерки.

Видать, петровский садовод «чик-чик»,
Не терпящий в эстетике изъянов,
Меж стриженных деревьев и тюльпанов
Пытался бесконечность заключить.

Вот знак ее: ∞. Метафора, почти
Неуловимая для пониманья,
Надежда, нетерпение, желанье...
Каким угодно образом прочти.

Ты знаешь, та минута так длинна,
Так четок на сыром песке рисунок,
И так же мчится беглый жидкий сумрак,
И мы как два безумных бегуна.

Ты впереди. Но среди бела дня
Лицо твое повернутым осталось
Ко мне. И я кричу: великий Янус,
Постой, о время, подожди меня!

Я задыхаюсь, но хочу догнать,
Должна догнать и поравняться в схватке
С душой твоей, не знающей оглядки,
И взгляд ее почувствовать опять.

Вот видишь: от гордыни ты не спас.
Зато благодарю счастливой болью,
За то, что не в постели, не в застолье
Могу сказать то, что пишу сейчас.

Твердили об адамовом ребре.
Я из другого, друг мой, из другого.
Я родилась, ты знаешь, в январе.
Я из ребра непойманного бога.

Мне родина — январь. И до конца
В нем для меня неразделимо слиты
Лицо твое, обрызганные липы
И Януса два чистые лица.

3 августа 1967

ИМПРОВИЗАЦИЯ В ДИЛИЖАНЕ

Роне Зеленовой

Небо ярче и жестче
Сквозь верховные рощи,
А над рощами всеми
Снега голое время.
Взмахом птичьего пуха
И осеннего праха
Отверзается духу
Близость господа Баха.

В час, как в горных потоках
Он ворочает камни,
Мы блуждаем в потемках,
Спотыкаясь о гаммы.
Но не нынче, так завтра,
На тропе перевала,
Нас, как ливни, внезапно
Настигают хоралы.

Накрывают не тенью,
А на многие годы
Сквозняком и смятеньем,
И смиреньем свободы.
Сквозь прорывы в платанах —
Облаками до снега —
На овечьих полянах
Вертикальное небо.

ОСЕННИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ В АРМЕНИИ

В пути моих усилий
По каменным кругам
Мне спутник не Вергилий,
А Осип Мандельштам.
Спаси меня, безумец,
От завтрашних следов
В пыли армянских улиц,
В гнезде крутых садов.
Засунь в кувшин горластый,
Где головою вниз
Устойчивость пространства
Я обрету без виз.
Ночным вином, бараньим
Курчавым сквозняком
Я причащусь, как ранним
Сплошным твоим стихом.
Над непомерной чашей
Армении — клянусь,
С твоей руки легчайшей
Ее краев коснусь.
Так вот он, обожженный
И не стряхнувший гарь,
Земли огромный жёрнов!
Нет — жертвенный алтарь.
На нем и злак, и плевел,
И плод живых ветвей —
Всё превращалось в пепел
Адамовых детей.
Что в нас бессмертно, кроме
Страдания? Оно

От времени и крови
Крепчает, как вино.
Одно страданье щедро
Нас возвращает нам,
Как юность (для отмщенья)
Гонимым племенам.
Как раскрывает почка
Подземный смысл семян,
Как обнажает почву
Мелеющий Севан,
Как явлены эпохой
Расцвета и тщеты
В армянских лицах — Бога
Забытые черты.
Так остается чистой
Держава русских книг.
Есть и у нас отчизна,
И это — наш язык.
Мне это пишет осень
Оранжевым лучом.
И ты уходишь, Осип,
Из рук бежишь ручьем.
То лепетом, то стуком
Ты бьешься вдоль скалы.
Над перевалом к туркам
Плывет «курлы-курлы»,
И высотой утраты,
Не зажитой вовек,
Сияет Арарата
Заоблачный ковчег.

Октябрь 1967. Дилижан

НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ ДЛЯ КАРО

Я вышла наугад:
Пурга вилась кругом,
Как дикий виноград,
Охлестывая дом.

В последние часы,
Не по-ночному храбр,
Высокие Весы
Выравнивал декабрь.

Год прожитый — как час.
Наш голод — словно пир.
Двух колыбельных чаш
Коллеблющийся мир.

Все, что кричит во мгле,
Все, что молчит во рту,
На меховой земле,
На кружевном верху, —

Не взять и не отнять.
Декабрь шептал: позволь,
Я лишь хочу обнять
Воспоминаясь боль,

Я лишь хочу помочь,
Хочу смягчить сердца...
Я закричала: прочь! —
И спрыгнула с крыльца

В метельную спираль,
Во тьму, в собачий лай,
Не то в былой февраль,
Не то в грядущий май.

И колотьем в боку,
И серебром в глазу
Я знала на бегу,
Что тяжело — внизу

(Не перевесит бог,
Не облегчит успех).
Метет моя любовь,
Как новогодний снег.

19–20 января 1968

* * *

Гора сложилась во мне, как зонтик.
Сжалась, как надувная лодка,
Та поляна в снегу и в золоте
Одуванчиков перелетных
Вновь за тысячу километров.
В глубине моей ждут Балканы
До порыва твоего ветра,
До поры,
До открытой раны.
Губы разъединив сухие,
Приникаю к твоей отваге,
Как сова в наступившем мраке,
Прозреваю в Софии.

<1968>

УПОДОБЛЕНИЕ

Нежней поляны и реки
Никто со мной не обращался,
Их шелест в голос превращался,
Подвластный памяти руки.

Им ровня, я была легка
В пропорциях такого рода,
Когда равна реке свобода
И родине равна река.

Но лес... Молчат мои стихи
В лесу, который весь — мужчина,
Где над черничною лощиной
Твоею кожей пахнут мхи.

И сверху на меня дыша,
Травы в расчет не принимая,
Судьбу вершин вершит немая
Высокоствольная душа.

Как я мала, чтобы вместить
Суровый сумрак хвойных бдений,
А страсть охотиться и мстить
Во мне не кормит заблуждений.

Зачем же рвусь я, боже мой,
Туда, в бестрепетные иглы,
Чтобы, как боль, меня настигло
Всесилье слабости чужой.

* * *

Люблю чужие города.
В них чувствуешь, что ты не пара
Вокзальной площади, бульвару,
Заводу, зданию суда.
Не ровня озеру. Оно
Другим рукам послушно было,
И не меня оно забыло,
И не в меня погружено.
Кого-то греет толкотня,
Кого-то ждет письмо в конверте.
Я вижу все, как после смерти,
Как то, что будет без меня.
Но так доверчиво похож
Пролет моста. И своды арки.
И карусели в черном парке.
И дождь. (С ума сойти! И дождь!)
Вода мигает и плывет
И всех пришельцев гонит, гонит...
И к счастью, есть на свете город —
Меня он не переживет.

М.

А ну, придвинься, это мой секрет:
Вблизи глаза становятся родными
И добрыми. Они соединимы
В движении. Как бег блескучих рек.
— За полшага — за тридевять земель,
А так — мы одинакового роста,
Как обморок взаимный. Или хмель.
Или, пожалуй, общее сиротство.
И нежность вновь сжимает мне виски
Венцом остроконечным и мгновенным.
А можно оградить себя так верно:
Всего лишь взгляд от взгляда отвести.

* * *

Не оперенная пером,
Не бывшая страницей,
Бумага пахнет декабрем,
А может быть, больницей.
В ней та безвыходность, как раз
Та тишина, какую,
Пугая, причащают нас
Приемные покои.
Она — тот белый потолок,
В который глядя слепо,
Мы ущемляем жизнь в глоток,
Пока безмолвен лекарь.
И каждый выдох, каждый стон,
Как слабое растение,
Мы на снегу ее пустом
Преображаем — тенью.

ВАЛЕРИК

Как месту этому название?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти...»

М. Лермонтов

Отсыревшая бурка еще не сведенного леса
Покрывает окрестные горы. Пастушеский крик
Глохнет в липком тумане. Костер развели
под навесом.
Переполненный, рядом гортанно рычит Валерик.

Всю долину до пояса, дуб на косом берегу
Затопило. Как волосы, в мутном потоке
Шевелится трава. Я, должно быть, забыть не могу
Посвященные этой речонке кровавые строки.

Оттого и картина живого пейзажа мрачна.
А ведь в ней так уютно пацан привалился
к ягненку,
Дуршлагом вынимает хинкали нам из казана
Бригадир Измаил, перетянутый в талии тонко.

Этот красный стакан мне пригубить сегодня
невмочь.
Этот перец кривой, обожаемый — кривь ятагана
Повторяет. Двоится сгущенная ночь.
Как за тучей — луна, в ней былое горит постоянно.

Поднимаю стакан: дождевая косматая высь,
Словно войлок, валится на летнее платье.
Говорю: здесь не даром на братство враги обнялись
Рукопашным, смертельным и нерасторжимым
объятьем.

Непрерывен огонь. Он певуче, он страстно горит.
И на лицах у нас его алые жаркие знаки.
Большеглазый знакомец стоит над рекой Валерик
В красной, в заговоренной от пули рубахе.

1968

* * *

Чем бездыханнее мы пишем,
Тем вдохновеннее молчим.
А эти грани — выше, выше,
Всё выше — мало неба им,

И мало жизни нашей малой,
И даже смерти. Высота
Не перерывом — перевалом
Над новой пропастью сыта.

На белый галечник, истертый
Терпеньем волн, я ниц ложусь,
Чтобы услышать шепот мертвых,
Твердимый морем наизусть.

Чтоб и свою придумать фразу,
Пока, найдя мой жадный рот,
Бесчеловечный свод Кавказа
В свой жгучий лед меня возьмет.

КАЛЕНДАРЬ

С. Ланде

Как тяжело обнимает нас зима,
Как люто тишина обременяет,
Как безвозвратно в январе меняет
Меня самодержавная земля.

И вьюжное движение годовщин
Стирает смыслы двух соседних суток,
И ежедневно новый год рисует
На стеклах разность тех же величин.

Весенними листьями льсти глазам,
Сравнением заостренных овалов,
Грозою и росой льсти слезам,
Морщинам льсти решеткой веток талых.

И свежестью твоей обольщена,
Опустошенно, чисто и прозрачно
Вдруг побледнеет у меня щека,
И станет красным рот и новобрачным.

И выравненный известью висок
Опять займется черною травой,
И слева под ребром, высок-высок,
Голодный дятел будет бить тревогу.

* * *

О, только бы не довелось,
когда не станет слов и слез,
солгать единственному другу,
как просто нам жилось тогда,
как всё, что было, не беда,
но падал дождь, но пела вьюга.

Пусть тишина спугнет толпу,
и кто-то выйдет на тропу
из полуночного полона,
совсем как тот, который мне
всегда казался в тишине
последним спутником Вийона.

О, здравствуйте, мой страх и суд,
они еще в других спасут
тысячелетнюю отвагу,
с которою у Ваших ног
на снег, на лобный мой порог,
тяжелым лбом покорно лягу.

Включено по ошибке.
Стихотворение Татьяны Калининой.
Стихотворение посвящено Павлу Антокольскому

* * *

Когда сквозь толпу и порошу
в единственном городе нашем
ты знаешь посильную ношу
своей суеты и любви,
стремительно — перед глазами,
направо от Малого зала,
над узкой водою канала
нечаянный Храм на Крови.

Покуда за днями не канул
пойти и коснуться руками
любого высокого камня,
который и холод, и свет.
Однажды затеяла это —
и вот — за минуту до света —
в руках бубенец и монеты,
и звон бубенца и монет.

* * *

Прощаемся... А я замру.
Но миг беды и время года
затеют темную игру
у твоего окна и входа,
и где-то на чужом пиру
слетятся в плач моей свободы
по топору...

За осторожность петь и быть
неслышимой — во мгле острожной
топор проблещет осторожно,
чтобы тебя не ослепить.

А если выживу — прости.
(...Тебе простить меня — любимый,
как лес, закапанный рябиной,
в дом на ладони унести).

Зрачок мой в полночи увяз.
Темно лицо. Темна округа.
Кто нынче смотрит друг на друга?
...Не различить ни губ, ни глаз.

* * *

Я дома третий день подряд.
Мне говорят: «Настала осень».
И листья в комнату приносят,
И листья в дверь мою стучат.

Мне объясняют, как светло
Погода после многих странствий
Вместилась в долгое пространство,
Как птица в тесное дупло.

И в глубине пустых лесов,
Таясь и в поисках исхода,
Очнулась новая свобода
Стволов и голосов.

Я дома празднику назло,
И, верно, буду виновата,
Когда объявится расплата
За это дерзкое тепло.

И где-то ближе к ноябрю
Я вспоминаю крик грачиный,
И яростно, и без причины
«Настала осень» говорю.

Забыты суетность и шум.
Настала осень, не иначе.
И с поздравлением спешу
На заколоченные дачи.

ПАМЯТНИК БОЕВОЙ СЛАВЫ НА ИВАНОВСКИХ ПОРОГАХ

Из истории создания

Экскаватор черпал горстью
Глину,
        гильзы,
                каска,
                        кости,
Корни вымершей травы...
Мы стояли на отвале
В столбняке, а не в печали,
В черные уставясь рвы.
А над берегом кровавым
Всё таскала птица-слава
Корм живой землицы в дом,
Не в могильник допотопный —
В мавзолей войны окопной,
Осняя прах крылом.
С архитектором Алешей
Мы приехали в хорошем
Настроении сюда —
Глянуть, как идут работы,
Где стихам моим с почетом
Встать, быть может, навсегда.
Но над этой длинной ямой
Я забыла нежный самый,
Самый выстраданный стих:
Там, на дне ее, темнели,
Словно в ладожской метели,
Лица братиков моих.

Да не лица! Лишь объемы,
Формы, пальцами знакомо
Обретенные опять.
Вы погибли, вы истлели,
Но земля хранит доселе
Лба высокую печать.
«Леша, — я шепчу, — смотрите!
Вот где правда! Повторите
Лица эти. Повтори...»
Тут не стало мне дыханья,
Зренью — неба, сердцу — знанья.
Тьма толкнула изнутри.

На Ивановских порогах
Светит бронза ликов строгих.
А на каменной стене —
Набранные темной медью
Восемь строк — из их бессмертья
Продиктованные мне.

* * *

Мы по Ладоге ехали ночь напролет,
Справа лопался лед, слева рушился лед,
Помню вспышку и свист, помню снега ожог,
Чью-то руку и голос: «Не бойся, дружок».
Мама, я потерялся на черной воде,
Я пропал на войне, как зерно в лебеде,
Я невидим тебе, я снежинка в снегу,
Ваши лица в толпе я узнать не могу —
Ни тебя, ни отца. Столько лет, столько зим...
Может, рядом в метро мы в молчанье скользим,
Может, рядом в кино плачем общей беде.
Где-то мама живет... Где-то — значит везде.
Над пустынным каналом я ночью брожу,
Помоги мне хоть в малом, — я город прошу, —
Я твой выросший сын, я нашелся давно,
Приведи меня к дому, я вспомню окно.

* * *

Едва скворцов вернул апрель
И зелень просквозила,
Счастливой, давней боли трель
Опять меня пронзила.
Усиливаясь каждый день
От внешнего волнения,
Моя сердечная мигрень
Не хочет исцеленья.
Струятся листья на ветру,
Растет трава проворно,
Я просыпаюсь поутру
Для жизни чудотворной.
То радуюсь, то трезво лью
Стремительные слезы,
А перед зеркалом стою,
Как под грозой березы.

* * *

Не всякий плач родит беда.
Бывает — плач родит беду.
Вчера я весела была
И завтра от тоски сбегу.
Пока играют холода,
Сады на стеклах разведу.

Вороньим карканьем весны
Не напророчишь. У зеркал
Одни намеренья честны.
Ищу в них то, что ты искал
Во мне. Увы! Глаза грустны,
И слишком вытянут овал.

Я вижу, челка впрямь седа,
И эта складка на щеке...
Мы в мыслях молодим себя:
Легко ль взглянуть в лицо тщете!
Я улыбаюсь, как всегда:
Я со щитом — не на щите!

Любимый мой, стекляшку спрячь.
В твоих зрачках моя душа.
Скажи скорей: «А ну, не плачь!»
Скажи мне: «Ах, как хороша!»
И день горяч, и скачет грач,
Как свадьбу, пахоту верша.

* * *

Влюблен в меня. Сквозь пыл и немоту
всё ярче проступаю в нем, всё выше...
Но я в себе совсем иное чту,
но я себя совсем иначе вижу.

А если это правда? Мы — не мы,
и в зеркалах не лица, а личины?
Ах, никогда нам не открыть причины,
за что нас любят, выхватив из тьмы.

И чем мы сами приворожены,
доверчиво склоняемся к кому-то...
Но что ты есть без мужа и жены,
свободы бесконечная минута!

ОСКОЛОК ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Голландские печи с полкой-карнизом

Для статуи, лампы и вазы.

По верху — гирлянды из желтой и синей

майолики:

Фрукты, цветы (каждый мной тайно облизан);

Свет сквозь люстру зеленый, лиловый, топазовый;

Напитки на отдельном, особенном столике.

Дубовая мебель, портьеры, и эркер-фонарик;

На стенах — тарелки германских фаянсовых

фабрик.

Почему так влюбленно я помню столовую эту

В — ни для кого уже не существующем — детстве?

Петербургский модерн дожил до предвоенного

лета...

Образ счастья — всего лишь память,

Ставшая опытом сердца.

Образ счастья — тот обруч, в котором родное лицо

Узнаешь сквозь вибрацию времени и расстоянья.

Так дрожит в темноте над костром теплоты

улетанье

И колеблется видное через нее озерцо.

Н. А.

Последний снег на первый снег похож,
Последняя — на первую — любовь.
Как темным улицам к лицу наряд,
Снежины — сестры свадебных цветов.

Ах, седина мерцает, как фата.
К лицу ли мне сияющий покров?

...Покачиваясь в белой тишине,
Плывут снега — река без берегов —
И украшают голый острый сад
Шарами теплых бережных плодов.
Последний снег напоминает мне
Младенческую нежность стариков.

* * *

Ах, если бы, если бы даром,
Без черной морщины на лбу!
Но даже орехи — ударом
О землю — дробят скорлупу.

Спешит к растворению снова
Созревший растительный мозг...
Не так ли сливается слово
С природой, сулящей прирост?

Весной, меж тугими кустами
И острыми кромками льда,
Прозрачно-живыми кусками
Дрожит моих мыслей фольга.

И скалится дерзко, и блещет,
И в яркое небо течет...

Там в облаке птица трепещет,
Но легкость пернатым не в счет.

БАЛЛАДА

И потому, что холодные волны,
Сосны и белые дюны
Приворожили бесстрастно и больно
Душу южаночки юной,

После искала в любви своеволья,
С виду почти ледяного,
Вовсе не розы, а йод с канифолью
Нравился ей до озноба.

Дом на горе, двухэтажный с дороги,
В хвою распахнут на склоне.
Море взмывало. Ждала на пороге,
Горло притиснув ладонью.

Видела: сильная линия пляжа,
Фронт горизонта контрастный,
Были честны до жестокости даже,
Но потому и прекрасны.

Словно глаза молодого атлета,
Лето без тьмы — сквозь ресницы!
«Милый, скажи мне, откуда здесь флейта?»
— «Это не флейта. Синицы.

Слушай, за эти мгновенные ночи
Не говори мне спасибо...»
Чайки, морские цыганки, хохочут,
С визгом бросаясь на рыбу.

В ОТПУСК В ЗАПОВЕДНИК

З. Б. Томашевской

Словно тропе, повинуюсь лучу,
Ширью равнины неправдоподобной,
Едем в усадьбу к себе. (Не шучу:
Мы ведь владеем теперь всенародно
Необитаемым этим жильем.)
После хозяина выстроен дом
Вместо сгоревшего. Наше именье
(Правильней вымолвить: место-именье)
Мы почитаем наследным гнездом.
Ночь, несмотря на движенье, тиха.
Скорость с просторами здесь не сравнима.
Яркая, сверху сплошная, река
Влево свернула — проносимся мимо.
При раздвоении времени зримо
В поле сближаются два огонька:
Дома и сердца. Березовый лес
Наискось — в небо, гусиной станицей,
Тянется, сбился и — разом исчез,
Глаз оторочив, мазнув по ресницам.
Зря я себя за безродность казню:
Вотчина памяти взята в казну
Купной, всеобщей истории века.
Что нерушимое? Роща и склон?
Всё повторимо. Единствен лишь он,
Голос любившего их человека.
Мчатся за тридевять — ветку пожать...
Вовсе не вспомнить — забыться. Дрожать.

Настежь въездные распахнуты ели.
За обручальною этой чертой
Необлетающий век золотой,
Вечность для смертного на две недели.

СТАНСЫ³²

Есть вид одностороннего родства:
Искусства перелетные качели.
Толчок в груди, и значит — я у цели.
Так Медичи на фресках Боттичелли
Гонцы и очевидцы рождества.

Один и тот же путь: вдоль полосы
Прибоя, или вровень с краем света,
Вдвоем, и — под одним плащом — поэты.
Кто? Пушкин и Мицкевич?

Шиллер с Гете?

Нет; если вспять отсчитывать часы,
Дант и Вергилий этой пары мета.

Так тайный выдох помнящей любви
Вдруг углубляет звуки смыслом новым.
Мне заново звучат стихи твои,
То женский голос, излученный словом.
В нем важность и величие сейчас,
А ведь бывало: дрогнет и устанет.
Я позабыла: «Донна Анна встанет»
В anno domini каждого из нас.

ВОЖАТЫЕ

Они всегда вдвоем. Вдоль полосы
Прибоя, или вровень с краем света,
Вдвоем, и — под одним плащом — поэты.
Кто? Пушкин и Мицкевич? Шиллер с Гете?
Нет — здесь иначе скрещены часы:
Дант и Вергилий этой пары мета.

Тот, кто не оглянулся, — не Орфей.
Меня бы не признала ты, конечно,
Ни спутницей, ни «путаницей нежной».
Но выбираю я: ведь я — бедней.

Ты где? Послушай, приостанови
Бег всевременный свой в пути суровом.
Поверь дыханью помнящей любви
И слабый голос, излученный словом,
Блистающей рукой благослови.

Есть вид одностороннего родства:
Искусства перелетные качели.
Толчок в груди, и значит — я у цели.
Так Медичи на фресках Боттичелли —
Гонцы и очевидцы рождества.

Едва касаясь шали вороной,
Косым углом летящей за плечами,
Как тень твоей гордыни и печали,
Я — позади, я — за твоей спиной.

* * *

Некрасивый? — ну так что ж!
Недостатки сгладит время,
Уравняв тебя со всеми,
Кто был смолоду хорош.

Не горюй. Тебе пинки
Возраста — не в счет, и — мимо,
Между тем как дураки
Только в юности терпимы.

* * *

Полночь. Я прислушиваюсь. Дождь.
Он нетороплив, как голос друга.
В свете из окна — вся блеск и дрожь —
Вишня ветки вскинула упруго.

Я метафор больше не хочу:
Дождь похож на дождь и тем прекрасен.
Есть ручей — я кланяюсь ручью.
Ясень есть — я обнимаю ясень.

Там, в земле, сейчас растет трава
Острыми, как пламя, языками.
Я сама пробита остриями —
Там, во мне, сейчас растут слова.

Я смотрю в окно. Отвес дождя,
Равномерно освещенный, узок.
Деревце вишневое, как муза,
Ждет рассвета, стоя и летя.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Погасли свечи тихие чинар.
Как воск листвы, горячий и дрожащий,
Откапал и остыл осенний жар,
И свод небес как бы раздвинул чашу.

Отпировал творительный падеж,
Всё золото на серебро смололи,
Чернодеревья подняли мятеж
И трещинами небо раскололи.

АПРЕЛЬ

У музыки горной в заздравном апреле
По склонам гобои бегут и свирели,
То ниже, то выше, то кратко, то длинно,
С влюбленного неба свергаясь в долину.

Ах, мокрые камни, речные орехи,
Осколки творенья, бессмертья орехи...
Пустая вода исчезает рывками,
Лишь круглая скорость звучит под руками.

Минутна гармония и безымянна,
Ее полнота погранична обману.
Минутны и розовы губы флейтиста —
Цветы без листвы на кустах тамариска.

Земля голодна, небеса ненасытны,
Легко умереть, и воскреснуть не стыдно,
Как стебель, в отзывчивом ветре растущий,
Смычком соловьиным прижат и отпущен.

РОДСТВО³³

Город, впадающий в море,
Город, творящий себя
В настежь разлитом просторе,
Миру отзывчив всегда.

Город, зажатый горами,
Не откровенен и горд,
Высечен в скалах годами
Моря небесного порт.

В тучах висят многогранно,
Дым исповедный куря,
Эхо хранящие храмы,
Замкнутых душ якоря.

Это у нас на равнине,
Где перелетны слова,
Мозг, многолюдем ранимый,
Не защищен от родства.

Здесь же понятие рода
Кровно. Его заслужил
Тот, кто родня от природы.
Или по крови — из жил.

Братство трубило победу
Там, в этой роще пустой,
Там, где ты замер с разбега,
Словно я крикнула: «Стой!»

Помнишь ли, баловень с виду,
Радостный воин удач,
Ты головой себя выдал
И обернулся на плач.

«...Женщина, что тебе надо?
Что ты глядишь на меня,
Огненный голод блокады
В яростном взгляде храня?

Не говори про потери.
Брось этот способ. Старо!
...Женщина, я тебе верю,
Сам не желая того.

Все вы такие. Как лозы
Льнете к суровой душе.
...Видишь, целовать слезы
Я научился уже».

Вижу. И в клетоте речи,
В нежной надменности глаз
Свадьбою выглядит встреча,
В жизнь разрастается час.

Главное вдруг понимая
В мире угроз и утрат,
Шепчешь: «Сестра», — обнимая.
«Брат, — задыхаюсь я, — брат...»

ГУРЗУФ

Три было неба о заре:
Серебряное — на горе,
Темно-лиловое — на море,
А слева скручивалась даль
В тугую сизую спираль,
В посмертный перечень меморий,
Которых образ и ландшафт
Стихом озвучены в ушах.
Соединяю, как могу,
Несвязность имени и места:
На диком прежде берегу
Индустрии курортной тесно.
Не скалы вовсе, не леса,
Не море — властвуют на юге
Машины, мотоциклы, руки,
Пронзительные голоса.
Природа прячется в природе,
Но, атмосферой отражен,
Гурзуф таврических времен
В ночном алмазном переводе
Себя и нас воспроизводит,
Как в Пикассо — Анакреон.

ХАРАКТЕРЫ

Случайно ли темень и вьюга
Был матери брачный ночлег?
На несколько градусов к югу
Дышал бы другой человек
У этой груди милосердной,
А в яростном, волчьем краю
Я вскрикнула, будто предсмертно,
Родившись. И так же пою.
Ни сизого света морского,
Ни шелковых роз, ни тепла...
Не жалуйся: я не сурова.
Суровой природа была.
Мне мама оставила зиму
В наследство. И ты привыкай
В тоске моей неотразимой
Провидеть сияющий май.
Ты баловень: все вы капризны,
И смуглая жестче рука.
Ведь ночи у вас кипарисны,
И осень разлуки сладка.

ПИСЬМО

Разлука не страшит. Наоборот. Дразня,
Она питает нашу память, милый.
Твой взгляд истосковавшийся меня
Ожжет при встрече с обновленной силой.

Разлука пристально изучит нас,
Достойны ли мы дара и недуга.
Честней всего на свете встреча глаз,
Впрямую устремленных друг на друга.

Нам незачем испытывать себя,
Но, может быть, и впрямь на расстоянье
Становимся мы бережней, любя
Избранника за таинство избранья.

* * *

Я не девочка, чтобы гадать,
Что из этого выйдет:
Просто слышать. Бок о бок стоять.
Просто видеть.
Снова жизнь обретает простор —
Путь и ветер.
А бессонницы черный костер
Зорко светит.

ВОКЗАЛ

В две слезы, поверх стекла
Молча на тебя глядела.
Что за тьма во мне кипела,
Черным губы запекла!

Поднял раму мой сосед:
«Дайте ей цветок на счастье».
Астру лебединой масти
Протянул ты мне вослед.

Дрогнув, двинулся вагон
И тебя от боли отнял.
Показалось мне: Харон
Над водою весла поднял.

В гроыхающей ночи,
В том вагоне окаянном ³⁴
Только астра над стаканом
Ровно сеяла лучи.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

I

На горном склоне я видала серну.
Она себя позволила погладить,
Как будто вместе мы резвились в стаде;
Но шелковая шерсть дрожала нервно.

II

Не сердись, что внимаю немо:
Я полна тобой, а речи — мнимы.
Мчит река, молчит ночное небо,
Безоглядно бросившись в стремнину.

ПЕСНЯ

Это майская трава,
Это белая канва,
Это желтые ржаные
Вдоль по краю кружева.

Вот игла. Ты — нитку вдень,
Нежную, как та сирень,
Под которой целовалась
Я в один прекрасный день.

Шов стебельчатый витой,
Цвет лиловый молодой.
Я платок свой постираю
Хлорной невскою водой.

Виноградный яркий лист
Выстилает весь батист,
В центре гроздь шелками вышью,
Яркую, как аметист.

А уедет мой сынок,
Мой солдатик на восток,
Я насквозь прожгу слезами
Окаянный мой платок.

1970

* * *

Не поверю никогда,
Что любовь — страдание.
Жить безлюбой — вот беда,
Горе — ожидание.

Дни уходят, как река
Мимо нашей пристани,
Притаилась я пока,
Жду судьбы единственной.

Речка — тусклая в тени,
А под солнцем — олово.
Полюблю — тогда взгляни:
Потеряешь голову.

Не считай мои года —
Стать вели счастливою,
А счастливые всегда
Самые красивые.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Современный вариант

Мокрые рубашки на веревке
Белоснежной парашютных крыл.
В узких джинсах, в шерстяной битловке,
Скалится на солнце Гавриил.
Стоя в облаках субботней стирки
(Волосы приклеились ко лбу),
Тихо говорю ему: «Пустите», —
А сама к нему глазами льну.
«Сядьте», — говорю, себя не слыша.
(С пальцев пена радугой бежит.
Узкий двор, колодец, тополь, крыша, —
Выпукло мерцая, всё дрожит.)
Кто сказал: золотоглаз и нежен?
Круг зрачка прицелен, как лассо.
Синеву, как нож, собою режет
Острое носатое лицо.
«Сядьте...» Что за нищая забота:
Он же вертикален напролет.
Темнотой, надвинувшейся сбоку,
Выдохнул: «В тебе от бога плод».
О, какую тяжестью и жаром
Тело налилось. Какой озноб
Дунул в спину содроганьем жадным,
Осушил благословенно лоб.
Я-то знала... Но услышать вчуже!
Прислонилась к двери — не упасть.
Муза, мне объявленная в муже,
Ты сильней, чем радость или страсть,

Ты и есть — душа. В прохладной тайне
От бытья слепого, от битья
Ребрами о пошлость, скажешь: «Дай мне
Зазвучать...»
И воскресаю я.
В тайне от бессмысленного чада
Кухонь, стирок и очередей,
Ты родишься, слово — чудо, чадо,
Божий плод, родня моих детей.

ИМЕНА МОИХ ДЕТЕЙ

Имена моих детей —
Как узоры на хачкарах
Или пропись в книгах старых:
То лоза, то соловей.

Имена моих детей
Помнят звуком гром дорожный,
Дрожь ручьев в гранитных ножнах,
Гул пещерных крепостей.

В именах моих детей —
Зернами в плодах граната —
Судьбы множества людей,
Так же названных когда-то.

Дальней родины взамен³⁵
Навсегда и ежечасно,
Свет очей моих, Армен,
Будь воспоминаньем счастья.

Камня отческого грань
Над развалин мертвой грудой —
Свод души моей, Тигран,
Стань надеждою на чудо,

Что в провалах скоростей
В мире новом, ураганном³⁶
Не умолкнут безымянно
Имена моих детей.

МЕТЕЛЬ

Вьюга мчится вдоль кирпичных стен,
Барышня венчается не с тем,
А потом окажется, что он
Суженый — и небом предрешен.
Каждый вечер кто-то одинок.
Тот влюблен, а этот дал зарок.
Катится метель по верху дорог —
Парки ослепительный клубок.
Голову закину — верха нет.
Оглянусь — навстречу скачет снег.
Закачаюсь, закружусь, пока
Ткет судьбу кромешная пурга.
Я ошиблась веком и страной,
Я ошиблась собственной родней,
Именем, талантом и лицом,
И твоим заоблачным крыльцом.
Буря! Будь безумием самим, —
Твой кипящий, твой сквозящий дым
Улетит. Как боль моя, чиста,
Вынырнет река из-под моста.
Только этот мне назначен час.
Языка нерукотворный Спас.
Лишь равнины эти помогли
Мне представить ширь вся земли.
Пусть, мгновенность жизни оттеня,
В зеркале моем средь бела дня
Взмыли постаревшие черты
В час, когда меня увидел ты.

Греки говорили: это — Рок.
Я целую горный твой порог,
За которым нету ничего,
Только вьюга сердца твоего.

1970

* * *

Мне заново надо родиться,
Чтоб верить и вторить весне, —
Зачем же ты, смертная птица,
Свистишь свою заповедь мне?

Счастливой тревоги не требуй:
Иссякла, оглохла гроза.
Пустынное трезвое небо
Наполнило светом глаза.

И вовсе не дрожь утешенья,
А голую правду суля,
Как лебеди вытянув шеи,
По ветру летят тополя.

1971

Ум — отгадчик, а сердце — пророк:
Хоть стихи только способ разрядки,
Сколько раз в позабытой тетрадке
Вещий смысл обнаруживал Бог!

И предчувствий мигающий свет,
Расшифрованный временем здраво,
Обретал ослепительно правый,
Кристаллически строгий скелет.

Я боюсь этой жизни во сне,
Ясновиденья собственной боли.
И всё реже не терпится мне
На бумагу рвануться, как в поле.

Страшно памятью жизнь постигать:
Исчезает ступень за ступенью.
Забывать! Забывать! — Воскресать.

.....
Но стихи отнимают забвеньё.

* * *

...И заревом московским озарились...

А. Пушкин

Какие в мире есть места!
Но тянется душа голодная
На это — лакомое, лобное,
На вечный тот пожар...
Москва!
Толпа
С помостом посреди,
Где каждый миг — неутомимая
Игра
В «казнят или помилуют»,
А присказка — «гляди, гляди...»
Глядеть?
В позиции двойной,
Как бы вблизи двойкой прибыли —
И правду знать, и быть вне гибели,
Быть мучеником и шпаной?
Мне правда тяжче головы.
Так стоит ли считаться платою,
Раз гарантировано плахою
Мне говорить с высот Москвы?
За право оказаться там,
Добычей вытянутым ртам,
И доверительным, и алчущим,
Всё значащим, ничто не значащим, —
Я просыпаюсь по утрам
При имени Москвы — не бунт,

А головня, в ночи горящая,
А та трибуна из трибун,
Где за спиной у говорящего
Палач.

РАЗМЫШЛЕНИЕ У КАРТИНЫ СУРИКОВА

Путь непроезжий жги полозьями,
Нахлестывай бока молвы.
В Москве — боярыней Морозовой,
И кем хотите — из Москвы.

В чужом краю нуждой да голодом
Еще намаюсь впрок да всласть,
Чтобы однажды этим городом
Наговориться и пропасть.

Питья тебе — вода отравлена.
Тепла тебе — в глуши костра.
Охота царская объявлена
На птицу черного пера.

Но затаи слова убогие,
Но яркого не прячь лица,
Когда восходит над дорогою
Звезда созвездия Стрельца.

* * *

В это утро сосновый
Горностаевый бор
Мне напомнил сурово
Наш Казанский собор,

На просторах прогресса
Избежавший чудес, —
Словно памятник лесу,
Этот мраморный лес.

Сквозь плачевные стекла
Окуляров моих
Колоннада простерла
Лапы веток живых.

Вороненая птица
Клювом снег ворошит.
Не хватало гробницы,
Где фельдмаршал лежит.

ИМПРОВИЗАЦИИ СЫНУ

1

Ступила на камень — и кожей
Услышала кожу другую.
Впервые земля не распалась,
Не прахом, но сводом предстала.
И ветер, на воду похожий,
Натягивал осень тугую,
Как нежный чехол или парус,
Над каждым кустом и кристаллом.

Я больше не помнила горя:
Мне новую боль предлагали.
Меня растерзать захотели
Природы неумершей игры...
Вся желтая шерсть плоскогорья,
Которую перебежали
Деревьев горячие тени,
Казалась мне шкурою тигра.

2

Вот он — образ расплаты
На излете тропы:
Когти задранной лапы
У тигрицы круты.
Столбенею на месте:
Ни души, ни жилья...
Наконец-то мы вместе —
Я и муза моя.

Не молвою подножной,
Не хвалою друзей —
Прокормить ее можно
Только кровью своей.
«Хватит, я говорила, —
Разум прежде всего».
Утром кофе варила
И читала Сафо.
И теперь на излете
Этой ржавой тропы
Муза в каменной плоти
Поднялась на дыбы.
Что в грядущем, что в прошлом —
Не понять до поры...
Обжигал мне подошвы
Склон осенней горы.
Не тогда ли, не там ли,
На пути в Ереван,
Приказанием камня
Ты родился, Тигран?

3

Что имена теперь?
Эхо и — ничего...
Имя твое взялось
Из камышей Двуречья:
Желтый искрился плес
Желтым глазам навстречу —
Скалась, река и зверь
Оспаривали его.

Боги с клювом орла,
На тигриных ногах,
Слали время дождей,
Словно семя надежды.
Вдоль носатых людей
В полосатых одеждах
Царь идет в зеркалах,
Тигр идет в тростниках.
Ну-ка, в зеркало глянь!
Твой ли это двойник,
У зверя и у реки
Имя отнявший гневно?
Как же вы далеки,
Ты и владыка древний...
Ты же камыш, Тигран,
Черноголовый тростник.

4

Ах, сынок, я гляжу как в воду,
Сынок мой носатый, огромноглазый...
Я оплакиваю двойственность твоей природы,
Твою будущую ностальгию
К двум родинам сразу.
Прав твой отец: я курица и плакса,
Но как мне странно, что у тебя под кожей
Кровь погранична, как вода Аракса,
Хотя берега ее так похожи.
Важнее счастья иметь отчизну,
Хотя бы мысленно быть со своими.
Чтобы тебя не могли отчислить
В отступники — я дала тебе имя.

Оно повсюду тебя обнаружит
Звуком армянского корня и крова...
Нужен ли признак рода нам? — Нужен!
Не лбу — корона, но дереву — корона.

5

Какого урожая от любви?
Ведь птице с крыльев не взимать налога.
Но ненасытно вымогая бога,
Весну выводят в горле соловьи.
Вот снег опять уходит, как цыган,
Вслед волоча заплатанное небо,
И я, как после пленума ЦК,
Считаю плугом камни, то есть хлебы.
Где нет надежды — там растет трава.
Пашу, пашу, пашу скупое поле,
Плевать мне на усталость и мозоли:
Пушкой едят, пусть кормят жернова.
Где нет родни — там камушек — кума.
Без матери корова сына вскармлит,
Четыре родника нерукотворных
Из одного мычащего холма.
Где смысла нет — там сетью дождь лови,
Но падает слеза, как в землю семя,
Но, ненасытно искушая семьи,
Весну выводят в горле соловьи.³⁸
Гляжу: опять медоточив жасмин
И облака пьянящие так низки,
Но каждый стих мой, как безотчий сын,
Единствен, горд и нетерпим к описке³⁹.

* * *

С тех пор как в мире родился сынок,
Его лица игра и трепетанье
Открыли мне закон предпочитанья
И окрылили речь мою и слог.
Весь горький опыт прожитого дня,
Как след удавки, стягивавшей горло,
Его ладошка маленькая стерла,
И радость жизни обняла меня.

Ах да, взлетела, вспыхнула, взошла...
Прильнула к сердцу, прилепилась к взгляду.
К губам прижалась, приросла без шва
Ко мне, как драгоценный шелк наряда,
Счастливая способность быть собой:
Одаривать и принимать подарки,
Дрожать, смеяться, бить — затеяв бой,
Ждать, на конверт наклеивая марки.

Я полюбила самое себя
За то, что вырос, как пшеничный колос,
Из темноты моей тот взгляд и голос,
Тот нежный мальчик, душу веселя.
Смеюсь. Какое наслажденье — смех!
Какая чистота в его раскатах.
Как будто речка, прыгая на скалах,
Кипит и блещет, утоляя всех.

8 декабря 1970

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ⁴⁰

И. Бродскому

Прощай. Мы не расстанемся уже.
Теперь твой жребий принял вид канона.
Как стих. Как Летний сад, вечнозеленый,
С классической решеткой — на душе.

Теперь могу с тобой не второпях,
Не на углу Литейного (о если б!),
Стоять во всех прошедших временах,
В любом стихе, как на любой из лестниц,
Болтая и куря, и, на одну
Минуту прислонясь плечом друг к другу,
Следить, как по немытому окну
Скребет когтями мартовская вьюга.

Прощай; просторно памяти вдвойне
Во мраке той площадки поднебесной,
Где ты, картавый, юный и безвестный,
Пил из бутылки черный Каберне.

Век неразрывен, сколько ни крои,⁴¹
Как ни марай — всегда одна анкета
У каждого действительно поэта:
Проклятый вирус совести в крови,
Друзья, тюрьма, сживание со света.
Друзья, изгнание. Прах чужой любви.

Прощай же, милый! Знаешь, что мне жаль?
Что Рюрик, ты и Федя Добровольский,
Всё знавшие про город этот скользкий,
В такую даль ушли, в такую даль!

Прощай, прощай. На Кирочной — темно,
А в Комарове крысы жрут веночки,
И давит сердце собственное в строчки
Соснора, чтобы внукам пить вино.

Прощай! всю жизнь прощай нам страх и стыд,
Душевный вой и тявканье в гортани,
Как тезка твой библейский, фаворит,
Пророк иноязычников, годами
Средь подвигов и почестей святых
Мечтал простить предателей своих.

Сентябрь 1972

ПРОГУЛКА

И. Бродскому

1

Там, где небо в конце зимы
Отрывается от земли
И бессонным пернатым светом
Расширяется над водой,
Я ходила гулять с поэтом.
Был он бравый и молодой.

2

Я ходила с ним в Летний сад.
До сих пор еще там висят
Наши выдохи и усмешки,
А в углу за боскетом — глядь:
Янус — двойней орла и решки —
Нам являет нас впредь и вспять.

3

Тень листвы, как большая сеть,
Накрывала нас. Не успеть
К наслажденью — дремать под солнцем.
Но лужайка его волос,
Словно линза горячим донцем,
Прогревала пейзаж насквозь.

4

«Истукан недурен. Смотри,
Где же “нынче”? У нас внутри».
Рассмеялся. Сорвал ромашку
И в ресницы ей дунул: «Вот
Око данной минуты. Жжет,
Как нечаянная рюмашка».

5

Там, где воздух, как влажный прах,
Настоящее в нас, — он прав.
Настоящее тем и ценно,
Что действительно: флоксы, шарф,
Лебедь, берег, брыластый цербер,
Этот голос в моих ушах.

6

Даже в тот мимолетный миг
Знала я, что поэт — велик.
Слишком ярко в нем совмещалась
Двувременная красота:
Умудренного сердца шалость
И насмешливая мечта.

7

«Жизнь отпрыгать? — Не воробей.
Отлукавить? — Не Кочубей.
Кстати, вот его дом, зайдем-ка.
Нынче здесь городской нарсуд

И Волконского не везут
Мимо бала в Сибирь, в потемках».

8

Он прищурился и умолк,
Различая далекий щелк,
Ямщиков полуночных ярость.
А за нашей спиной в саду,
В пруд плюя на его звезду,
Ухмылялся чему-то Янус.

* * *

Ты ошибался: многословен гнев —
А ненависть не разжимает зубы,
Ее ни стон, ни брань не утолят.
У ненависти тяжкие глаза,
Она их поднимает с напряженьем —
Вся кровь с лица уходит в этот взгляд.
Ты ошибался: это тоже — близость.
Но для чего пришлось ее узнать!

* * *

То ли вечер крошёной слюдой,
То ли вечность пульсирует низко,
Лишь прошедшее время зернисто,
Настоящее — смерч пылевой,
Только будущее слоисто,
Словно небо над головой.

Речка Завтра бежит во Вчера,
Во вчера созревает икра,
По законам любви рукопашной
«Караул!» — равнозначен «ура!»
Наши смерти — озимая вспашка,
Урожаев заочных игра.⁴²

Как люблю я пейзаж января!
Петушиным шафраном заря
Голосит из безлиственных клеток,
Из глуши зачехленных ветвей,
Светом к лету повернута, к лету,
К предсказуемой мощи своей.

Как люблю я живую капель,
Обнаглевшей воды карусель,
Хмель коры, истекающей соком,
Разверзание глин и песка
И в апреле удачи высокой
Усмехающиеся уста.

Для обмена веществ бытия
Безразлична удача моя.

Вся она — тополиная почка,
В чью подкожную мышцу вросли
Органический праздник весны
И таланта воздушная почта.

6 апреля 1973

СТИХИ О ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЕ

Я вымру, как эллинский город,
Разрушусь на щебень цитат,
Чей звук запылившийся горек,
Но старчески молодцеват.

Я вымру от хищного корма,
От нежного ветра молвы,
От той популярности горной,
Где всем не сносить головы.

Страниц совместив перепонки,
Как бабочку — в лупу, в упор,
Разглядывать станут потомки
Судьбы крылоглазый узор.

Всё вроде на месте, всё цело,
Но жизни поденная рвань
Вдруг блеск обретет драгоценный:
Веселых зрачков не порань!

От слез моих темных, от крика,
От боли, сплошной как январь,
Откупится глянец открыток,
Кино полотняный букварь.

Ну? Как тебе нравится это?
Сынок, я шутила, не плачь!
Не вышло из мамы поэта,
Тащи сюда кеды и мяч.

Играй... Пошутила я, милый.
Не вышло. Мы все спасены.
Нам сбудется тайна могилы
И вечная память сосны.

1973

<ФРАГМЕНТЫ> ⁴³

*

Откажусь от тебя. Но еще не теперь.
В эту юную реку еще погляжусь, не входя.
Потому что стремнина ее не терпела потерь,
А лишь бешенством полнилась в пору дождя.

Словно камешек острый из гибкой воды
Выпирает лопатка, — забуду ее,
Нежный мускул улыбки забуду...

*

А помнишь, мы жили с тобой
В лимане. Коричневым клином
Река раздвигала прибой
Движеньем ленивым.
И братскою рощей камыш
Казался на пойме безлесной.
Сказал ты: «Простейшая мысль —
Не выжить без пресной». Без пресной.
Был домик на сваях. Окно
Затянуто марлей. Похожи
Все дни друг на друга. Одно
И то же.
Но может быть, так и должна
Копиться энергия чуда,
Расти, как под степью луна,
И всё озарять...

*

Встреча
Была забыта,
Разве одни глаза...
Больно, как в грудь копыта
Или в грозу гроза.

*

И в каком заклятом месте
Надо быть, чтоб малой вести
Мне оттуда не подать?
Я поверю ей, заочной,
Лишь бы знать, что в час полночный,
Года первое мгновенье
Врозь, в злобе или забвенье,
Всё равно, зато — в живых...
Будь благословен и весел
В плеске ярусов и кресел...

ТРИАНОН. ПРОГУЛКА. 1898.

Люблю королей Бенуа
В ненастных версальских аллеях:
Им холодно на акварелях,
В затылок им дует Нева.

Не в пору галантной весне
Устройство российского взгляда,
Который сквозь фокус пенсне
По-своему видит ограды,

Фонтаны и стриженный парк...
Тому, чью судьбу просквозило,
А город болотом пропах,
Известна цена Монплезира.

И все-таки здесь умилен
Сравнением объятый художник.
Он к сердцу прижал Трианон,
Как к стертой ступне подорожник.

Тут выдох летит как привет
Живой старине, что не старит,
И раз настоящего нет,
Над прошлым и будущим тает.

И лишь в такие ночи — цель
Отчетлива. Паришь на вдохе.
И каждая минута — центр
Судьбы, а кажется — эпохи.
И вверх, по вертикали лет,
Восходит жизнь, не опадая,
А лишь из вида пропадая,
Как в небе реактивный след.

1975

* * *

Нет радости, а только облегченье,
Что хоть душа и кончилась сперва,
Есть календарь, где дни поминовенья
Открыты воскрешенью, как трава.

* * *

В час, когда в моих веках погасла
Волшебства молодая звезда,
Этот город, конечно, прекрасный,
Разонравился мне навсегда.

И теперь мне не нужно для жизни
Перепончатых крыльев моста,
Орудийных красот классицизма,
Чья заемная строгость пуста.

Все хранимые памятью тени
Возвращаются с млечных путей
Лишь в присутствии птиц и растений
Или хором поющих детей.

И скорее в автобусной давке,
Чем на невском ночном берегу,
Как и впрямь о бессмертном подарке,
О душе я подумать могу.

Ну а та верстовая антенна,
За которой — равнина светла, —
Только спиннинг для ловли вселенной,
Но отнюдь не живая струна.

Тот, кто был, и кто есть, и кто будет
Наяву и посмертно велик,
На таких стенобитных орудьях
Ни витать, ни играть не велит.

Но обдуманно, трезво, счастливо,
Растворенная в быстрой толпе,
Я беру эту зрячую лиру,
Я ее выбираю себе.

Ты, мой город, — нелегкая доля.
Солнце застит полгода зарю.
Без восторга и, значит, — без боли
На кораблик над Невским смотрю.

Плыл он раньше, сияющ и весел,
Облаков осеняя края.
То ли парусник был, то ли месяц,
То ли просто улыбка моя.

А теперь без ветрил и прибоя, —
Улыбаюсь я, слившись в одно
С многоглавой мгновенной роднею
На земле, где тепло и тесно.

И зато над чертой перехода
Безуханный трехглазый цветок
Изумрудное семя свободы
В мой усталый вдувает зрачок.

29 октября 1975

* * *

Теперь я служу, убежав суеты,
В котельной в соседстве с пивною.
Напротив срамные краснеют «Кресты»
Над каменной Летой-Невою.
Столбами стоят на востоке дымы,
На западе — крепость и море,
Должно быть, пейзаж этот вечен, а мы
О вечности больше не спорим.

* * *

Я видела его во сне.
Он шел по набережной к дому,
А я за шторой в окне
Стояла, рот зажав ладонью.

Он шел ссутулясь, весь в снегу,
А шарф болтался нерадиво.
И боль родства, как резь в боку,
Меня прожгла и разбудила.

Смирив сердца темный стук
Над пустотой перемещенья,
Я слепо шарила вокруг,
Вернуть пытаюсь освещенье

Той улицы, внутри окна,
Наполненного снегопадом.
Я встретиться хотела взглядом
С тем, кто остался в тайне сна.

А он понятия не имел,
Что, вызванный тоской подспудной,
Зимой, по Мойке малолюдной,
Спешил ко мне. И не успел.

«ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»⁴⁵

Вдали треугольные ямбы
Печатает осень над лесом —
Гусиные строчки прощанья,
Совсем черновые, без рифмы.
Ах, вам бы прочесть это, вам бы...
Я прыгаю в небо без лестниц
И слабость в ногах ощущаю.
Так реем во сне, воспарив, мы.

Я плаваю в воздухе свежем,
И плавает свет листопада,
Касаясь меня и минуя,
И винным брожением манит,
Но так очарован и нежен
Невыцветший подлинник сада,
Что волю его именную
Душа, повзрослев, не обманет.

В уплату наследному иску
Я боль мою тратила всюду.
Способность любить не бессрочна,
И есть ли во мне это благо?
Зачем я верна лицеисту?
Ведь он и не знал, что я буду,
Ведь сам он над бездной проточной
Пылал, как листва и бумага.

* * *

Чем дальше сплющивался юг,
Тем ярче выдавало лето
Его особые приметы:
Тяжелый цвет и легкий звук.
Сквозь пропыленные поля
Катился ветра шар пахучий.
И голоса, как тополя,
Спирально ввинчивались в тучи.
И хроматической, двойной,
Зигзагоострой бахромой
Над степью свешивалось море,
А справа, плоскость переспоря,
Как из драконовых семян,
Пророс зубцами Аккерман.
Но поэтических историй
Про башню, пыль и ту ступень,
Где тщетно римлянина тень
Искал потомок Ганнибала,
Я избегаю, потому
Что мне в музейную суму
За песней лазить не пристало.
Ну отчего вблизи широт,
Смягчающих жестокость века,
Оттаявшему человеку
Мечта о вечности поет?
Я дуну внутрь себя. Пускай
Погаснет память. Над полями
Сияет воздух, а вискам
Двойного не снести пыланья.
«Явись, возлюбленная тень...»⁴⁶

Любой поэт, рожденный позже,
Родня тому, кто с этих стен
Следил Назонов плач и плен:
Неистребимы эти дрожжи.
Ты, белая зола в кострах,
Ты, пыль веков, ушедших прах,
Да вы и есть пыльца легенды.
А бабочка, на чьих крылах
Она опять взлетает — ах! —
Моя палатка из брезента.

* * *

Река в низине. Рощица окрест —
Лучинник незажженный над потоком.
Я окунаюсь в полночь жадным оком,
Безграмотно любя небесный текст.

О чем гласит высокий чистовик,
Невнятный человеческому зренью?
И без творца он строен и велик,
Но не великодушен, к сожаленью.

В реке не иссякает миг воды.
Неопалим туземный век осины.
Лишь моего дыхания следы
Ревниво испаряет воздух синий.

Куда иду? Зачем была жива,
В календарях зачеркивала числа?
Ужель, чтоб диктовала мне слова
Гармония, не помнящая смысла.

ВЕСНА МИЦКЕВИЧА

Любое мгновение суток
Равно слоговому усилью.
Пустынны карман и желудок,
Зато в голове — изобилье,
И жжется в груди Новогородок —
Гнездо незабудки Марыли.

Прокатимся в лодке до зори,
А лучше стихами побредим,
Пока не поскачут трезвоны
По медным посудам обеден,
Пока твой платок не узорен,
А, нежный, сиренево-бледен.

Отчетливый ласточкин очерк
У всех переулков и шпилей.
Наутро раскроются очи,
Цветущие очи Марыли.
Весь город об этом хлопочет
И чистит кирпичные крылья.

Весняночка, зеленовласка,
По лаковым цокай камням,
Будь ласка, кохана, будь ласка,
Зефиры прильнули к коленям.
Сливово-вишневая пляска
Сливается с яблочным пенъем.

Твой Адам безвестен и весел,
Как ангелы, тучки кудрявы,

Но Крым уже лавры развесил,
А встреча с Москвой — златоглава.
Отечество — родина песен,
Изгнание — родина славы.

ОТВЕТ СЫНА

Езжай, мой сын, домой — вперед —
В свой край, в свой век, в свой час, от нас —
В Россию — вас, в Россию масс,
В наш-час — страну! В сей-час — страну!
В на-Марс — страну! В без-нас — страну!

М. Цветаева, «Стихи к сыну» (1932)

Страна без вас? Смотри. Я покажу,
Как пряжу, проволоку размотаю.
Твоим любимым здесь — по этажу
На нарах. Видишь, смотрит, не мигая,
В огонь этапного костра, мечтам
Вне срока или места назначенья
Доверившись, как Стиксу теченью,
Твой москворецкий отрок — Мандельштам.
Вот, в без-тебя стране, курком к виску —
Горластый и беспомощный глашатай,
Не искусом, а искосом искусств
Подкошенный... Не эшафотом, шапкой —
Ушанкой Мономаха оглушен,
Глаголами в газетах обезглавлен,
А после к лику гениев причтен...
...Поверишь ли, в стране той многотравной
Нет чистого пригорка и тропы,
Зеленого куста, ромашки белой,
В которой бы всей истиною зрелой
Настойчиво не прорастала ты!
Ты — родина. Ты — бывшая везде,
Сама себя творившая неловко,
Я знаю, ты хотела там, в избе,
Свой стыд и ужас задавить веревкой.

И там, когда в газетовом раю
Ахматовой запечатленный остров
Желтел, золотогубый, горбоносый,
Одетый в хвою римскую свою,
И там, среди патрицианских слез,
Мужичка в кумачовой безрукавке,
Стояла ты, невидимая в давке,
Одна всё понимавшая всерьез.

ПЕРЕВАЛ

Вас, как заглавные титры,
Числить в начале позвольте,
Горы Армении, тигры,
Спящие на горизонте.

Жизнь началась с середины:
Черную вдовью равнину
Властно перегородили
Ваши горячие спины.

Целью родства обоюдной
Связаны люди и горы.
Пусть я не сделаюсь юной,
Но и состарюсь не скоро,

Ибо граненые скалы
Вечности мне уделили
В сизых созвездьях муската,
Шероховатых от пыли.

Радость азартнее риска.
Пусть я не стану красивой —
Щедрую кровь материнства
Горы во мне воскресили.

На высоте каменистой
Долгое яркое лето.
Два моих мальчика чистых
Мне гарантируют это.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Речонки встречной чембало — вперед
движенье облегчает и походку,
хотя на крутизне, разинув рот,
мы тяжело воздух втягиваем в глотку,
пока журчащий путь до Агарцина ⁴⁷,
сопротивляясь гнету башмака,
себя наверх уводит, как терцины
упорно восходящая строка.

Понять высоты для простака —
надоблачное зренье с самолета.
Но приращенье нового шага
к усилью совершённого, работа
подошвы, впрямь втирающей в тропу
всевластное желание подъема
(когда архангел, дующий в трубу
соединеньем пламени и грома,
зовет тебя внять разнице вещей
и над тобою воздвигает гору,
как сам ты для малюток-мурашей
являешь вид стоячего простора),
но этот всход петляющий зато
дарует нам с достигнутого гребня
не монастырь, не заповедник древний,
а чистоты утраченной плато.
Ты совмести (в воображеньи) бровь
с крутым прохладным полукружьем арки,
и мрак зрачка, и сумрак храма — вновь
друг в друга перельются, точно кровь.

И дрогнут враз платановые арфы
в лесу, парящем высоко вверху,
в лесу, клубящемся внизу в ущелье...
Ты поднялся — и здесь тебе вернут
родства с землей застолие и веселье.
Ты поднялся — здесь погрузят тебя
в прозрачный мир, не знающий распада,
в полуденную сердцевину сада,
где ярко зреет облако тепла.
Смотри, как млеют ульи и стога,
патриархально прислонясь к отрогу,
в живом соседстве с мирным домом бога,
чьи камни розовой, чем облака!
Сиреневая мята, дикий мак,
как бабочка, трепещущий по ветру,
царевна-мальва, нищенка-сурепка
или случайно занесенный знак
над куполами выросли стоймя.
Лепечут листья, вспыхивают воды...
Весь рукотворный мир монастыря
давным-давно стал образом природы.
Как совершенен кругозор и тих,
так радостна игра теней подвижных!
И бег верховных облаков и нижних
рифмован параллельно, словно стих.
А если говорить о высоте,
так ведь всегда прекрасное высоко,
как путь Земли в небесной тесноте,
как вечный Агарцин, зеница ока.

ИМПРОВИЗАЦИИ ДЛЯ КАРО

1

Впрягаюсь в гору, словно в арбу,
И тяжесть — мое спасение.
Как сфинкс Эдипу — его судьбу,
Ты мне загадал Армению.

Что каменной корью ее высоты
Болели певцы неизбежно,
Знаю я, знаю, но задал мне ты
Боль, долгую, как надежда.

Царапну собственной глины покров
И — хлынула — безвозвратная
В снега Арагаца осенняя кровь,
В снега — мое сердце гранатное.

Ты задал вопрос? — Ты задал ответ:
Любовь расстояньем продлится,
Земли твоей «да» и земли твоей «нет» —
Двуцветная шкура тигрицы.

Не важно, что осень, не важно.
А важно, что письма бумажны,
Что в римских безлиственных ветках⁴⁹,
Чернеющих на циферблате,
Соловушка щелкает смертный,
И голос его безвозвратен,
И нет ни горы, ни приборя:
Разлука не знает пейзажа.
Висит между мной и тобою
Тоски безголосая пряжа.
Не холодно камню без крова,
Лишь сердце дрожит без другого.
Ах, даже ребенок бедовый
Не радуется сходством наследным:
Любовь не имеет подобий,
Хоть неизгладима — бесследна.

Под влажным небом все слезоточивы.
В пустыне плач нечаянней колодца.
Скорее испарится, чем прольется
Страдание, постигшее мужчину.

И может быть, тот облак, еле видный,
Который замер в сини голубиной, —
Твоей обиды вырвавшийся выдох,
Тень жалобы твоей самолюбивой.

Душа, изнемогая, иссякает.
Боюсь глядеть в лицо тебе, когда ты
Чернеешь, жаром внутренним объятый,
И все черты острют, усыхают.

А в городской квартире тесно горю:
Карабкался бы в горы, падал в море,
Бежал бы до упаду на просторе, —
Не разойтись в семейном коридоре.

И вот стенанье слышу или пенье,
А если звук тот выразить предметом,
Он оказался б маятником медным...
Нет, лестницею с тысячью ступеней.

Всю ночь по ней восходишь ты куда-то,
А может быть, спускаешься, как в детстве,
К ручью, и в нем целуешь виновато
Земли всеутоляющее сердце.

4

Ты похож на куст лимонный,
Чьи листы покрыты воском,
Чей прохладный горький воздух
Свеж над пылью раскаленной.

На гранат похож ты зрелый.
Сам себя он так же прячет
В оболочке очерствелой,
А целуешь — кровью плачет.

С чем еще сравнить мне мужа?
С влагою, в ручье кипящей,
С той, что зубы ломит стужей,
Но всего на свете слаще.

У тополей немислимая статья,
Но дрожь мучительней, чем слезы ивы...
Тому, кто заставлял меня страдать,
Я сострадала в самый миг разрыва.

От жалости не поднимая глаз,
Ждала, когда его устанет злоба.
Теперь мы квиты. И не правы оба.
Но я виновней: я сильнее из нас.

Вчера, едва окончилась гроза,
Мне стало легче. Плакать перестала
И вышла. В гору подняла глаза
Невидяще. И вот что увидала:

Вверху, испариной покрытый, склон
Сам от себя кусками отрывался...
То розовый там уголь разгорался,
То гаснул, серым ветром занесен.

Там был погост. Там чьи-то две души
В платанах шелестели надо мною.
Там я прочла на камне под стеною:
«Обидеть медли, отомстить спешу».

РАЗГОВОР

Говорю: успокойся, — а слёзы смывают слова.

Подыши, — говорю, — в этих соснах

проходит усталость.

Слишком долго была ты единой любовью жива.

Кроме счастья, немало хорошего в жизни осталось.

— Брось меня утешать, не о том я, совсем не о том
сокрушаюсь, чем кончилась женская доля поэта.

Ты пойми, что с ним будет, с моим бедняком?

...Нелюдимо-угрюмый, один против целого света...

ВОЗРАСТ

Иногда — очень редко — я вижу в течение секунды,
Что стареешь и ты,
Что глубокая темная рябь посягнула
И на эти черты.
И немислимой лепки подглазья и скулы
Время тоже клюет,
А усы с бородою морозом обдуло.
Впрочем, это идет.
Чаще думаю вот что: в базальтовом храме,
Где убежище — в зной,
Разжигали зимою огромное пламя,
Чтобы грелся любой.
И не только тепло, а еще озаренные своды,
Где изваяны барс и орел,
Обнимали покоем среди непогоды
Того, кто забрел.
Ах, лицо твое — зимний Гегард над ущельем
лавинным,
Слышишь, время гремит?
Но самосожжение неуязвимо
Всякий миг.

* * *

Каро

Представь себе, всё еще — да!
В ладонь твою лоб окуная,
Сама удивляюсь, но знаю:
Магнитна лишь эта звезда.

Во времени, впрямь нежилом,
Одна обитаема доля —
Когда обнимаются двое,
Спеленуты общим теплом.

Вот поле взаимной брони,
Мгновение брачного братства.
Ни смерти, ни жизни они
В тот медленный миг не боятся.

ВЕЧЕРНЯЯ ИСПОВЕДЬ ЖИВОПИСЦА МАРЬЯНО ФОРТУНА САМОМУ СЕБЕ

Ладо Гудиашвили

Писал мадонн с дощечками ладоней,
С пробором в маслянистых волосах,
Багровый плащ на голубом хитоне,
Проем окна и гору в небесах.

И радовался сильному движенью
И незаемной красоте письма,
И веровал до головокруженья
В звезду свою, высокую весьма.

Сияй вверху, в заоблачности дальней,
Души моей бессмертное жильё!
Лишь кипарисам — истинным идалго
В ночь рождества я показал ее.

Но раз... Как будто зрение другое
Отверзлось и на суд призвал господь,
Дано мне было встретить в мире Гойю
И свой лубок с подрамника спороть.

Что крылось в этой кисти, в этом взмахе,
В ударе шерстью зверя по холсту,
Чтоб так желанно розовели махи,
Чтоб вызов их кокетства за версту

Сжимал кишки мне бешенством и счастьем,
А теплый жемчуг платьев, вееров,
Мантилий и невидимых зубов
Обманывал телесным соучастьем

С бегущей жизнью? Да и есть ли жизнь
Без них и кроме прелести их жадной?
Смотри, как ножка к чугуну прижата.
Не веришь в бога? Гойей побожись.

Прости, господь, Франсиско, судия:
Дерзая не страданием, а злостью,
Не страстью, а пристрастием, и я
Пронзительную охру с жженой костью,

Берлинскую лазурь и жир белил
Тер на доске по правилам старинным...
Не кровью, а коралловым кармином
Расплачивался с той, кого любил.

Пугающе правдива красота.
Я прежде не видал ее так близко.
Как вы любили женщин, дон Франсиско!
И чарой глаза, и пожаром рта,

И зрячей электрической кожей,
А главное, а главное — тоской
Всегдашней ненасытности, похожей
На рев корриды и на гул морской.

Ничто не ранит мозг, как это, столь
Безумное — очами — обладанье
И неприкосновенье. Разве боль
Разрыва нестерпимей, чем — свиданья?

Чем напряженье алчущих зениц,
Вперенных в ту, которая мгновенна:
Испарина на лбу, и взмах ресниц,
Глотающих то локоть, то колено

При повороте или смене поз,
Кипенье слез о родинке на горле,
И — жажда удержать всё это post,
Post factum, то есть в час труда и горя.

Зачем, зачем бежал я тех забот,
В которых и утрата — не растрата.
Большие горы, вправду, создал бог,
А маленькие — выросли от страха.

Всё кончено: мне скоро сорок лет
И нечего надеяться на чудо.
Волхвы не притекут в мою лачугу.
Господь Франсиско, мой кромешен след.

Пусть ночь, закутав факел голубой,
Проносится беззвездною равниной,
Я спать хочу. А кипарис ревнивый
Ментолом горько дышит надо мной.

* * *

Прошлое — миф, а не бремя,
Что мне «минуто назад»?
Лишь настоящее время
Счастливо, — даже в слезах.

Радости нет прошлогодней.
Завтрашней радости — нет.
Только сегодня, сегодня
Между затмениями — свет.

День необъятный и краткий,
День, совершенный, как свод,
Не искаженный оглядкой
И забеганьем вперед.

Чувствую вдохом и взглядом,
Чувствую кожей сквозной
Медленность снега над садом
И быстроту — над водой.

ПИСЬМО П.

Любезный шурин! Я тревожу вас
Не вовремя, как было то намедни.
Но я лишен возможности промедлить
И подыскать благоприятный час.

Моя жена беременна опять,
А я опять обременен долгами.
И тут приплода неоткуда ждать:
Торгуя ямбом, насидишься в яме.

Писатель кормит жадный дух толпы,
Но не прокормит двух детей, тем боле,
Что даже в ремесле своем не волен:
Сегодня и поэтам бреют лбы.

В деревню путь заказан навсегда:
Мои труды угодны государю.
Я нужен обществу. Во мне нужда.
И я в нужде (простите комментарий).

Любезный шурин — вы глава семьи.
Я зять меньшей в почтенном этом клане.
Я кланялся Наталии Иванне,
Но тщетны челобитные мои.

Приданое красавиц — красота.
Я большего и не желал, поверьте.
Да нынче речь о жизни или смерти.
Господь и царь — все смотрят свысока.

Мой шури́н, я про́шу у вас взаймы
Шесть тысяч на шесть месяцев рассрочки,
Скажите теще: я про́шу для дочки,
Скажите ей, что нищенствуем мы.

Я нынче уезжаю на Урал:
История не пишется в архивах —
Желаю, шури́н, вам забот счастливых,
И чтобы впредь я в долг у вас не брал.

БЛОК И ПУШКИН ⁵⁰

Рифмуя время в двух воротах века,
Сквозь листопады всех календарей,
Теперь видней всего два человека,
Как две звезды над темнотой полей.

Россия, над просторами твоими
Их голоса, их слава и беда,
Их общее, единственное имя,
Возлюбленное нами навсегда.

В нем искупленье наше и отрада.
Как в яблоке, в том имени родном —
Не только племя или пламя сада,
Но мета рая и мечта о нем.

Как Богоматерь в деисусном чине,
Ты смотришь мимо праздных наших лиц,
И берегут твою мечту о Сыне
Архангелы, похожие на птиц.

И, недостойные доверья дети,
Мы копим, чтобы правнукам прочесть,
Поспешные черновики столетья,
Об истине наследственную весть.

Двадцатый век не признавал заветов
И сжег немало певчих гнезд своих...
Но есть язык — отечество поэтов,
Есть стоившая песен — гибель их.

ИЗ МЕЛЕАГРА

1

Налей и скажи: «За меня!»
Я выпью твой голос, улыбку,
Победное имя твоё,
И легкую тень от кудрей,
Едва отраженную влагой,
Втяну в себя вместе с вином.

2

Печальной речи темное питье
Пьянит и погружает в забытье.
Луна в тумане сильного мороза,
Как имя утаенное твоё,
В поэзию перетекла из прозы,
Январская фольга свернулась в розу,
И я вдыхаю острый край ее.

* * *

Дружба всегда права
Не равенством — тяготеньем
Всё умножать на два.
Великая и Пскова
Так обнялись теченьем.
Каждому коемужд.⁵¹
Сильных слабак врачует.
Неразделенных дружб
В мире не существует.
Делить? Умножать с другим,
С другом! (Вот корневая
связка словам тугим.)
— Это и впрямь меняет
Обоих под грузом нош,
В диффузии всех со всеми,
И кто на кого похож,
Проявит судьба и время.

ИЗ БАБУШКИНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ

Найди на склоне розовый шалфей,
Настойку приготовь из горьких листьев,
Разденься донага и вся натришь ей,
Натришь слегка, чтоб все-таки шальной
Остался твой природный аромат,
Но, обновленный дуновеньем юга,
Он привлечет желание супруга
Сильнее, чем расчетливый наряд.
Зимой, когда ни море, ни земля
Не кормят кожу собственным дыханьем,
Мед, семя тмина, масло миндаля
В тебя мужское влюбят обонянье.
Мой волосы ромашковой водой,
Расчесывай их гребнем деревянным,
И в доме ни гвоздику, ни левкой,
С их запахом ревнивым и дурманным,
Не разводи. Да! Вот еще совет:
Постель свою поставь с таким условием,
Чтоб не на изголовье падал свет,
А на стену, почти над изголовьем.
И в зеркало без толку не гляди.
Ты всё равно увидеть там не в силах
Лицо, которое в часы любви
Становится прекраснее красивых.

Январь 1975

* * *

Сады облезли, словно хвост павлина,
Из пыли мясом снова стала глина
И кажется мне снизу котловина
Нутром необожженного кувшина.

В кувшине том, в каркасе том осеннем
Не поделиться мне душеспасеньем
Ни с богом, ни с ребенком, ни с соседом.
Смерть повторится вслед за воскресеньем.

В кувшине том перебродило сусло,
Пригубишь раз — почувдится, что вкусно,
А всласть прильнешь —
Вся эта сладость устна,
И юностью неутолимо чувство.

Я столько раз рождалась и сгорала,
Так страстно пела, а верней — орала...
И вдруг теперь, когда я замолчала,
Сама земля заводит всё сначала.

В сорок третьем году, в Душанбе,
Мама тихо сказала: «Тебе
Здесь придется освоиться, Татка,
Эти горы надежно стоят.
Я спасла тебя. Мы в Ленинград
Никогда не вернемся обратно.
Страх во мне пересилил тоску.
Здесь босая ходи по песку
Или алые лопай арбузы.
Вот мальчишки — таскают кизяк,
Вот трусит по тропинке ишак.
Мы с тобой никому не обуза.
Мы вдвоем. Только дочка и мать.
Нечем плакать и некого ждать.
Мы попробуем заново жить
В этой новой и легкой природе.
Растворимся в радушном народе,
Будем радоваться и дружить.
Так тепло, так приветливо тут;
Это толстое дерево — тут,
А с пятнистой корою — платаны.
У тебя загорела спина.
Скоро ты оживешь. Но сперва
На жаре не снимай сарафана».

Время ждет, чтоб увидели вы,
Как я за руку маму держала,
И лицо ее в бликах листвы
Колебалось, смущалось, дрожало.

Я глядела на смуглые лбы
Непоспешной, красивой толпы —
На нее я глядеть не могла:
Жалость горло свела.
Я и в эту минуту, сейчас,
Нажимая пером на бумагу, —
Горлом сдавленным — маминых глаз
Виноватую помню отвагу.
Я не крикнула ей:⁵² «Не реви!
Я тебя никогда не покину...»
Мне мешала ангина любви,
Ностальгии ангина.
Если в летнем сквозном кинозале,
На отвесном куске полотна,
Заслоненный людьми и слезами,
Город тот выплывал из темна,
Я лишалась дыханья и тела:
Выраставшего сердца звезда,
Добела разгораясь, летела,
Устремляясь к нему навсегда...

Мама тихо сказала: «Ну вот,
Мы и дома. У самых ворот,
Помнишь, та разорвалась фугаска,
И тебя откопал морячок.
Ну, не буду. Не буду. Молчок.
Ты довольна, моя черноглазка?»

1976

СТИХИ О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ

Той революции искорка — Сороть.
Барышня в утреннем платье,
Та, что письмо написала, — и сорок
Тысяч нелюбящих братьев.

Той революции лица — на фото:
Мальчик и юная мама,
Мальчик в матроске. А за поворотом
Века — Прекрасная Дама.

Та революция в год революций
Рейснер одела в кожанку.
Мы далеко. Нам уже не вернуться
В рощу за Сороть. А жалко.

Время к мужчинам жесточе Прокруста,
К женщинам время терпимей.
И колыбельное имя искусства —
Музыка — женское имя.

Первенство лирное в нашем столетье
Женского голоса дело.
Анна с Мариной всемирны.

А третья —
Сладкая гроздь — Изабелла.

АПРЕЛЬ 1945 ГОДА

Весны целомудренны краски,
И нежен дыхания пар.
Похоже, боится огласки
Воскресший из гибели парк.

Еще как бы издали глядя
На озера сизую гладь,
Он весь отдается отраде —
Присутствовать в жизни опять.

Начало блаженно. Он медлит,
Он силы свои позабыл...
Неужто железным и медным
И наголо смертным он был?!

Взирая, впивая, внимая,
Весь деепричастие он.
И вдруг, с наступлением мая,
Заполнит собой небосклон.

* * *

Ах, недаром, недаром,
Лишь зима замела,
Стало озеро старым,
Как мои зеркала.⁵³

И недаром томится
Звук под левым ребром —
Перелетная птица
С говорящим крылом.

Изменилась округа
Или, может быть, я,
Не узнать нам друг друга,
Молодцы-тополя.

Я не злюсь и не плачу,
На вершины гляжу,
Как вы сделали младше,
Никому не скажу.

Но теперь уж ни разу
Не схлестнуть нам теней
До подземного часа
На пиру у корней.

Мы расстались, не споря,
Чьи верней времена...
А беззвучное поле
Бережет семена,

А морозная ночка
Вся легка от огня,
Да как взрослая дочка
Далека от меня.

МАТЕРИ

День твоего рожденья тот же,
Снега топленные черны,
А в нас с тобой — всё больше тождеств,
Всё повторимее — черты.

За гробом не стареют люди,
И мне уже не странно, мать,
Что мы ровесницами будем,
Когда мне стукнет сорок пять.

День твоего рожденья — мета,
Как у дверного косяка,
Но сколько мне до меты этой
Зарубок роста высекать!

И сколько мне преодолений
В любом году лихих годин,
И сколько дней перерождений
До высоты твоих седин.

* * *

Прожитого — не исправить.
Юных — не предостеречь.
Настрадавшуюся память
Можно мудростью наречь.

Вовсе не плоды ума —
Опыта глухая область.
То, что в жизни было — тьма,
То, что в слове стало — образ.

Гарантирован простор
Даже в этом мире тесном
Вести, смысл которой скор
И не исчерпаем текстом.

Подниму свою ладонь
И поставлю против света —
В ней пульсирует огонь
Человеческого цвета.

Нынче — нищая стерня,
Завтра — колос, гроздь и ветка, —
Как ты светишь, пятерня,
Негасимая под ветром!

Как ты светишь, мой шандал
О пяти свечах, с которым
Жизнь не кажется повтором,
А истоком всех начал.

ДРУЗЬЯМ

Я уже не имею в виду
Напечататься в толстом журнале,
Может быть, в девяностом году
Выйдет книжка, а впрочем, едва ли.

И по общему мнению тех,
Кто пророчил мне в юности славу,
Я на громкую роль и успех
Безвозвратно утратила право.

Пожимают плечами друзья,
Если кто-нибудь, неосторожный,
Спросит: как я, пишу ли?

«Семья», —

Отвечают они односложно.

Но усмешка, порхнув по чертам,
Точно птица по зимним деревьям,
Задевает незажитый шрам
Боли, бывшей когда-то доверьем.

Не одна я для вас не сбылась:
Вы во мне для себя не свершились,
Ибо в стае важнейшее — связь,
Если небо редет, всё ширясь.

Я не каюсь, и не за что мне
Извиняться. Всё вышло, как надо,
Как посеяно там, в вышине
Улетевшего к прадедам сада.

Как ночное растение в росе,
Я в слезах на земле пиновала,
И, как все существующая, как все,
Обделенной ни в чем не бывала.

Зря, друзья, ваши лица судей
Леденеют в безмолвном допросе.
В безымянной общине людей
Вы меня не узнаете вовсе.

Я живу, распахнув календарь
Предрешенному часу навстречу.
Впереди у меня только даль,
Одиночество слуха и речи.

Январь 1977

* * *

Марине и Шуре, самым близким

В судьбе уже светит донышко,
И каждая встреча — дар.
Я радуюсь, мое солнышко,
Что все-таки Бог мне дал,
Незримой черкнув оливою
Над нашим сплошным дождем,
Увидеть тебя счастливою,
Увидеть тебя — вдвоем.
Как листья охранной веточки
Над вами сердца зажгли
Иные, которых нет уже,
И те, что навек вдали.

Все, ближние или дальние,
Стопились сейчас вокруг.
Возьми нас — свое приданое —
И не выпускай из рук.

25 ноября 1977

* * *

Четырехстопный стук ночных копыт,
И пауза меж тучей и луною,
И звука отражение степное —
Все это нынче кинорекивизит.

Несоразмерны скорость самолета
И пристального взора быстрина.
Ах, Лермонтову снизу, как пилоту,
И зыбь, и твердь, и высь была видна.

Но, зная: грань Кавказа подо мной, —
Я заперта недвижно и незряче,
Лишь скорости пустынная удача
Вокруг меня ревет голубизной.

Наверно, облегчение — лететь
От А до Б с кратчайшим интервалом,
Но монастырь печальный над Дарьялом
И пляску девушки не разглядеть.

Апрель 1978

* * *

На дворе гульба чужая режет шелком
Доморощенный пейзаж самозабвенный.
Слышишь песню? — Ресторанная дешевка,
Но опять меня расстроила мгновенно.

Между ней и дождевою пылью млечной
Над реликтовыми соснами Пицунды
Никакого соответствия, конечно.
Собрались повеселиться? И танцуйте!

Что мне в голову взбрело на травах тундры
Воскрешать такие сильные виденья:
Пляж, горячий даже в пасмурное утро,
В море камушки, белевшие, как деньги.

Видно, что-то в этой музыке лубочной
К той гармонии восходит первородной,
Кровь которой не способна стать бесплодной,
Ритм которой мы испытываем ночью.

1978

* * *

Под влажной веткой жасмина
Двое поцеловались.
С пронзительным изумленьем
Я видела поцелуй.
Вот оно что! И вправду
Ожесточенье наше,
Как наши с тобой объятья,
Принадлежат не нам?
Теперь, когда поцелуи
Стали воспоминаньем,
Я не могу представить,
Что кто-то может любить,
Теперь, когда жажда жизни
Кормится лишь заботой,
Больше не кличет рифмы
Голос, чуждый тебе.

1978

* * *

Клен — коньяк сентября.
Дорог царственный хмель,
И цена его — не золотая листва —
Слово болдинской строчки.
Ну а снежная ель,
Эта нежная ель
Как бутылка шампанского
В ночь рождества,
Как бутылка в блестящей хрустящей фольге,
Вся в рассыпчатых искрах улыбок и слез.
А весенней тоске, а бессонной туге
В самый раз и под стать
Только горечь берез.
Их сама белизна,
Их сама чернота,
Их стегучая гибкая та чистота,
От которой потом голова не болит
И язык остудить покаяньем велит.

1978

ДЕКАБРЬ

Отчего нас было много,
Когда молодость была?
Отчего теперь дорога
Одинока и бела?

Как проверить: я отстала
Или вырвалась вперед?
Или впрямь душа устала
И своих не узнает?

Мне в лицо летят осколки
Поднебесья и земли,
И пора узнать, насколько
Глубока спираль зимы.

Там, в ее витках летучих,
Ни созвездий, ни часов, —
Только кружит хор певучих
Всевременных голосов.

Хорошо, что эти звуки
Невозможно позабыть,
Потерять в зигзагах вьюги,
Воем ветра перебить.

Вся надежда — с ними слиться,
Испариться и парить,
Чьи-то будущие лица
Путеводно опалить.

Замерзая, замирая,
Улыбнуться им разок,
В лунной амальгаме рая
Продышав себе глазок.

СУДАК

Генуэзская башня и берег картавый
Обесценены массовым тиражом.
Я, участник всемирной туристской потравы,
Пью на палубе теплый боржом.
Море где-то внизу первобытно бормочет,
Нас толкает в железное дно и щекочет
Кожу брызгами. Качка. Жара.
Там — вон, видишь? — блестящие быстрые спины.
Понял? Наша грядущая смена — дельфины
Обгоняют нас. Это игра.
Почему ж нас так больно и счастливо давит
Независимость их? Даже скука оставит,
Если долго вдогонку глядеть.
И слова, перестроены ритмом свободы,
То парят, то ныряют в бегущие годы,
Разрывая подводную сеть.

* * *

Посмотри, какое утро:
Солнце ленится палить,
В скорлупе из перламутра
Можно море переплыть.

Это время круговое
Передышку дало нам,
Прижимая грудь к прибою,
К обмирающим камням.

Нет для времени распада —
Превращается в простор,
В брызг блаженную прохладу,
В туч пылающий повтор.

Вот в ладонь оно вложило
Раковины завиток —
Жизни внешнюю пружину
Или памяти цветок.

Безголосым гулом съеден
Обитатель заводной.
Береги, когда уедем,
Этот ирис костяной.

* * *

Как бешеный, как цыганка плечами,
мотается, стелется низко овес.
Сережек его шелестящих бренчанье
и дробненький дождь — вперехлест.

Упряталась, а ведь только на липе стонала,
ненасытно, мохнато хмелея, пчела.
Крыльями голубь трещал и торкал, и —
вжиг! — по металлу
сизого воздуха — бездождевая черта.

Кашка клеверная краснее малины,
наливается влажным разгаром, дрожит
от мелких укусов дождя. Июнь. Половина.
Работа моя не работается, а блажит.

Так записывал под диктовку дождика
Лев Толстой, разлюбивший в себе художника.⁵⁴

* * *

И в последнем столетье на Невском проспекте
Суетятся, как буквы в школярском конспекте,
Равноправные Кати, полигамные Пети,
Месяц стерт, словно звук в искривившейся флейте.

Надо мной циферблата стекло голубое.
Гляну в блюдечко вещее и площадное.
Щедрость жизни уравнивается нищетою
Наступившей минуты. А неволя — Невою.⁵⁵

Год кончается. Встречные лица землисты.
В давке трением шуб высекаются искры.
Елки пахнут евангелием, шубы — химчисткой.
Кассы кроят без сдачи последние числа.

Как собрать воедино случайные карты,
Те, что общей картиной увидятся завтра?
Рядом с непотускневшею фреской блокадной
Как уляжется эта мозаика траты?

Рюрик умер. Навечно в изгнании Иосиф.
Кто-то копит рубли, кто-то ноги уносит.
Те, кто невыносимы и в рифмах, и в прозе,
Заправляют делами и царствуют. Prosit!

Умирает Соснора. Высоцкий — высоко,
Олимпийской Москвой не прирученный сокол,
Пятернею кандальнойю не окольцован,
Взмыл...

СТАНСЫ 1980 ГОДА

По улицам, не помнящим родства,
Я прохожу вдовою поколенья,
Которому покаялась Москва,
Потом назад забрала откровенья.
Одни заели память. А другим
Отшибли. Из орлов — в золоторотцы...
Над улицей художника не вьется
Однофамильца ссыльный серафим.
Он шестикрылый вентилятор свой
Унес — и в едком воздухе отчизны
Лишь «спутники», но радуйся, живой,
Ведь ты воспитан в духе атеизма.
Мы под наркозом. Время утекло.
Черны снега, зато белы тетради.
Всё хорошо. И смертное число
Как сдачу, касса выбросит не глядя.
Переродилась в опухоль душа.
Начни с нуля — вызывает Вознесенский.
И мы — нули? Сама земля, дрожа,
Вот-вот нулем покатится вселенским.
Я прохожу по улицам, смеясь
Над смыслом досок их мнимо-реальных.
Жизнь безглагольна. Кроме тех, модальных,
С ней ничего не связывает нас.

ПОДРУГЕ

Роне Зеленовой

Наперсница не чувства, а предчувствий,
И роста, а не возраста сестра,
Люби меня не при свечах искусства,
А при туземном свете топора.
Эпоха, загустевшая глазунья,
Стреляет жирно в горло и в висок.
Вложи в слова достаточно безумья,
Чтобы достойно проглотить кусок.
Путь выбран. Я равна судьбе и теме.
Но, знаешь, всё решается шутя
Не звездами в заоблачной системе,
А близостью железного локтя.
Как статуя в саду, облезло время.
В стоячем блюде на его плече
Двух наших жизней черные сирени,
Как легкие в рентгеновском луче.

1981

СТИХИ, УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ И ЗАПИСАННЫЕ УТРОМ НАБЕЛО

Вернулись времена Гомера:
Изустно существует стих.
Ведь высшего признанья мера
Постольку льстит,
Поскольку мстит.
Для родины кровопролитной
Рожу наследственный залог,
Твердя вседневно, как молитву,
Стиха безбуквенный урок...
Когда-нибудь и вправду — чуден
Сам этот звук, как луч, как путь —
Стихи предстанут Книгой Судеб,
Когда-нибудь, когда-нибудь...

7 июля 1982

НАД КНИГОЙ РОВЕСНИЦЫ

Нонне Слепаковой

Всё увидела в собственном свете,
В симметричном движенье родства.
Перелетны догадки, как ветер,
Кругосветны, как воздух, слова.

Мы с тобой однокровные сестры,
Но тебе — серафический лик
И шесть крыльев из горла — преострых,
Как Эль Греко сплошной воротник.

Всё, что мною давно позабыто,
Не замечено,

— реет светя:

Ты подзорные мелочи быта
Возвела в красоту бытия.

Не для жизни — для гибели силы
Я коплю. Но ведь кто превозмог
Искушение детством?! Спасибо.
Слаще ландышей твой керосинный
Воскрешающий душу дымок.

30 октября 1982

ЭПИТАФИЯ КАРТИНЕ РЕМБРАНДТА «ДАНАЯ»

Мало убийств в нашем веке проклятом?
Ты не была ни вождем, ни солдатом,
Ты не была гениальным поэтом.
Рощей реликтовой, рыбой в Дунае,
— Три с половиной столетия — светом,
Трепетом длившейся жизни — Даная!

Вождь, и солдат, и художник — едины,
Сами себе перед гибелью равны,
Ты не творец, а творенье — картина,
Образ возлюбленной мастером правды.

Только любимую правду другие
Сразу полюбят. Мильоны представших
Знали: всемирный закон энтропии
Ей (даже им в ту минуту) не страшен.

Пальцы твои, обведенные светом,
Манят и предупреждают пугливо:
Я беззащитна... пред нечеловеком.

Ты вознеслась. — Это люди погибли.

СМЕРТЬ СЕНЕКИ

«Тебе пора», — приказывает царь.
«Перенесись», — поводит бровью Клио,
Как ласточка крылом — на календарь,
Не начатый и потому — счастливый.

И старец соглашается. Ему
Понятен смысл для всех незримой воли:
Раз тело превращается в тюрьму,
В нем незачем задерживаться доле.

А страхи — те же стражники. В окне
Стрижи к дождю заклепывают гнезда,
И тень от кипариса на стене
Заметно вздрагивает, но не гнется.

Конечно, эта комната тесна,
А в небесах по-прежнему просторно,
И там гроза дала прочесть и стерла
Мгновенные, как счастье, письма.

Владыка лжет. Судьи в помине нет,
А летописцы рабствуют в яреме,
И вся надежда на тебя, поэт, —
Единственный бессмертный в мертвом доме.

Вослед грозе, среди дышащих зыбей
Всечеловеческого сновиденья,
Он отворяет вены, словно двери
Доверчивой обители своей.

И влажный, гибкий, перелетный мрак,
Освободив от времени и места,
Соединяет, словно тайный брак,
Его с землей беспмятством совместным.

В ОТПУСК

К телефону не подхожу. Меня уже нет.
Бешено надавливаю на бок чемодана,
Задергиваю молнию. Так, билет
На месте. Такси вынырнуло из океана
Ночного города. Ну, — вперед!
Незнакомка, под прикрытием зонта,
Освежает помадой усталый рот
И немедленно смывается с горизонта.
У нее больше нет троих детей,
Остроумного мужа, щенка-дворняги,
Только запах вокзала, и — вдоль путей
Окна — словно листы бумаги
Для будущих писем. Анахронизм!
Дочь соседа стоит, кивая:
«Ты лучше нам позвони!» О, жизнь!
В таком вагоне бы — до Китая!
— Куда вы, мадам? Вас нигде не ждут
Пасторали изжили себя повсеместно.
И, как говорится, «мартышкин труд» —
Искать уютней торшер и кресло.
(Любимый голос. Я здесь. Он там.
Он убежден, что я маюсь дурью.)
— Как мог забыть я, что вы, мадам,
Мятежный парус, искатель бури.
А буря, знаете ли, в клочки
Разрывает любые снасти.
К тому же ты позабыла очки,
Так что не разглядишь свое новое счастье. —

Через месяц, втаскивая в узкий лифт
Неподъемную сумку с яблоками и грибами,
Услышу собачий лай. И грудь заболит
От крика: — Бегите вниз! Помогите маме!

СТИХИ ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Вы замолчали, а для нас
Цветник фонетики погас.
Я, руку положив на горло,
Удерживала эхо там,
И разрастались по кустам
Воды щебечущие зерна.
По горловому хрустально,
По голосу определяю
Талант, характер и породу.
Свет окунается в леса,
И дождь целует нас в глаза,
Амур осеннего барокко.

ГОРНОЕ КЛАДБИЩЕ

1

Не в землю, а в базальтовую твердь
Водвинут тот, кого позвала смерть.
Над ним — плита и дым небес летучий.
Ни травки. Лишь в расселине расцвел
Лиловой мальвы колокольный ствол
И письма надгробные озвучил:

2

«Я из камней возник и в камни лег,
В пристанище последнем пренебрег
Журчаньем вод и лепетом платанов.
Сюда не прилетает соловей,
Зато недосыгаем для червей
Уснувший мозг и первоцвет Адамов.

3

На полпути к мерцающей звезде
Почует тело в каменном гнезде
На полдороге к жизни: ведь обратно
Я облаком холодным поплыву
В сыновий сад, в родимую листву
Пролить не плач, а ливень благодатный.

4

Какое место выбрал ты, сынок,
Для гроба моего! Луны венки
Висит в просвете двух далеких склонов,
Блестит ночью каменный пустырь,
А слева молчаливый монастырь
Простер охранно тень своих пилонов.

5

Когда доносится издалика
Горчащий дух сухого табака
Или дымок вечернего мангала,
Мне колыбельной голубиный звук
Гулит о том, что засыпает внук,
И я заслушиваюсь, как бывало...»

6

Зачем соблазну поддалась рука?
На кладбище всего одна строка
Вилась по камню, как лоза живая:
«Я из камней возник и в камне лег».
Его посмертным эхом быть желая,
Я написала этот монолог!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

По стеклам стегают ветла,
Царапает сердце сверчок,
Но скатерть льняная светла,
Не выдохся мяты пучок,
И сильная прыгает степь
С обрыва за домом как раз
В холодную реку — из тех,
Что в школе великой звалась.
Картошку, редиску и лук
Мы крошим в коричневый квас,
Садимся, как прежде, вокруг,
При свете родительских глаз.
Не ссору времен, не мирю:
Их кто-то другой приручил.
— А знаете, — вдруг говорю, —
Мне ложку-то тятя точил. —
И все замирают на миг,
Все смотрят на ложку. А я
Несу в ней окрошку. Язык
Щербатые помнит края,
Как детское «тятя». Любой
Отечеством тайно объят.
Мы есть разучились с тобой
Из общей посуды, брат.
Мы издали любим теперь
Друг друга. И эта любовь,
Как в сказке запретная дверь,
Смущает спокойную кровь.

Чем? Тягой своей потайной?
Забывтой заботой? Стыдом?
Ого! Ураган за стеной.
Ты думаешь, выдержит дом?

В СТАРОЙ КВАРТИРЕ

Это правда, здесь были тарелки на стенах
и темный буфет,

Но ведь их даже я позабыла за давностью лет.

Неужели мы оба — потомки? Да кто же ты?

«Я? — Кто-нибудь...»

Скипидарное сало втирая в продрогшую грудь,

Говорю: одежонка совсем не по-зимнему сшита.

Вот и нюхай теперь испаренье сосны и самшита,

Вспоминай небывалое, втягивай жадным чутьем

Родословную запахов, впрятанных, впитанных в дом

За сто лет или только за двадцать... Квартира тесна

Для незримых теней, в пору общего нашего сна,

Здесь друг друга с надеждою ищущих,

но не обрящих.

Твой случайный ночлег, он из подлинных,

из настоящих.

Дрожь безродности — общий недуг. Как же с ним

Ты справляешься, мой аноним?

Сколько раз, с темной улицы глядя в чужое окно,

Ты загадывал образ семейного древа. Оно

Не в теплице гербовной — в наследно твердых

словах

Очарованных песен — творило свой рост и размах.

А деревья, шептавшие собственных пушкиных стих,

Ты лишь сравнивал с древом допамятных парков

своих.

В старом фотоальбоме визиток бристольская кость.

Я не всех назову тебе, мой удивительный гость.

Двух, а может быть, трех поколений родная

толпа —

НА РАССВЕТЕ

Я к реке — спиной, и не вижу,
что она начинает дымиться,
и, кипя, поднимается все выше,
и сейчас затопит наши лица.
Между ними встанет и над ними,
но пока еще мы видим друг друга,
ты успеешь, — запомни мое имя,
прежде чем погаснут эти угли.
У меня ведь собственное имя,
век неизносимая оправа;
звук его и образ тоже — слава.
Может, только с тезками моими
Я родня: нас создавало имя.
Ни за что на исходе темноты
не зови меня любимой — в этом слове
нет меня. Только ты в нем, только ты.
Только нежности твоей условье.
Прощай. Лощину заполнит сразу
Молочный выдох воды и почвы.
Запомни имя, не бойся сглазу,
а голос — правда! — не терпит почты.

ПОЕДИНОК

Устройство старины зеркально:
В ней тайна встречной перспективы,
И отраженье жизни дальней
Всегда мерцает впереди вам.

Ты говоришь: сегодня ветер
Кудрями застилает лица,
Но я-то знаю: время — вектор,
В затылок дует, дальше мчится.

Мы потому с тобой неровно
Вдыхаем этот воздух острый,
Что с временем порыв любовный
Бросается в единоборство.

Кому кричать: помилосердствуй!
Разлуке? Вечности? Покою?
Нацелено от сердца к сердцу
Любви движенье круговое,

Среди ненастья в мире голом,
Любимый, стань передо мною!
И с голосом сольется голос,
Заплещут кудри за спиною.

Опять листва покроет ветки,
И сад живым сомкнется сводом.
Несуществительные предки
В саду сойдутся хороводом.

А мы с тобой — посередине,
Подняв две розы, как для тоста.
Там — лепестками — в сердцевине
До срока вжатое потомство.

МАГЕЛЛАН. В ЛАВКЕ. 1519 ГОД

Ворс такого сукна, побожусь,
Смело выдержит ливень и вьюгу.
Забирайте всю штуку. Но пусть
Меховщик подберет вам зверюгу
Подходящую — грудь иногда
Прикрывать в океане от ветра.
Золотая лисица сюда
В самый раз бы. Сукно фиолетно,
И его оттенит желтизна.
Правда, лисы непрочны, хоть ярки.
И чего вам Европа тесна?
Каравеллы — всего только барки.
Я-то землю навек предпочел
Скользкой, мыльной и рваной равнине,
Где не слышно ни птахи, ни пчел,
А к столу — ни салата, ни дыни.
Говорят, что у вас, дон Фернан,
Затрудненья с дукатами были?
Но зато мой тяжелый карман
Звонче всех колоколен Севильи.
Безопасно нырнуть в эту ширь
Предлагаю от чистого сердца.
Я — дукаты, а вы мне — имбирь,
Ну, мешок краснорогого перца,
Ну, еще камфары для моей
Фармакии и белого пуха
Привезете с индийских полей,
Да жемчужину черную в ухо.
Вы, наверное, удивлены?
Как рискует купец! Не скажите...

Вы и детям моим суждены:
Я — холерик, а вы — долгожитель,
Поворотливый взгляд из-под век,
Величавое, важное тело
Затевалось, как Ноев ковчег,
Для особого, крупного дела.
И какой вы даете мне шанс
Убедиться не в царстве Небесном,
Что земля наша — Господи — шар!
Я вам стану товарищем честным.
Вот, на память возьмите — кольцо!
В знак, что я договор не нарушу,
Лишь бы вынесло время на сушу
Корабля золотое яйцо.
А свирепое ваше лицо
Мир простит вам за сильную душу.
Право, стоит пожизненной mzды —
Всех шелков, и сукна, и сафьяна, —
Ваш немислимый взгляд — со звезды
На стезю через два океана.

ФЕВРАЛЬ

Апрель — прелестный враль,
А кто такой февраль?
Под снегом, подо льдом
Угрюмый скопидом,
Не в дюжину-родню.
Сказал «захороню»
И захватил, загреб
Всю землю под сугроб.
Я злилась: ну и скуп, —
А он через тулуп,
Чтоб не смести с пути:
Присвистнул: не плети,
Бабенка, чепухи,
Кропай свои стихи.
Он и слова берег,
Молчать три года мог,
Чтоб на четвертый впрок
Мне подарить денёк.

Кто был щедрей его?
Не помню никого.

ВОДОЛЕЙ

Новорожденной жизни ковчег,
Деревянную лодку-кровать,
Водолею подставила мать.
Водолей, водоскач, водобег,
Ты на льдинах привык пеленать...
Я люблю твою чёрночь и снег.

Мне младенческим петъ голоском
Не пришлось: заглушила война.
В нашей печке железной она,
Не читая, сожгла гороскоп.
Где созвездья? Коптилка одна
Грела сердце во льду городском.

Любознательный отрок-сосед
Мне на небе тебя показал.
Вот звезда правдолюбцев, — сказал.
Было нам по четырнадцать лет.
Словно послевоенный вокзал,
Космос тусклый рассеивал свет.

Не звезда, а созвездье! Впотьмах
Я глазами впивалась в него,
А стихов золотое питье
Мне дарило немислимый мах.
Это даль, это время мое
На студеных взошло колымах.

Голова нынче вьюги белей.
Все снега полувека — у ног.

Ты, должно быть, вверху одинок,
Ледовитый вожак, Водолей.
Я зову тебя, став на порог.
Полпути до меня. Одолей.

* * *

Я, как Мария Петровых,
Была собою — во-вторых,
А кем была во-первых,
Не знаю. Разными людьми.
Тобою. Нашими детьми.
Сама себе соперник.
Сама себе дурак и враг,
И вечная растрата,
А все, что написала, — так
Скорей всего от страха,
Что впрямь рассыплется в золе
Душа моя касатка
И не оставит на земле
Живого отпечатка.

* * *

Теперь я обхожусь без черновых...
Поэзия с годами стала думой,
Привычкой, неотступной и угрюмой,
Без внешних признаков как таковых.
Не надо ни бумаги, ни стола,
Уютного тепла и кабинета.
Мне кажется чужим богатство это.
Сосредоточиться — и все дела!
Между сплошными спинами в трамвае
Я отдышу укромный уголок,
Где затрепещет ласточка живая,
К немому слогу прилепляя слог.

* * *

От нашей кровавой эпохи
Останутся нищие крохи
На белых запретных листах.
Как зерна от дикого поля,
Чью рожь и пшеницу пололи,
А плевелы ели в хлебах.

* * *

Русское веселье —
Резкое усилие
Тоску свою избыть.
Пеньем грозно-плачущим,
Переплясом скачущим —
Изба-вить-ся,
По-за-ба-вить-ся,
Позабыть.

Русское веселье —
Питие-похмелье,
Юшка из ноздри:
— Я родился всех любить,
А пришлось по морде бить
И отраву эту пить
До зари.

РЕПЛИКА В СПОРЕ

Свое детство не люблю. И позволю
Не писать, не говорить мне о нем.
Там, к чему ни притронешься, — боль.
Заколоченным, забытым окном
Пусть останется в дебрях ольхи,
Где и нынче при шаге любом
Принимаются всхлипывать мхи,
Где не скрыть новине бурелом.
Мне по голосу филин родня,
Килегрудая волчковая выпь.
Колыбельница, гукальница. Пня
Шиш, отросток аспидный, полип.
Видишь, кегля-девчонка сосет
После санобработки сухарь?
Пахнет хлоркой рукав и январь...
Пронеси, бомбовоз! — Пронесет...
Мы в Кобоне. Эвакопричал.
Черно-серая баня-изба.
Нас никто не провожал, не встречал...
Лишь полуторки — фара-звезда.
Шелестят камыши. Пустотел
Их цепляющийся, цапельный звук.
Кто родился, тот радости хотел.
Раздвигая, раздирая не вдруг
Темноту сороковых, круговых
Зимо-лет, трудо-дней, полыней,
Мы выныривали из тыловых
Интернатов и госпиталей

К материнскому свету любви,
Каждый миг ее вернувшийся для...
Как озимые росточки свои,
Нас теплу открывала земля.

МИНУТА

Воспоминанье казнит пустяком...
Сильный, он кажется мне толстяком
Под полотняной витринной «маркизой».
Хлопает холст на апрельском ветру.
Он говорит мне: Я скоро умру.
— Это угроза, — смеюсь, — или вызов?
— Просто догадка. — Платок достает
И промокает сверкающий пот
Над напряженной губою.
Солнечный Невский. Универмаг.
И треугольно — не парус, не флаг.
Тень над его головою.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

У жизни больше нет
Сиянья, ореола.
Лицо, любой предмет
Отчетливы и голы.

И — к лучшему. Мираж
Мне больше не по силам.
Мир ежедневный наш
Не может быть красивым.

В нем столько лишних строк,
Подробностей, пометок,
Что смыслу невдомек
Весь комментарий этот.

Вот странность: толчая,
Всеобщий хаос тесный,
Где жизнь моя, ничья
Не мыслимы без пресной

Воды (ах нет, среды),
Без лампы, без дивана,
Трехразовой еды,
Квадратного экрана...

Нет, мне никто не лгал,
И правда не убога...
Но прежде был орган
Почти дыханьем бога.

А тот, кто мной любим,
Мог прошептать с мольбою:
«Я не придумал нимб,
А видел над тобою».

ТРЕХРЯДКА

Вятский, детский, легкий, слуховой
Сон, а может, праздник даровой...
Настежь растворенное окошко.
Кто на лавку лег, а кто на печь.
Только я не соглашалась лечь,
Все твердила: «А придет гармошка?»

Вот он в ухе — изумленный вдох,
С пальцев перламутровый горох,
Краткий взрыд и съжившийся выдох.
Складень, и на нем — моя щека,
Р-раз — и от плеча до кушака —
Разворот страданий ледовитых.
Я над лампой посреди избы
Скоро сказку собственной судьбы
Завидуцим голосом сказала.⁵⁶
Елки, взявшись за руки, вокруг
Ждали, чтобы в песню вышел звук.

Жизнь прошла, а музыкой не стала.

НОЧЬЮ

Впервые за многие годы
Осталась в квартире одна,
В квадратном пространстве свободы
От хрупкой стены до окна.
Когда-то я жадно любила
Молчание книг и огня,
И времени скок темнокрылый,
Толкающий в сердце меня.
Казалось мне облако ночи —
Живое его волокно —
Движеньем чужих одиночеств,
С которыми я заодно.
В лицо мне дышавшую серой,
Обнявшую крепче, чем кнут,
Кормила я грудью пантеру,
Которую Музой зовут.
Она с меня глаз не спускала,
А я не сводила с нее —
Упорных, угрюмых, усталых,
Внушающих горе свое.
Пантера была малолетка,
Не когтем — изгибом взяла,
Да так, что в пустыню и в клетку
За нею бы я поползла.
Для этой, уже нелюдимой,
Диктовки — зрачками в зрачки —
За этот ночной поединок,
За эти в тетрадке значки...
Впервые за многие лета
Стою у окна в тишине:

Ни скрипа, ни слова, ни света,
Ни детского всхлипа во сне.
Луны постаревшее око
По книгам скользит, по столу...
О, как я сейчас одинока,
Как старая кошка в углу.
Я мудрости мертвых не верю
С тех пор, как сама умерла:
Души не скормила пантере —
Любовью ее уняла.
Мне холодно. Хочется сада,
Шуршанья ветвей, соловья,
Но больше всего — чтобы рядом
Дышали мои сыновья,
Чтоб дочка вязала, и спица
Блистая в незримой руке,
И зубчато гнулись ресницы
По голубоватой щеке.

* * *

Нет, только умирать не на виду,
Не посреди детей своих кричащих.
Бежать, бежать к неуязвимой чаще...
Как зверь, беды к норе не приведу.

Свой безвозвратный отыскать овраг
С навесом хвои и высоким склоном,
Ну не овраг, так мост, или чердак,
Или вагонный тамбур, или... словом,

Любое место, нужное как раз,
Да и не место даже — про-ме-жуток
Мгновенный, где неощутимей раз-
рыв меня со мною и — не жуток.

Ни детских глаз — нет, ни за что! — ни стен,
Всё что угодно, но ни стен, в которых
Былая жизнь, как бабочкина тень,
Под абажуром бьется и на шторах.

ВЕРШИНА

Лиловые, желтые, ржавые эти холмы
Неслись, обгоняя друг друга, не помня людей,
На той высоте, где и впрямь не считаемся мы
Свободней снегов, полноправней ветров и дождей.

Они удалялись на юг, повышая прибой
Толпящихся спин, прижимая к запавшим бокам
Холодные тени, и мы задыхались с тобой
Их воющим воздухом, с пылью слюды пополам.

Ты поднял два камня и, прежде чем начали спуск,
Прижал их друг к другу на выемке малой тогда,
Насыпал осколки базальта оградой. «Пусть
Не там, на земле, так пребудем хоть здесь навсегда.

И вместе». Должно быть, единственный миг
Наш памятник хрупкий гора берегла,
Но в разные годы я знала, — и этим жила, —
Что он невредим: ты его на вершине воздвиг.

...Ты знаешь, я только зимой нашу дачу люблю
За то, что там печь, а в печи — ненасытный огонь.
Ты книгу листаешь, а я саламандру ловлю
В оранжевом пламени и обжигаю ладонь.

Там тяга гудит, как на гребне. Попробуй взойти!
Но жизнь, полыхая, прекрасна в упрямстве своем...
Поднимешь глаза: ничего не исчезло почти —
Тетрадь на столе и немеркнущий блик над столом.

Что ж, если последняя воля и вправду вольна,
Путем восходящих, легчающих облачных масс
Мой пепел туда залетит, где гора, как волна,
Однажды к прижизненной вечности вынесла нас.

* * *

Они еще не ведают меня,
увлечены своим кромешным пиром.
Меж тем при свете чахлого огня
я дальновидна и хитра, как Пимен.

Инкогнито. Все когти — внутрь. Ого!
А после — что ж, пусть узнают, пожалуй,
как о болезни узнают по жару,
по лихорадке тела своего.

И удивятся, как я высока,
как ртути удивляются высокой.
А я им правдой обожгу уста
и голову потребую за око.

* * *

Чернорабочая ночная
Сосредоточенность мечты
Ведет, сама того не зная,
Насколько чутко слышишь ты
В разорванных ее повторах
Тот основной, верховный тон,
Который мальчики на хорах
Потом подхватят в унисон.

Энергия важнее темы.
И вся задача — записать
Все скрипы, шорохи и тени,
Переполняющие сад.

И если ты успел — твой правнук,
Стихи забытые открыв,
Почувствует, как в сердце прянет
Запечатленный твой порыв...

РАДУНИЦА

Весной пробуждаются души усопших,
Как тайные соки в оттаявших рощах,
И прибылью силы мы чувствуем это
Стремление к нам материнского света.
Кому подражает в листве пересмешник?
То ласковый возглас, то шепот поспешный
Над сизой водою, вдоль поля босого,
Родня разлученного с именем слова.
Всё небо раскрылось. Все травы восстали.
Весь мир к нам душисто прижался устами.
Родительски-ясный сегодня в нем климат,
И каждый любим. И никто не покинут.

НАКАНУНЕ

И ночь еще до поединка.
Еще придет к нему жена,
Покорна, как простолюдинка,
Как Таня Ларина, бледна.
Не лиственная ласка ивы —
Склоненных веянье кудрей...
Еще свече дрожать счастливо
От жизни, дышащей над ней.
Еще так долго светло-серый
Туманный город проезжать,
Еще отмеривать барьеры
И пистолеты заряжать.
И опасение осечки,
И торопливый шаг вперед,
И красный грохот Черной речки,
Внезапно хлынувшей в живот.
Еще смеркаться снежным далям
В необитаемую тьму,
И лишь тогда, — простившись с Далем, —
По книжным полкам — одному.

РЕЧЬ ОВДОВЕВШЕЙ МУЗЫ

Это вовсе не портрет, —
Просто в зеркале остался
Тот, кто рядом столько лет
То сердился, то смеялся.

Упрекал меня всерьез:
Дружба для тебя обуза.
Нет в тебе ни слов, ни слез
Для друзей, скупая муза.

Я не спорила о том.
Только бронзовым перстом
Недовольному грозила.
Он в тетрадь писал слова,
А болела голова
У меня о них всю зиму.

Он курил и пальцы жег.
«За тобой, — твердил, — должок...»
И, плеснув воды в кофейник,
Вновь по комнате кружил.
Он со мной тогда дружил,
Как с собакою репейник.

Впрочем, это слишком зло!
Нам обоим повезло:
Он был пылок и настойчив.
Говорил мне: «Я готов,
Покажи язык богов,
Надиктуй хоть восемь строчек.

Ах, устала? Ну и что ж!
Всё равно кончай скулеж.
У меня ведь нет перины,
Чтобы нежиться всю ночь.
Не остри. Вы все не прочь,
Кроме нянюшки Арины».

Он был груб. Но иногда...
Словно некая звезда
Нашу комнату меняла,
А лицо его, сынок,
Луч звезды или клинок
В те часы напоминало.

И сейчас его черты
Лишь такими видишь ты,
Врезанными в амальгаму
Страшной силой световой.
Он и вправду там живой.
Но не трогай: мы с тобой
За порогом этой рамы.

* * *

Еще чего! Да ни за что
С Отаром и Роланом —
Всем знаменитостям всегда я отвечала — нет.
Зато случилось убежать
Мне в гости с мальчуганом,
Безмолвным, как сама гора, и ярким, как рассвет.

1987

* * *

Письма как стихи, — собственноручно,
Но, пожалуй, реже, чем стихи.
На машинке — буквы слишком штучны,
Неодушевленны все-таки.

Облик мысли — отклик мышцы — почерк
Сам исповедален, разве нет?
Даже если временем испорчен,
Всё равно — всегда автопортрет.

Прежде чем прочтешь, узнаешь руку,
И услышишь голос мой с листа.
Свет чистописанья равен звуку,
Поцелую детскому в уста.

1987

АВТОПОРТРЕТ БЕЗ ЗЕРКАЛА

Духовность облика? Куда!
Я вся была — первотворенье.
Рывок, пыланье, нетерпенье,
Зрачков магнитная руда.
Не уложить тайги волос,
Не согласить лица с величьем.
Общенье с музами велось
Не божьим промыслом, а личным.
«Примите, девочки, в игру, —
Просила я надменниц юных, —
Я — голосом, а вы — на струнах,
Сравниемся, а то — умру».
Одна лишь поднимала бровь,
Другая усмехалась нежно,
Шепнула третья: «Ну конечно,
Доверься музыке, любовь».
Но я не слышала музык,
Я изнутри была палима
Огнем, которого язык —
Увы! — был не от серафима.
Люта моя купель — январь,
Как я кипела в мире белом!
Мне душу заменяла ярь.
Теперь живу в разлуке с телом.
И это впрямь иная новь.
Неужто страх — источник мысли,
И нашу к вечности любовь
Мы центробежной жизнью числим?

Я лишь теперь и поняла
Отличие стихов от прозы:
Неотразимо дышат розы.
Завесь пустые зеркала.

1987

УРОК ОБЩЕНИЯ

Говоришь: хороша и смела?
Жизнь моя — нищета.
Мимовиденья пустошь. Очнулась:
не была, не узнала, не поняла...
Чуть щеки не коснулась щека —
отвернулась.
Все бежали навстречу — я вспять,
одержимая тайной гордыней —
лба короткую нищую пядь
из-под челки вовек не казать.
Глубже шапку надвинем.
И — прочь!
Даже мысленно не превозмочь
мимолетной, возможной насмешки,
если вдруг им предстану ни с чем.
Просто чернь.
Лучше мешкать.
Лучше прятаться в теплой толпе
и давиться слезами.
Это было со мной. Но тебе —
но тебе завещаю дерзанье.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

В апрельской природе, как в детском лице,
Сияет неведение собственной роли.
Ни мысли, ни памяти нет о конце —
Одно упоение бессрочной игрою.

Со временем тайный и точный резец
Предъявит характер, судьбу и кончину...
И, гордо подняв золотую вершину,
Творенье предстанет само как творец.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ
(Вариант из блокнота)

В апрельской природе, как в детском лице,
Сияет неведенье собственной роли.
Ни мысли, ни памяти нет о творце,
Ведь в каждой кровинке, в любом деревце
Дрожит упоенье бессрочной игрою.

Со временем тайный и точный резец
Означит характер, судьбу и кончину.
И это объявим мы зрелостью чинно,
Не вспомнив, что в нас обитает творец.

И только предсмертному часу дано
Зажечь изнутри дерева и надежду
На то, что когда западут наши вежды,
Страдающей тени не станет темно.

1987

ПЛОХОЕ ЛЕТО

Речка Луга крахмального цвета.
Все орешники съедены тлём.
Сквозь дырявые заросли лета
Тянет дустом и гиблой землей.

В борозде на картофельном поле
Обесцвеченных крыл вороха.
Это бабочки тлеют в подзоле:
Однодневки, брошюрки, труха.

Горизонт не зеленый, не черный,
А разодранный, как западня.
Это вырвался птичий и пчельный
Златовоздух вчерашнего дня.

Но внизу муравьиное войско
Затаилось среди желудей,
Полушарья древесного мозга
Отвечают за шарик людей.

Если ветер весной затеплит
Их листвы милосердный огонь,
Ты поймешь, что прощен агротехник,
И от яда отмыта ладонь.

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

Сменила осень чайный цвет
На пепельный, крысиный,
А у меня почти на нет
Сносились мокасины.
И праздников не предстоит
До Рождества отныне.
В глухом пейзаже дождь висит,
Подобный паутине.
И только треск сухой коры
Там, за печною дверцей,
Спасает ночью от хандры
Хладеющее сердце.
И только стопка старых книг
В настольном центре мира
Одушевляет каждый миг
Присутствием Шекспира.
Не в памяти, а в жизни. Вдруг
Я сознаю, что время
Не луч стремительный, а круг.
И берег, а не бремя.
Что можно выбраться, смеясь,
За линию прибоя
И тотчас обнаружить связь
Всебывшего — с собою.
Случайно ли — наперерез
Мечтам — раскрылось в книжке:
«Поверьте мне, пора чудес
Прошла. Стихов излишки
Забыты, как девичий сон,
И ходит в мудрых циник.

Никто ничем не потрясен,
Никто ничто не ценит.
А если юноша сочтет,
Что жизнь достойна тайны,
В опроверженье — анекдот
Услышит моментально».
— Ого! — и тысяча пятьсот
Восьмидесятых люди
Твердили — «землю не спасет
Моление о чуде.
Герои под землей гниют,
Злодеи правят тризну...»
Но тут, как некий абсолют,
И возникает — Призрак.
И наяву, а не во сне,
Сверкнув серьгою в ухе,
Он прислоняется к стене:
«Прощай, и помни обо мне!»

О тени? Нет, — о Духе.

Октябрь 1987

В расцвете лет и гения, как тот⁵⁷
таинственный актер театра «Глобус»,
не объяснив причин и не условясь,
на чей роток накидывать платок,
не в гроб, не в монастырь, не за кордон,
анафемой не тяготясь бесчестной,
в один прекрасный день совсем исчезнуть,
ума палату выменять на дом
о четырех углах,
о тех местах,
где только поле, небо и колодец;
взять за коня — иглу, как тот простак
из детской сказки, счастливый торговец,
взять ничего — за всё. Держи карман,
чужих щедрот дорвавшийся зевака...
Кто пролетает мимо — между мрака
и звезд, как с высоты горы платан?
Должно быть, он, чей «Лир» уже написан,
исполнен «Дзядов» пламенный ответ,
на «пьяном корабле» за дальним мысом
его души сверкает бывший свет.
Эдипом, ослепив в себе провидца,
в Аддис-Абебе молодой француз
перекупает кофе и корицу,
вдыхая опий вместо пенья муз.
Читает библию отец семейства
на Эйвоне забытым дочерям.
Отчизну потеряв, родного места
для смерти ищет на земле Адам.
Зачем же дерзко я тревожу вас,

отвергшие призвание пророки?!
А что если исполнен был как раз
ваш долг в свои стремительные сроки?
И отпустил раздателъ всех времян
вас в люди. Отпустил своей охотой
к смертельному труду — любить кого-то
и улететь однажды, как платан.

Октябрь 1987

ТАТЬЯНА

Эта книга в стихах сложена.
Что же время, читая, запнулось?
Что совпало, чтоб я ожила,
в страшный сон из бессмертья вернулась?

Двадцать пятое было число.
Все дома, все сады занесло.
Накреньялся, над бездной скользя,
нашей юности зал именинный.
Исчезали из дома друзья
под шипенье позёмки змеиной.
И стрелялись не в сердце, а в спины,
и вмешаться мне было нельзя.

Сколько жизней родных снесено
С этих улиц, избитых, как песни.
Странно, что уцелело письмо,
что оно никогда не исчезнет.

Как ждала я хранителя! Но
только хищники рвались из бездны.
Клад любовный растащен давно,
обесцененный и бесполезный.

Я ли это молю: только раз,
раз в неделю согрей — хоть прилюдно —
добрым взглядом жалеющих глаз...
Неужели добро непробудно?

Я ли это кричу: «Пропади
доля женская! Всех ненавижу!» —
и, дитя оттолкнув от груди,
наживаю кошелками грыжу?

А по улицам, в зимнюю ночь,
смазав черные едкие слезы,
я ль от собственной смертной угрозы
убегаю неистово прочь?

Город бесчеловечный растет
в ядовитом дыханье тумана
и меня ли — Татьяна, Татьяна —
дивный голос из дали зовет?

Октябрь 1987

* * *

В детстве пейзажа холщовое диво.
Конус аллеи сужается вдаль.
— Милая, это закон перспективы.
Нравится? — Да. — Но невысказано жаль:
Эти туманные купы — вершины,
Сросшиеся, — их уже не разнять,
Не опознать, не дознаться причины,
Кто им назначил в соседстве стоять.
И почему напрягается зренье
С ближнего плана, где тень облаков,
Перебегая в тот угол сеченья,
Где человек исчезнуть готов?
— Знаешь, пока объяснял ты картину,
Азбуку формы, язык ремесла,
Видела я: проколов ему спину,
Время сквозь стену ушло, как стрела.

9 октября 1987
Больница, Лиговка-4

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ ШЕКСПИРА

Какой красоты эти люди! Особенно свет.
Особенно выбор деталей и холодность лиц.
Жемчужное кружево. Бархатный черный колет.
И меч с рукояткой в алмазах. И шелковый шпигц
На юбке, зеленой, как майской травы трафарет,
А пальцы на шерсти собачки пугливее птиц.
Милорд наступил на военную карту. В окно
Бездетная леди глядит на далекий фрегат.
Супруг возвратился, счастливо отправив на дно
Одну или несколько непобедимых армад.
И был приглашен знаменитый художник с холстом.
И встали они перед зеркалом Вечности в рост.
Он — в меру надменным, отменно одетым Христом,
Она — возле вазы с кустом символических роз.

Какой красоты этот узкий семейный портрет!
Но я этикетку прочла и не рада сама:
Его обезглавят. Ее обессмертит поэт,
Которого, не разобравшись, прикончит чума.
Но я этикетку прочла. Даты жизни...

Зловоньем войны,
Канавами сточными, вшами в батистовых швах,
Бубонной чумой, эшафотами, где сожжены
Или четвертованы лучшие, — грянул в ушах,
В глазах потемнел их свирепый, бессовестный век,
И только одно укрощало сердечную дрожь:
А мы? Далеко ли ушли? А сейчас человек
На сцене судьбы нам покажется столь же хорош?

Октябрь 1987

* * *

Кате Нарустранг

Кончено. Рухнуло древо,
В небе шумевшее свято.
Стало обидой и гневом —
Бывшее смыслом когда-то.

Отнято всё. И теперь я
Вижу, что «всё» — это малость,
Птица расправила крылья,
Вдруг ни одно не сломалось?!

Быть бы хоть птицею, что ли...
Мнится судьба да нейметя,
Птица же свищет от боли,
Как сумасшедший — смеется.

Грянулось дерево немо
Кроной, гнездом и птенцами...
Как я спокойна. Как небо
С порохowymi рубцами.

Ты испугался... Чего же,
Смерти, разлуки, навета?
Шепота. Крови под кожей.
Пальцев, дрожащих, как ветка.

* * *

Уж если голосом твоим
Жизнь отреклась, не прекословлю.
Бесследно растворился дым,
Венчавший наш очаг и кровлю.

Бегу сквозь комаровский лес,
От страха леденеют ноги,
А полнолуние на дороге
Необгонимый чертит крест.

Какая сила вдруг рывком
Прицельно вынесла к вокзалу,
Втолкнула в поезд, летний дом,
Шепнув мне на ухо, назвала?

И вот он. Тайной тишиной
Окно светилось. Печка рдела,
И женщина — к дверям спиной —
С тобою в комнате сидела.

Спаси меня не знаю кто!
(Людей таких не существует.)
Утешь, укрой, накинь пальто, —
Мне отовсюду смертью дует.

Прекрасна тьма. Небес волшебба.
В сугробах яркая лачуга.
А гибель — жесткий контур чуда,
Та дверь, в которую вошла.

Декабрь 1987

* * *

Утешает в тоске об исходе
С облетающим лесом родство:
Пусть уйду, когда в щедрой природе
Гибель выглядит как торжество.

Не во мрак, а в листву, что, алея,
Осыпается с крон и крылец,
Перельюсь я, дитя Водолея,
Словно дождь, мой холодный близнец.

Ты мне даришь, кленовая чаща,
Шелестение света в руках,
Но уже опрокинута чаша
И сгущается плач в облаках.

Ткется туч бестелесная риза,
Золотая тускнеет стерня,
А часов восьмигранная призма
Жжет запястье, торопит меня.

Солнце под вечер кажется стогом,
И к нему припадает земля
Опроставшимся, бедным простором,
Холоднее, чем утром зола...

1987

ОТВЕТ⁵⁸

Откуда я? — кончается на «рад»
мой город. Двуетное творенье
поэтов и строителей, впапад
рифмуется <он> через поколенья
итогами. Ни разу супостат
не поднимался на его ступени...
Ковчег потопа, он вplывает в ряд
земных вершин, уча младенцев «кролю».
Не обнаружено руды полезней
в болотной почве. Тем магнитней поле
и тем оно, родимое, железней.
Неважно, что полжизни в нем — потемки.
Зато еще полжизни — вьюги вволю,
и стойками вырастут потомки.

Ну как, доволен? Ясен адресок
гнезда, откуда вылетела птица?
А ты всё рвешься к морю, на песок,
к нагретой тверди грудью прилепиться
и ждать, закрыв глаза, пока волна
не пожелает к сердцу возвратиться
и в небеса не унесет со дна.

Свой век земной пройдя... нет, не дерзну
сказать: до середины. Столь же долго
и гроз, и слез всеобщую казну
кто разрешит мне расточать без толку!
Теперь, когда я знаю радость долга
и куковать о счастье не дерзну,
когда люблю осину, а не елку...

Так предположим, до конца дойдя,
что я могу зачесть себе в заслугу?

Пристрастье к странным старикам, — хотя
(и потому что) не примкну к их кругу, —
к навязчивому, храброму уму,
который в них острее их недуга,
а может быть, и дерзок потому.

Кому из нас дано себе представить
всю стаю дней, отпущенных судьбою?
Не стаю уток, стольких суток стаю,
пространства колыхание рябое;
как будто море свешивает сверху
то черное крыло, то голубое
и вдруг сорвется. И накроет смертно.
Еще скажу тебе, как на духу
(есть прелесть в устаревших выраженьях:
ведь «на духу» звучит как «наверху»,
как выдох счастья и изнеможенья
от исповеди стыдного труда),
что никогда стихов ночное жженье,
да и любви черная звезда
жар чадолюбья не могли осилить
во мне. Лишь глядя теплую курчу
над детским лбом, шептала я: спасибо,
что спас, что есть, и что еще хочу.
Реши теперь, была ли я слаба,
ты, троица моя, и всей России
несметная глазастая гурьба.
Я знаю: мною обещала стать
жар-птаха черноглазого сиянья,

которую ни пули заклевать,
ни вьюга занести в блокадной яме
не в силах были. Стоило спасать
ту дивчинку, ту дивную, чтоб ныне
она могла и греть, и укрывать,
стожильная, как саксаул в пустыне.

Каро

Нимб почтового отделения
С годами обретает значение
Священной Даты. Держа письмо,
Пальцы вздрагивают на конверте
От плотской связи жизни и смерти,
Чьей волной меня унесло.

Но отогни этот верхний угол,
Там отпечатались мои губы,
Словно яблони майский цвет,
Видны прожилки, как в листьях сада,
Белые трещинки сквозь помаду.

Нарочно красилась, чтобы след
Остался яркий, как та горячка.
Сбоку ты приписал: «Пошлячка».
Но тут же фломастером чуть правей
(Видно, расчет мой и впрямь был точен):
Огромные смоляные очи
В летучих дугах моих бровей.

А в самом конце намеки и смешки —
В Ленинграде опять непогода —
Кудрявыш сел на ночной горшок
И подпись: «Тигран через два года!»

Еще ни Тиграна, ни дома нет,
Ни даже нашего договора.

Только живой лоскут разговора —
Яблони необлетевший цвет.

Меня сдавили со всех сторон,
И я уплываю в созвездье рака.
Прощай, одинокий мой скорпион,
Сердцу суженый Зодиаком.

26 марта 1988

* * *

Поедем к Тюриным, Каро!
Но не в медлительном метро,
А на такси гони!
Люблю их дом, их добрый свет.
У нас ведь не было и нет
Помимо них — родни!

Люблю, когда они — втроем
За нераздвижным столом —
И мы — вдвоем — сидим.
Не можжевельник спрятан в джин,
А, вправду, всемогущий джинн,
Не знающий седин.

Он никогда не устает
Спасать, дарить, ночь напролет
Больной беде служить.
Поедем к Тюриным, чей хлеб
И соль — и впрямь из рук судеб!
Вкуси — и дальше жить!

Я впечатленьями сыта.
Но тюринская красота
Волнует до сих пор.
Пречистое его лицо,
Ее крутых кудрей кольцо
И черноморский взор.

Поедем к Тюриным, Каро.
Жар-птицы вечное перо

Дочертит этот стих,
Чтоб для меня в посмертной мгле
Сияли, будто на земле,
Сердца святые их...

2 мая 1988

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

I

По тебе,
По тебе,
По тебе,
Мой безудержный плач
По тебе.
Это долгая будет река:
Я умру, а ей всё шуметь.
Вдруг из моря река потекла,
В гору,
В город
Река потекла,
К верховым моим родимым холмам
Виноградные гривы рвать.
(Там внизу темноту леденит
Неподвижный ментол тополей.
Стиснув мятный осколок во рту,
Я по мертвому небу лечу,
И багровой соринкой в глазу
У тебя мой заоблачный путь.)
Скачет бурая глиняная кровь
Грозовым коридором камней,
Как зарезанная, булькает земля
И сама себя лижет и пьет.
И торчат из нее тополя,
И гляди, их рукоятки дрожат,
Когда выдох клокочет в ней
И вдох...
(Тополя под балконом твоим).

II

Что ж, и родину давал мне взаймы?!
Если можешь отнять — отними.
Там стоят на земле не холмы,
А отрезанные груди мои.
Прогоняют — дарившие кров.
Не враги предают — свои.
Ты в стакане вино посоли:
На холмах была сладкая кровь.

МАРИЯ

На левом боку
Уснуть не могу:
Боль бывшей груди —
Кострищем в снегу.

И на правом — к окну,
Тоже глаз не сомкну:
Не в раме луну —
Внуку вижу одну.

К изголовью присел,
Льет серебряный свет,
Детский — узенький серп,
Как ее силуэт.

Уж какой красотой
Мир меня баловал,
А остался лишь твой
Длиннобровый овал.

Тени веток бегут
По больничной стене,
Скифский лук твоих губ
Представляется мне.

Обезболена грусть,
Стала ночь мне родной,
А с тобою, Марусь,
Даже под простыней

На лице — не страшна
Белизна забвения.
Уж не ты ли прошла?
Или тезка твоя?

*7 апреля 1988.
Песочная ⁵⁹*

Татьяна Галушко —
студентка. 1950-е годы

Мама Т. К. Галушко
Елена Григорьевна
(1901–1957)

Татьяна Галушко с первым мужем Рюриком Шабалиным.
1959 год

Рюрик Шабалин с мамой Татьяной Сергеевной

Татъяна Галушко читает свои стихи.

1961 год

1970 год

Татьяна Галушко.
1960 год

Перед открытием
экспозиции
«Пушкин.
Личность. Жизнь,
Творчество».
1967 год

ЛИТО во Дворце культуры им. Первой пятилетки.
Слева направо: в первом ряду выступает неизвестная,
сидят за столом: Вадим Халупович, Татьяна Галушко,
Григорий Глозман, Евгений Кучинский, неизвестная,
Наталия Карпова, Виктор Соснора, Глеб Сергеевич Семенов,
Александр Шкляринский

Татьяна Галушко.
1970 год

С дочерью Леной
на отдыхе.
Середина
1960-х годов

С сыном Арменом. 1973 год

Дочь и сын
Т. К. Галушко —
Лена Шабалина
и Тигран
Санасарян.
1971 год

С детьми — Леной, Тиграном и Арменом

Он цветет
как ромашка
и, вероятно, вероломно жадно,
Кудре пуха над ними бьют?
Скорее бы!
До стола,
До утробы
Свежи...

Внучка
принадлежит
до смерти, —
да и после — там
был,
был,
во сне,
во снах,
те

С мужем Каро Санасаряном.
1970-е годы

С мужем Каро Санасаряном и сыновьями
Арменом и Тиграном. Начало 1980-х годов

Татьяна Галушко. 1970 год.
Фото О. Молчановой

Глеб Сергеевич Семенов

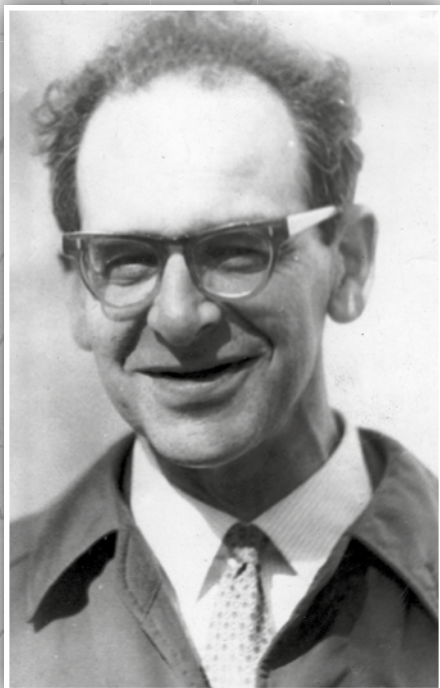
ни марав — всегда одна омиета
нашого действительного поэта!
любят куря советски в криве
ве. Тюрма. Сттивание со с

каверне.

Татьяна Юрьевна
Хмельницкая.

Ефим Григорьевич
Эткинд

Татьяна Галушко.
Начало 1980-х годов

Внучка Маша

Выступление на вечере в Союзе писателей.
1980-е годы

Вед неразрывен, следовательно
как ни парадокс — всегда одна
и каждого действительности
и вирус советского
становление со

Татьяна Галушко.
1978 год

Татьяна Галушко и Олег Тарутин.
Июль 1988 год

Монумент защитникам Невского пяточка со стихами
Т. К. Галушко

**ВЫ
ЖИВЫЕ
ЗНАЙТЕ**
— что с этой земли
мы уйти не хотели
и не ушли,
мы стояли насмерть
у темной Невы
мы погибли,
чтобы жили вы.

ПОЭМЫ

ПОЭМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

...Чтобы с простынь,
бессонницей
срываться, рваных,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.

Маяковский

Вступление 1

Непечатанные, неизданные,
мы поэты, мы все неистовые,⁶⁰
мы не стойки, мы не йоги,
мы не сеятели семян,
но никто из нас ни на йоту
не откажется от себя.
Не кричим ни «долой!», ни «браво»,
насторожен и сдержан век.
Но вибрируют, как мембрана,
наши нервы всему в ответ.
И маячат и мучат рифмы
сочетаньем чужих стихий:
стали рифмами — логарифмы,
кибернетикою — стихи.

У машины своя программа,
а у нас программа своя,
и сложнее, чем брать интегралы,
брать слова⁶¹.

Вступление 2

Я ревновала к женщинам азартно,
отчаивалась вечером, а завтра
такие губы улыбалась милому,
глаза такой грозью озаряла,
что открывалось мне уже заранее:
Он мой! Он мой! Казню или помилую.

К друзьям-мужчинам ревновала тоже.
Я так хотела быть на них похожей,
а женские свои заботы — за борт,
и спорить с ними про восток и запад,
и строить, корабли или ракеты.
Всё это было. Миновало это.⁶²
Описана такая ревность с⁶³ древними.
Но я тогда не знала большей ревности
и знаю ныне...

I

Недели забиты заботами,
Как рыбами невода.
Тоска проступает субботами,
подпочвенная вода.⁶⁴
Школьницы и шпульницы,
сбросив фартучки,
сходят на улицы,
как с фотокарточки.
Челки подчеркивают
броские брови,
а под челками
мысли бродят.
С каждым третьим
готовы на танцы:
может быть, встретим,
чтоб не расстаться,
может, он самый,
на тысячи лет.
Что в них от самок?
Что от Джульетт?
Парни на Невском
плещут плащами.
С кем же я?..⁶⁵

II

До поезда час. Неповоротливый час.
У часа морда усатого сома,
а я обещала себе: сейчас,
не сознавая, как это весома.
Я буду час попирать перрон —
ты день проживешь в течение часа.
И выйдешь ко мне сквозь дым папирос,
словно выйдешь из времени Марса.
И удивишься моим слезам,
и засмеешься моим улыбкам,
и вдруг себя отругаешь сам
кибернетической улиткой.
Это смешно. И неправда.
Вы настоящие парни.⁶⁶
Озеро Щучье красиво:
озеро стоит Женевы.
Бегают утром ретиво
к озеру инженеры,
бегают собственной тропкой,
резво пружинят носками,
брюки рас-то-ропно
складывают на скамьи
и — в октябrevую воду.
В воде шарах-
нутя тени.
Им бы еще до завода
Перекинуться в теннис.

III

Сом шевельнул ленивым усом.
Осталось пятьдесят минут.
Напротив две девчонки в бусах,
и парни им ладони мнут.
И смотрят яркими глазами,
и прикурить подносят бережно...
А рядом тетка с колбасами:
«Гляди-ка, эвона, теперешние.
Некогда и слюбиться,
женятся точно кошки...
А лотерейную таблицу
проверить мне в каком окошке?»

Вокзальная морока.
Кажется, будет дождь...
А ты живешь в Комарово,
ты не рядом живешь.
Тебе прописан озон,
работа в разумных дозах.
Пронизан дождем, пронзен
золотистый воздух.⁶⁷
В пляске и плеске листьев
пластика уставанья,
пламенных летних истин
грустное остыванье.
Но я-то всё та же. Веришь мне?
Такая же я, теперешняя.
Как мы давно... Забыла,
когда всё это было?

... Машину вел по-моему,
пригнув ее к шасси,
И взмыленное море
взрывалось на шоссе.
Мы за городом, пригородом
впервые за год.
И губы под-прыгивают,
и зиг-загом
дорога —
        в ливень,
в кромешный ливень,
вправо —
        влево,
вправо — влево,
плечом о плечо,
туда-обратно.
При чем здесь, при чем
Объятья, объятья.
Полгода погонь,
и навзничь губами,
и красный огонь
для тех, кто за нами.

Вокзал. Какие хоромы!
Еду я в Комарово...
Там над водой непроворной
елки махровые мокры,
сыростью пахнут платформы,
рощи заляпаны охрой.

В рощах смятенье и ветер,
рощи рябиной рябят,
а поезда на рассвете
долгой тревогой трубят.
Дачи уже неживые,
Дачи — мертвые кубы.
Был бы не инженером,
был бы ты парнем с Кубы.
Парнем еще бородатым,
присказкой, а не сказкой,
чтобы еще не атом —
просто по лесу с Кастро⁶⁸,
веря в бою, что это
есть наш последний бой,
не рисковал планетой,
а рисковал собой.
Только самим собою.
Я бы тогда — с тобою.
Я бы тебя укрыла
от пулеметного рыла,
от автоматной очереди,
очереди в смерть.
Я бы крикнула: «Кончено!»
Крикнула бы: «Не смей!»
На Кубе другие парни.
Ты не солдат, а вождь
Незримой атомной армии.

Все-таки будет дождь.

IV

Полчаса. Огромная рыбина
прогнула черные плавники.
Девчонки в бусах куда-то выбыли.
Тетка считает свои пятаки.
Монета упала и покатилась.
Дуреха, медяшка, куда ты?
У телефона-автомата
остановилась.

Для меня твой голос телефонный
только отголосок моря в раковине.
Я тебя уже не мыслю формами.
Просто знаю. Есть такой. Абстрактно.
А когда-то, в первый раз, увидела
явственней, чем с моря кромку берега
Христофор Колумб.

И вот
Вест-Индия
оборачивается
Америкой.

Все, казалось, будет счастливо.
Улыбались нам участливо.
В гости приглашали хором.
А теперь на нас — укором.
Где вы, черти, запропали?
Где мы?

Это прежде парень
по гостям ходил с невестою,

а теперь не та забота.
Словно вызванный повесткою,
он торопится к забою,
он торопится к рейсшине,
он торопится к станку.
На свидание — в машине,
на свиданьи — на чеку.
И мы из этого поколения,
Необычного на Руси, —
не из влюбленного нетерпения
ездили мы на свиданья в такси —
тоже из недостатка времени...⁶⁹

Года обгоняем работой,
себя обгоняем работой,
у нас это стало в крови.
Не первой проблемой, а сотой
считаем проблему любви.
Но вдруг проступает отчаянье,
и, временем взяты в тиски,
как выместим емкость молчанья,
чем выместим тонкость тоски!

V

Еще минут пятнадцать с лишним.
В углу мальчишки пиво пьют.
Поют. И мне прекрасно слышно,
о чем они поют:

«Ходи по дну суденышка,
как по полу-паркету.

Судья везет суденыша,
в карманах по пакету.
Сыночек ненаглядный мой,
я не могу иначе.
А сын ему: “Да ладно, мол,
в тюрьму везешь, не нянчи”.

А ну-ка запевай-ка,
кто по дрова, кто в лес.
Валет бубновый Валька —
папашкин интерес.

Валюшкой был, Валюхою,
экзамены сдавал
и торговал валютою,
валютой торговал.
А нынче, нынче вон куда,
в какой качнулся угол,
веселый город Воркута —
трехсотпроцентный уголь.

А ну-ка запевай-ка,
кто по дрова, кто в лес.
Валет бубновый, Валька,
казенный интерес».

Мальчишки взяли чемоданчики
и медленно пошли к вагону.
Обыкновеннейшие мальчишки,
Не нарушавшие закона.
Промчался старикашка фертом
в пальто необычайно броском.

А у газетного киоска
солдат склонился над конвертом.
Я вижу, словно в крупном кадре:
уже косясь на циферблат,
солдат надписывает адрес
и прячет карандаш назад.

... Твое письмо. Совсем нежданное,
его пронзительная грусть.
Как будто клятву, нами данную,
его твержу я наизусть.

Письмо

«Где ты? Где ты? Нелепо
спрашивать, зная, где ты.
В городе. Ведь не лето.
В городе, в горо-де-ты.
Думать даже о «здрате»
нельзя. Себе приказание.
Имя твое в касте
неприкасаемых.
Имя твое внезапно,
внезапностью гонга.
Завтра о нем. Завтра.
Сегодня — гонка.
Но если линияют линии,
нужно их оттенять.
Я выбегаю в ливень
опомниться от тебя.
Опомнись! Мне в отместку
ты всю ночь не уйдешь.

Падает дождь отвесно,
бессонный весомый дождь...⁷⁰
Босая бы потом
легла на диване ниц.
Ливень, ливень. Поток
Элементарных частиц».

VI

Сом ударил хвостом.
Семь. И еще раз.
Сердце. Куда? Постой.
Ехать еще час.
И вдруг пошел безумный, крупный снег.
Проклятый снег. Как — на голову снег,
как — в сердце снег! Нетающая тяжесть
увиденного времени. Не смей,
не смей противоречить. Молча даже.
Я знаю: ничего не изменить
ни телеграммным громом, ни цветами.
Я — компасу мешающий магнит.
Мне нужно ждать. Неделями. Веками.
Мне только миг. Да стоят ли слова,
чтобы на них потратить этот миг?
Ты помнишь у Дудинцева — сова⁷¹,
неуловимый, стерегущий лик.
О звездный снег, летящий в тишине!
За окнами домов, внутри машин,
Как женщины молчат, подобно мне,
Прижавшись к каменным губам мужчин.

Эпилог

Платформа. Снег. Твое дыхание.
И ты без шапки, как студент.
Секунда противостоянья
разноускоренных судеб.⁷²

20 января — конец августа 1961

ЗА ВСЁ ЗАПЛАЧЕНО — НЕ ЗАБУДЬ!⁷³

Поэма

I

Теперь, когда смертный объявлен час,
Меня не догнать никому из вас,
Начальники жизни, политруки, —
Теперь это даже вам не с руки.
Не ужас, а боль свободы в груди:
Моя зависимость позади,
Заведомость каждого шага. Назад
Я не хочу. Даже в детский сад.
Обобществленные души, там
Мы были отлучены от мам.
Сад! Как рифмы четверостиший,
Помню скрежет твоих пассатижей:
«Ты молодец, но не стой на виду!
Лучше блондиночку в первом ряду».
Матерь-заступница! В черный восход
Мы поднимались. Ты — на завод,
Я, как тогда говорили, в «очаг»,
А возвращались — я на плечах —
По случаю финской войны, домой,
Ладойкой в ладонь, в темнотище немой.
Было морозно и больно дышать,
Но радостно за руку маму держать.
Было полвека еще впереди
До черного легкого в правой груди.

II

Я родилась в тот самый год,
Когда кровопролитный пот
Застлал России лбы и очи,
И революций колыбель,
В январь шугнув меня, в метель,
Шепнула: «Закаляйся, доча!»⁷⁴
В противовес расходных смет.⁷⁵
Отец всеобщий и демограф
Как раз тогда издал декрет,
Гласивший, что аборт — грех,
Судимый по разряду «мокрых».
Желанью мамы вопреки,
По мановению руки
Явилась я во мрак из мрака
В удавке пуповины. Так
Судьба мне предъявила знак
Красноречивей, чем оракул.
Петля на горле от рожденья,
Дыханья ноль и ноль движенья.
Удавка — мой удел. Хотя
Гласит народа правосудье:
Угодно Господу и людям
Безмужней женщины дитя.

«Уа! — я крикнула — Уа!»
Сливаясь с хоровым — «Ура!»,
«Уа!» — мой крик — был хрипл и страшен
И больше походил на стон.

Соседи мучились: «Мамаша,
Неужто мало похорон?
Черт побери, уймите дочь.
Как ворон, каркает всю ночь».

Я не пророчила страданий,
Я перекрикивала их,
Усиьем раненой гортани
Бесмысленный рождая стих.
Теперь, издалека, я вижу,
Всё это — притча, если выжать.

И голосом, в пеленках тужась,
Я упиралась в потолок,
Прости мне, ма, твой темный ужас,
Твоей бессонницы белок,
Мерцает он во мне всегда —
Печали влажная звезда.

О, этот образ горемычный
Существования вдвоем,
Слезы твоей телескопичной
Всё укрупняющий объем.⁷⁶

Шесть метров нашего жилья
Перекрывала криком я
И расширяла, как умела.
Но коммуналка — наш актив —
Сплотилась, как в чуму, как в тиф:
«На воспитанье — в коллектив!
Чтоб горлодранка присмирела»⁷⁷.

Учреждение было всего лишено,
Кроме радио и «ундервуда».
Там в столовке в кулек насыпали пшено,
А для рыбьего клея посуда —
Баночка от леденцов «монпансье» —
Постоянно носилась в кармане.
Рыбьим клеем разжиться гораздили все,
Иногда удавалось и маме.
Но бессмыслен рассказ, что мы делали с ним.
О съедобном в стихах не годится.
«Ундервуд», приручаемый пальцем моим,
Вырывался, клевался, как птица.
«Ундервуд» — что за имя! Не кондор, не гриф...
Так и скачут железные ноги,
Ноги в буквах-подковках, а оттиски их,
Как следы на январской дороге.
Учреждение — дом, где живет «ундервуд»
И вишнево-янтарные счеты.
Деревянные бусы надеты на прут
Для веселой и звонкой работы.
Был ли в мире тогда соловей-перещелк
Или жаворонка рулады?
Стук машинки и треск перевернутых счет,
Быстрый луч материнского взгляда.
Машинистка домой убегала в обед.

Я влезала на стул и на папки с отчетом
И — ура, Ундервуд! — русской азбуки свет

.....

Грамотеющих пальцев щекочущий зуд,
Нержавеющий мой Алконост-Ундервуд,
Даже голод с тобою смирялся...
Артобстрел и бомбежки нас гнали в подвал,
В черном диске наш пульс равномерно стучал,
И, как ласковый голос Берггольц обещал,
Непрерывно отбой раздавался.

Я боялась противогаса,
Вислоносой зеленой морды.
Я под стол залезала сразу
Или пряталась за комодом.
Но зато превратности беженцев
Научили тогда меня
Не срывать в бомбоубежище
От грохочущего огня.
Было холодно, было сыро нам,
Никакого житья-бытья,
Но при лампочке керосиновой
Зорче в лица глядела я.⁷⁹

Бываешь ли ты частной, жизнь?!
Какая чушь! Вставай, ложись,
В метро толкайся, лги, божись
И кайся — тоже по команде.
Но чур, не думать! Никогда
Не нужно разрушать гнезда
Нуф-Нуфа. Думальщики — «анти».
А серый волк домишко твой
Способен сдуть одной ноздрей.
От частной жизни так разит
Понятем «частник», «паразит»,
И «чужаком», и «отщепенцем»,
Шпионом, агентом ЦРУ.
Модель придумавших игру
Учла тебя еще младенцем.
Считаешь ты свой кубик-дом
Английским замком, что-то в нем
Усовершенствуешь всё время,
Гордишься крепостью своей
И хорохоришься:
«Ей-ей,
Удачу ухватил за стремя».
Какой счастливец! То белье
Постельное купил для спальни,
То кафель, то фонарь хрустальный.
Твердя блаженно: «Мне, мое!» —
Достиг, добился, приумножил...
Мое! До собственного дожил
Удела. Это ли не власть?

Какой отличный вид с балкона...
Всё по заслугам, всё законно,
Езды до центра только час.
И ты, и я — нам невдомек:
Жилплощадь эта — наш паек
По карточке, чей уголок —
Талончик нашей личной нормы —
Такой ничтожный, что писать
О нем — и то себя кромсать,
Дышать парами хлороформа.

V

Бывало, в школе на меня
Училки ужасались: «Кратер!»
Ну «ни покрышки ей, ни дна».
Зато лицо. Зато характер.
Упрямо улыбалась мать.
Ее им было не понять.

Она говорила: «Все боли — мне!
Четыре войны, теплушка и тиф,
Нищенство. Голод. Тень на стене
Соседа». (Стукач недремотно тих,
Но письмецо от сестры из США
Передает — сперва потроша.)⁸¹

Мать говорила: «Счастливой будь.
Четыре войны, теплушки и тиф
Отплаканы мной, отработаны мной.
За всё заплачено, не забудь!»⁸²

VI

Ты счастлива? Времянка и барак —
Судьба. Да, счастлива. И как?
Теперь вам не постигнуть, в чем тут дело.
Не выскребли, во-первых. Родилась.
Из вечной мерзлоты в тепло влилась.
В цинге и дистрофии уцелела
И выросла. В пустыне. И созрела.
Но главное — сумела стать сильнеей
Своих же отмороженных корней...⁸³

Меня любила жизнь. Троих детей
Мне даровала. Это ли не дар!
И кроме них сурового мужчину,
Которого я научила плакать
И улыбаться от моих угроз.
Еще бы не считать себя счастливой.
Таких друзей с пеленок до могилы
Со мною рядом двигались крыла.
Нет лебедей, им равных в благородстве,
И нет дельфинов.⁸⁴

Ты снишься мне — к беде. Ты не в минувшем,
А в будущем. И лишь заходит речь
О казни для меня, твой мир нарушен —
Летишь впотьмах спасти, предостеречь.
А я во сне, не понимая цели,
Которая назад тебя вела,
Блаженствую, почти как в колыбели,
В защитном круге твоего тепла.
Ты наклонилась к девочке румяной,
В пижаме с верблюжонком на груди...
Что из того, что мне за сорок, мама,
Я без тебя боюсь, не уходи!
Пожалуйста, побудь еще немного.
Я не проснусь, пока не рассвело.
Я вызвала тебя своей тревогой.
Предчувствием. И видишь: помогло.
Зато наутро, вперясь в амальгаму,
В январское зеркальное кольцо,
Я в нем узнаю не себя, а маму,
Ее непобедимое лицо.

1956–1987

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мы прожили с Таней в музее почти 30 лет. Она — в отделе экспозиции, я — в библиотеке.

Танино присутствие в музее ощутимо до сих пор. Обладая безупречным вкусом, она осталась жить в сохранившихся экспозициях музеев Н. А. Некрасова и Дачи Китаевой. В памяти многих ее грандиозная пушкинская выставка в Манеже. Какой энергии и сил стоило ей создание одной из первых выставок из частных собраний¹, задуманной совместно с М. Д. Роммом. А сколько времени было потрачено в поисках места для портрета В. А. Жуковского в кабинете поэта перед открытием музея-квартиры после реставрации в 1965 году. Он нашел свое место. Это была Танина находка. Таня была первой, кто восхитился и открыл талант Нади Рушевой. Вспоминаю ее рядом с Надей в нашем музейном двореике. Наклонясь к девочке и чуть приобнимая ее, она смотрит, как возникает профиль Пушкина на чистом снегу. Первая выставка Нади Рушевой в Ленинграде была сделана Таней.

Благодаря прекрасной зрительной памяти она обладала редким даром определять лица современников и друзей Пушкина, изображенных на гравюрах и литографиях. За это ее особенно любили и почитали известный собиратель гравюр пушкинского окружения Я. Г. Зак и высоко ценивший ее творчество главный хранитель музея А. Ю. Вейс.

Она была частым гостем Моисея Семеновича Лесмана, коллекционера автографов и рукописей Серебряного века, Сергея Петровича Варшавского, Соломона Абрамовича Шустера, семьи выдающегося коллекционера Иосифа Израилевича Рыбакова.

А сколько часов мы проводили с ней в букинистических магазинах, особенно у И. С. Наумова под аркой Главного штаба, поблизости от нашего музея.

---

¹ Материалы пушкинской эпохи в собраниях ленинградских коллекционеров. Л., 1970.

Однажды в букинистическом магазине я купила «Баллады-послания» Овидия в переводе Ф.Ф. Зелинского в серии «Памятники мировой литературы» в издании М. и С. Сабашниковых¹. Таня читала жадно и много, она буквально вырвала эту книгу из рук и впи-лась в нее. Так родился замечательный цикл стихов «Медея».

У Тани все превращалось в стихи. В феврале 1964 года в фойе Эрмитажного театра была размещена выставка, посвященная Байрону, и С.С. Ланда обратился к Н.П. Акимову с просьбой показать на ее открытии два первых акта готовящегося спектакля «Дон Жуан» в переводе Т. Гнедич. Мы пошли с Таней договаривать-ся об этом с Н.П. и оказались свидетелями печального события. В этот день спектакль принимала комиссия из Смольного во главе с руководителями отдела культуры. Таню больше всего поразило, что все их нападки были направлены на текст Байрона, и тронуло поведение и выдержка Николая Павловича, гордая и безупречная сдержанность перед их напором. Вернувшись в музей, Таня сразу написала стихи и попросила передать их в тот же вечер Акимову. Он внимательно прочел, грустно улыбнулся и попросил поблагодарить автора.

Н. П. Акимову

Вам
Януса двулика судьба,
Двугорбая запасливость
верблюда,
И семь седин,
И семь потов со лба,
И юношеской правды
чудо-юдо.

Пиджак ваш беззащитен, как доспех,
Для мельниц, омерзительных и важных...

---

¹ Овидий. Баллады-послания. М., 1913.

У нее было много друзей старшего поколения, их авторитет были для нее незыблем. Это Глеб Сергеевич Семенов, Тамара Юрьевна Хмельницкая, Эльга Львовна Линецкая, Ефим Григорьевич Эткинд, который доставал и присылал ей лекарства до последних дней ее жизни.

Для многих молодых поэтов отдел экспозиции, где работала Таня, стал родным домом. Мы часто встречали Олега Тарутина, Евгения Кучинского, Леонида Агеева, Елену Кумпан, Виктора Соснору, Сашу Шкляринского.

Среди ее друзей были замечательные люди: Отар Иоселиани, Сергей Довлатов, Ролан Быков. Однажды из окна библиотеки я увидела, как шла она рядом с Роланом Быковым. Таня была высокого роста, а он был значительно ниже ее. Я спросила ее по возвращении, как она себя чувствовала, когда шла рядом с ним; ни на секунду не задумавшись, она ответила: «Так, как будто бы я шла рядом с Пушкиным».

Вот ее муж Рюрик с маленькой Леной в красном комбинезончике встречают Таню после работы, подплывая на кораблике к спуску на Мойке, 12. Родители Рюрика преподавали в Герценовском и жили на территории института. Под взглядами бывших полковников нашей хозчасти (они от изумления чуть не свалились через перила в реку) Таня легко спустилась по ступенькам к воде и, поднявшись на палубу, помахала нам на прощание.

И, конечно, никогда не забыть, как отмечали день ее памяти на Металлическом заводе. Много лет Таня читала там лекции о жизни Пушкина и его современников, и женщины после тяжелой работы в трудные годы, когда нужно было добывать продукты в очередях, с полными сумками и авоськами приходили на ее выступления из года в год, просили ее не оставлять их и продолжать занятия с ними. На этом вечере они говорили о том, что она подарила им совершенно иную жизнь. Тогда я впервые поняла, что такое всенародная любовь. И через столько лет работницы завода пришли

Наш адрес:

ул. Воинова, дом 18

Тип. ЛОСПС з. 3115—500 16-10-89 г.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ДОМ ПИСАТЕЛЯ им. В. В. МАЯКОВСКОГО

Вторник

14

ноября 1989 года

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

ТАТЬЯНЫ ГАЛУШКО

(1937—1988)

Вечер ведет

Н. Слепакова

Начало в 19 часов

В вечере принимают участие:

М. Бокариус

С. Лурье

М. Борисова

И. Парчевская

А. Векслер

Д. Притула

Н. Карпова

Т. Хмельницкая

А. Кушнер

А. Шкляринский

— стихи Т. Галушко читает актриса
Нина Скоморохова

— импровизации на темы стихов
Т. Галушко исполняет композитор
Виктор Высоцкий

в музей и были самыми дорогими гостями на дне памяти Тани 25 января 2017 года — в день ее восьмидесятилетия.

Ей всё доставляло радость: еда, выставленная на столе («Какие вкусные еды!»), вид апельсина («Посмотри, какой он красивый, как он похож на солнышко»). Голод, перенесенный в первую блокадную зиму, и послевоенное детство никогда не были забыты.

Не забыла она и эвакуацию через Ладожское озеро, когда они с мамой сидели, прижавшись к борту грузовика, и видели сзади огни машины, идущей следом. Когда начался обстрел, мама прижала ее к себе, машина остановилась, потом путь продолжался, но огни позади исчезли.

Главным другом и опорой в ее жизни была свекровь Татьяна Сергеевна Шабалина, мать Рюрика. У нее было четверо своих детей, не считая тех, кто остался без родителей и кого она согревала и опекала своей заботой, не считая студентов, которых она подкармливала дома. Ближе всех детей был ей старший сын Рюрик, и ее общение с ним нельзя забыть. Любовь к Тане и своей старшей внучке, его дочке Лене, были продолжением любви к ушедшему сыну.

Таня всегда откликалась на чужое горе и беду и помогала всем, чем только могла. И люди отвечали ей тем же. Особенно заметно это было в больнице. Когда заканчивался день, больничная суэта утихала. И если раздавался звук шагов по длинному больничному коридору, это означало, что кто-то бежал к ней с вкусной едой, хорошей книгой или нужными лекарствами.

Однажды врачи посоветовали ей для лечения траву очиток, но еще лежал снег, а в аптеках ее не было. Наутро пришла ее подруга, которая работала в Ботаническом институте. Она выкопала эту траву из-под снега и тут же приехала в больницу. Может быть, это мелочи, но недаром любимый Таней писатель В. В. Розанов говорил, что «с умения благоговеть... к мелочи или быть внимательным — и начинается человеческая культура».

А Таня, уже не открывая глаз, повторяла: «Я всегда знала, что человек человеку — всё».

Когда-то в юности в коммунальной квартире, наполненной родственниками, где она жила в крошечной комнатке, возникла ссора: не поделили плату за электричество, и Рюрик, вышедший из комнаты, сказал фразу, которую я запомнила на всю жизнь: «Как вам не стыдно, вы потом будете гордиться, что жили рядом с ней!»

И мы все, кто жили рядом, гордились и гордимся.

М. В. Бокариус

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ И НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ

¹ В сборнике молодых ленинградских поэтов «Первая встреча» стихотворение напечатано с иным строкоделением и другой последней строкой:

Я прочла на песке откровенья великий секрет.

² Детские лифчики-пояса для чулок, которые тогда носили и мальчики, и девочки.

³ В другом варианте иная последняя строфа:

Добровольно принятые
Девкою... (самовнушенье?)
Мученичества, распятыя,
Вознесенья, воскрешенья.

⁴ В авторской машинописи после этого следовало еще одно четверостишие, и следующая за ним строка — иная:

Но гранью той не пренебречь.
Не приучить души к потемкам.
И не из зависти к потомкам
Мне нестерпимо в землю лечь,

А потому, что так парит

⁵ Орлов Сергей Сергеевич (1921–1977) — поэт-фронтовик, получивший ожоги лица в подожженном танке, автор знаменитого стихотворения «Его зарыли в шар земной...».

⁶ Очевидно, Андрею Тарковскому, чей фильм «Иваново детство» вышел в прокат в 1962.

⁷ Стихотворение с таким же названием, написанное в середине 1950-х и посвященное В. Британишскому, есть у Г. С. Семенова (Семенов Г. Концерт для возраста

с оркестром. СПб., 2000. С. 154–155). Возможно, Галушко знала о нем.

⁸ Дата — по авторизованным машинописям. В списке «Для себя» оба сонета датированы 1962.

⁹ Вариант:

Давай уедем в другой город,
Всем и каждому будем лишни,
Неважно, будут ли там горы,
Неважно, будет ли там крыша.
Лишь бы небо звезду простерло,
Цветами пахло в переулках,
Лишь бы город ребром костела
Стиснул душу темно и гулко.
Лишь бы детский протяжный голос
Пел доверчиво до рассвета.
Давай уедем в такой город!
Неужели такого нету?

¹⁰ Ср. в венке сонетов О. Тарутина, обращенном к Т. Галушко:

Разлюбленные! Низкий вам поклон,
Спасибо вам за прошлые подачки,
Спасибо вам за каждый добрый сон,
В котором улыбалась мне удача.
Увидеть мне бы, утешаясь сном,
Ночную улицу, где мы с тобой идем.

¹¹ Есть автограф с датой: 1963–1964.

¹² В одном из авторских списков: 1963.

¹³ В списке «Для себя» другая дата: 1964.

¹⁴ Стихотворение посвящено Р. Шебалину.

¹⁵ «Переводчики 1951 года» — название в книге «Древо времени».

¹⁶ В списке М. В. Бокариус: безмолвствую.

¹⁷ В списке М. В. Бокариус следуют строки:

Не вынужденность —
Но обет
Неназыванья.
Как проснешься —
Едва губами прикоснешься!
И ахнешь: да,
И вскрикнешь: нет.
Как если б на ухо,
тайком
Подсказывала я
(Вот сладость:
Я заповедник твой и кладезь,
А ты не ведаешь о том).

В книге «Древо времени» строки, отсутствующие в машинописи:

К неравенству твоей любви
Моей, моей любви львиной,
К наркозу времени в крови,

¹⁸ Виеру Игорь Дмитриевич (1923–1983) — молдавский художник.

¹⁹ В другом варианте:

Поставленной волне навстречу.

В неоконченном автографе:

Есть этот город. Борт ладьи, / Кренящейся...

²⁰ Семен Семенович Ланда (1926–1990) — историк, пушкинист.

²¹ Есть авторская машинопись с датой: 1964.

²² В машинописи после этой строки:

И словно кровля, чтобы кровом
Назвать истоптанный загон,
И словно кровь, когда бескровна,
И словно в хаосе закон.

²³ В книге «То время — эти голоса» другая дата — 1962.

²⁴ В автографе: «Саня, это стихи тебе, в том смысле, что о тебе».

²⁵ Другой вариант:

Идут года, а выйдет год —
Краешек.
Летит звезда, а упадет —
Камешек.

Ты приближался — не ждала
Парня я,
Ждала спасения — крыла
Летного.

Как высоко мы поднялись
Осенью.
Все прошлое, как листья, вниз
Сбросили.

Я знала: тех, кто полетел,
Не вывихнуть,
В себя вбираю лишь затем,
Чтоб — выдохнуть.

И даже если упаду,
Кану я,
Не забывай во мне звезду,
В каменной.

²⁶ Посвящено С. С. Ланде.

²⁷ Есть машинопись, где триптих: 1. Не тронь меня
2. И на сиреновой, 3. Снегурочка.

²⁸ Не позднее 1967 (опубл. в «Ниве», 1967). Есть вариант названия: «Отражение в реке».

²⁹ В автографе: тоненькие. В авторской машинописи — как в основном тексте.

³⁰ В автографе: высокой. В авторской машинописи — как в основном тексте.

³¹ Вариант названия: «Отражение в огне».

³² Фрагменты вошли в стихотворение «Вожатые».

³³ В автографе без эпитафия. В машинописи и в книге «Образ» с эпитафием из стихотворения С. Капутикян «Остановись, человек!» (1962) в переводе Б. Ахмадулиной:

И вдруг огромный безутешный плач
Меня настиг средь мчащегося леса.

³⁴ В варианте, опубликованном Н. Слепаковой в журнале «Звезда» (1989, № 9), стихотворение названо «Отъезд» и перед предпоследней строкой публикуемого варианта имеет три строки, отсутствующие в авторской машинописи:

Утешителем незванным
Был сосед; занудой пьяным —
Проводник. Я — истуканом.

³⁵ В машинописи иной вариант, чем в книге «Древо времени»: Детства прошлого взамен.

³⁶ В машинописи иной вариант, чем в книге «Древо времени»: Мира завтрашнего рано.

³⁷ В книге «Древо времени» опубликована другая редакция стихотворения.

Ум — отгадчик, а сердце — пророк.
Только циник обмолвиться мог,
Что стихи — это способ разрядки...
Сколько раз в позабытой тетрадке
Вещий смысл обнаруживал срок.

И предчувствий мигающий свет,
Расшифрованный временем здраво,
Обретал окончательно правый,
Кристаллически стройный сюжет.

Я боюсь этой жизни во сне:
Ясновиденья собственной боли,
И всё реже не терпится мне
На бумагу рвануться, как в поле.

Страшно памятью жизнь постигать,
Безвозвратно ее понимая.
Настилать бесполезную гать
По трясине к минувшему маю.

Так на лодке трудяга-гребец,
Обращенный к движенью спиной,
Вдруг вперится в пейзаж за кормой
И его разглядит наконец.

Но уже далеко берега,
С тополями, с поляной ковровой,
И крестьяночка с карей коровой
Отвернувшись, уходит в луга.

³⁸ В автографе зачеркнута строфа:

Мужчина ищет чистоты моей,
Как земледелец — тающих полей,
По небу отороченных снегами,
И лжет губами,
И грозит глазами,
И прячется от собственных теней.

³⁹ Вариант последних трех строк:

И облака так низки и медовы,
Но каждый стих мой, как безотчий сын,
Единствен, горд и — невозможен снова.

⁴⁰ Вариант названия: «Письмо уехавшему другу».

⁴¹ А. Пикач цитирует другой вариант: Не рвется время,
как его ни рви.

⁴² В черновике последним трем строкам соответствуют шесть:

Наши смерти — озимая вспашка...
Как страшна этих циклов игра!
Как чудовищно слово игра
— В нем катаются звуки просторно
В пустоте полированной-черной,
Как четыре жемчужных шара.

⁴³ Незаконченные наброски, не составляющие единое художественное целое. Восстановлены по черновым автографам в рабочих блокнотах Галушко. Нумерация составителя.

⁴⁴ В некоторых вариантах с названием «Ракурс».

⁴⁵ В книге «Пушкинский календарь»: «Воспоминания в Детском Селе».

⁴⁶ В «Пушкинском календаре» вместо этой строки:

Вот видишь: яблоня стара,
Да семечко пребудет юным.
Оно, с плодом расставшись лунным,
Хранит все бывшее вчера.
От «гения» ли слово «ген»?

⁴⁷ Монастырь в Армении.

⁴⁸ Дата в списке: 1972.

⁴⁹ В автографе:

Что в римских кустах, заводимых
Движеньем руки незаметным,
Соловушка щелкает смертный
И пахнет листва нелюдимо.

⁵⁰ Другой вариант стихотворения опубликован Н. Слепаковой в журнале «Звезда» (1989, №9).

⁵¹ Коемужд (церк.-слав.; правильно: коемуждо) — каждому. Слово (в правильной форме) употреблено в 17-й строфе «Речи о пролитом молоке» Бродского

(14 января 1967). Л. Лосев предполагает, что «Бродскому это архаическое речение запомнилось по произведшей на него сильное впечатление в молодости «Поэмы горы» Цветаевой» (см. комментариев в кн.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 522).

⁵²Черновой вариант продолжения строфы:

Я не крикнула ей: «Ни за что!
Все равно подрасту и уеду».
Накануне над нами взошло
Милосердное небо победы.
Пахла розой его высота.
Я согрета была и сыта.
Год прошел. Я смеялась: «якши»,
Заплетала семнадцать косичек,
И смуглеющий голос души
Не сфальшивил бы в хоре таджичек.

⁵³Отброшенные полторы строфы:

Костенею на ощупь,
Отхожу в облаках,
Словно сизая роща
В почерневших горах.
И в разлюбленном мире
Странно только одно...

⁵⁴В 1978–1979 Галушко готовила выставку о Л. Н. Толстом. Ср. в письме Толстого письмо Н. Н. Страхову от 20 мая 1879: «Работа моя не работается, и я и ничего не делаю, и свободным временем не пользуюсь». Через несколько дней Толстой записывает в дневник: «[25 июня.] 24, 25 Июня. Ночи с ветром, дождь. На утро рывом дует. Овес треплется, как бешеный, как цыганка плечами».

⁵⁵Зачеркнуто:

Год закончен. Мои никудышны итоги.
Нет помину о новых идеях эпохи.

Дочь жалеет, что я не бухгалтер в Ленторге,
Мужу хочется в горы на собственной «Волге».

⁵⁶ Вариант: Голосом малиновым сказала.

⁵⁷ В автографе стихотворение начинается так:

Но в день, когда, как продавец шаров,
Под громыханье праздничных шагов,
Взглянув в глаза мгновенному ребенку,
Я воздухом дыханья своего
Наполню вдруг сверкающую пленку
И шар земной создам из ничего.

Когда я безвозвратно научусь
Горючим плачем поливать колосья
И синтаксис чужого безголося
Читать как собственную правду чувств,
Тогда в расцвете зрелости, как тот
[далее — как в основном тексте].

⁵⁸ В книге «Древо времени» опубликовано в сокращенном варианте. Настоящий вариант опубликован Н. Слепаковой в «Звезде» (1989, № 9).

⁵⁹ Поселок Песочный.

⁶⁰ В другом варианте поэма продолжалась так:

И выносливые по-волчьи
Подмастерья, вполне маститые,
Окруженные, как москитами,
Разной мелкой минутной сволочью.
Сволочь такая глядит и дружком
До некоторых пор.
И сочиняет стихи с душиком,
Похожие на сыр рокфор,
Отстукает на машинке
И хвастает у знакомых.
О, мыши дня! О, мошенники,
Шарящие в законах.

Лишь себя на земле приемля,
Вам бы только плевать на землю,
На нее моросить бы дождиком.
А писать о земле — художницам.
А писать про нее — художникам.

⁶¹ В другом варианте поэмы продолжение:

...возвращать слова
К их единому
номиналу,
К стихотворности
существа.

В кафе у кино «Баррикада»
Застольные речи тихи,
Ребятам из комбригады
Поэты читают стихи.
И девочки смотрят-молятся,
Ни шпротинки так и не съели.
Поэты — все комсомольцы,
Но каждый немножко — Сальери.
Читают, ревнуя друг друга
К искусству и правде искусства,
Ребята сидят полукругом,
И в рюмках высоких пусто.
Поэты — студенты и токари,
Таким толмачи не нужны.
Высокочастотными токами,
Одними и теми же строками
Их души напряжены.

Праздники — это праздность,
Угнетенье клеток,
Трепыханье плазмы,
Кильки и эклеры.

И разжаты вожжи,
И напиться вот как!
О, какие рожи
Проявляет водка.
О, какие души,
Бархатнее сажи!
Поливать их душем
Крепкого фиксажа.
И печатать крупно.
Кто их даст печатать?!*
О, мой неподкупный.
О, мой непочатый,
Как же в жизни рядом
Ты — и эти тоже?
Блеск твоих разрядов,
Сумрак этих торжищ?

В третьем варианте последний фрагмент:

Праздник — это право
Спать до пробужденья,
Просыпаться здорово,
Без предупрежденья.
Лыжи смазав, сразу
В электричку — с бою.
Ехать на турбазу
С лыжной голытьбою.
И вино из фляги,
И костры по снегу —
Поднятые к небу
Огненные флаги.

Вариант места, помеченного *:

С фаса или с крупа
Юмор непочатый.
Их печатать крупно.
Или — не печатать.

Не с кем.
Мимо — пращами,
мимо — минутами,
лунными дисками,
лицами смутными,
вовсе не близкими...
Мимо, мимо...

⁶⁶ В другом варианте поэмы первая глава начинается строфой (1–4 строки которой нашли свое место в 3-й главе), после которой следует «Озеро Щучье красиво»:

Там над водой непроворной
елки махровые мокры,
сыростью пахнут платформы,
рощи заляпаны охрой,
там одичалые дачи,
пляжа плешивое темя,
там,
и
нигде иначе,
место
моей
теме.

⁶⁷ В другом варианте поэмы дальше следовало:

И лихорадка осин,
И лихорадка дела —
Одной и той же оси
Возможные пределы.
За ними —
Зияет мороз.
Мертвая область минусов.
Сложно устроен мозг,
Сложней лабиринта Миноса;
Отданный не взаймы,
Становится тем, что сделано.

Ближе шаги зимы,
Тем обнаженной дерево.

⁶⁸ В другом варианте поэмы эта глава продолжается иначе:

Может быть, это слишком.
Кто-нибудь скажет с маху:
«Вот и венчай мальчишку
Шапкою Мономаха».

⁶⁹ В другом варианте поэмы:

Гении физики, химии гении
Ночью читают Хемингуэя
И на тревожных страницах Ремарка
Карандашом вырубают ремарки.
В опере их раздражает пение,
Нужен джаз для движения сил,
Не из влюбленного нетерпения
Ездят они на свиданье в такси —
Просто из недостатка времени.

—

Раньше было просто:
С люльки до погоста
Смертный не мерил мига,
Месяцы пас, как стадо,
Складывая пирамиды,
Летописи и грады.
Круто пришпорен к стремени,
В плуг запряженный прочно,
Он не был масштабом времени —
У времени был рабочим.
Жил не спеша и путано:
Спешка — удел изгоев.
Удел одержимого Ньютона,

Удел фанатика Гойи.
Монахи, купцы, копейницы
Выскачками несносными
Выпрыгивали в Коперники,
Делались Ломоносовыми,
Про них говорили метко:
«Опередившие время».
И время несло посмертно.
Несло их,
подняв
над всеми.

⁷⁰ В другом варианте поэмы на этом месте «Фантазия в старом стиле»:

Сосны — испанские гранды
Брабанта или Кастилии.
На randevу
с верандой.
Мы вас от дождя укроем,
Плащами укроем, донна.
Мигните только укромно
Оком своим оконным...

⁷¹ В рассказе Владимира Дудинцева «Новогодняя сказка».

⁷² В другом варианте поэмы эпилог таков:

Нет, бывшее не станет бытом.
Мы слишком сложно жили врозь,
Врозь наше чувство по орбитам,
По ослепительным влеклось,
И впредь ему — не остыванье,
Не отойти, едва задев,
А годы противостоянья
Разноускоренных судеб.

⁷³ Окончательного варианта поэмы не существует. Текст представляет собой попытку реконструкции, основанную на двух машинописных вариантах поэмы из фонда М. Борисовой (ЦГАЛИ СПб. Ф. 607. Оп. 1. Ед. хр. 554. ЛЛ. 1а—10), черновых записей в блокнотах Галушко и публикации в книге 2003 года.

⁷⁴ В черновике:

Я родилась в тот самый год...
Не ледоход, а трупоход
Застлал Россию тьмой распада.
И революций колыбель,
В январь шугнув меня, в метель,
Скрипела: «Закаляйся, чадо!» —

⁷⁵ В черновике вместо этой строки:

Всё поколение моё,
Рифмуя ёмко с буквой “ё”

⁷⁶ В черновике оставлены без окончания фрагменты, возможно, не поэмы, а отдельного, близкого тематически к ней стихотворения, написанного другим размером:

Выползайте, вылезайте, висо-вы-вайтесь,
Зверюшки, змеюшки проглоченных обид.
Обстоятельства места колючий контекст,
Как трава мостовую — бессонно долбит.

Ну и жуть! — думать обо всем этом.
Это хлёбово судьбы — что за корм для музыки!
С детства жжет меня внутри тем светом
Мозг — вернее, памяти жгучая медуза.

⁷⁷ В фонде М. Борисовой другой вариант:

«Унять! И в ясли, в коллектив!
Чтоб голодранка присмирела».

⁷⁸ В издании 2003 года глава имеет название: «У МА-МЫ НА СЛУЖБЕ, ОСЕНЬЮ 1942-го».

⁷⁹ В черновике:

... Только лица эти прозрачные
Вечно рядом со мной сквозят.

⁸⁰ В публикации 2003 года глава IV начинается:

А я всю жизнь — о частной жизни...
О праве на такую часть,
На верность родине, на власть
Далекой от нее отчизны.

⁸¹ В одном из вариантов машинописи из фонда М. Борисовой после следовало:

Терпимая, скрытная как раба,
Любила мужа, а он — себя.

⁸² В издании 2003 года эта глава восстановлена иначе.

⁸³ Начало главы до этого места публиковалось как отдельное стихотворение с датой 1988 в журнале «Нева».

В черновике, видимо, как продолжение темы корней (в книге 2003 года эти строки отнесены в главу о школе):

Каких земель, каких кровей
Мои неведомые предки:
Хохол, скобарь, чухна, еврей,
Сплетенные в полнеба ветки,
Пружинистая вязь корней.
Так неужели пренебречь
Мне их завещанною верой
И, заглушая кровь и речь,
Мир отмерять приказной мерой?

⁸⁴ Обрыв текста.

⁸⁵ В некоторых вариантах глава названа «Сон».

Алфавитный указатель произведений

- А ну, придвинься, это мой секрет, 220
А помнишь, мы жили с тобой (<ФРАГМЕНТЫ>, 2), 284
А прикурить от сигареты, 57
А этот город? Он — не вещей (СТИХИ
О КИШИНЕВЕ), 144
АВГУСТ (Его не выпросишь пожалуйста), 161
АВТОПОРТРЕТ БЕЗ ЗЕРКАЛА (Духовность облика?
Куда!), 393
АЛЕНУШКЕ (Я протянула палец ей), 62
АНДРОМЕДА (Всё видеть — но какой ценой), 166
Апостол Петр не предавал Христа, 52
АПРЕЛЬ (У музыки горной в заздравном апреле), 247
Апрель — прелестный враль (ФЕВРАЛЬ), 367
АПРЕЛЬ 1945 ГОДА (Весны целомудренны краски), 328
«Ау, ау» — в колодец, 82
Ах, если бы, если бы даром, 238
Ах, недаром, недаром, 329
Ах, сынок, я гляжу как в воду (ИМПРОВИЗАЦИИ
СЫНУ, 4), 271
Ах, я не хотела атласного тела (ПАМЯТИ Р., 3), 117
БАЛЛАДА (И потому, что холодные волны), 239
Без вас, как заглавные титры (ПЕРЕВАЛ), 303
Безгранично и пустынно, 51
БЕЛАЯ НОЧЬ (И все плывут машины поливные), 111
Белый свет, какой ты белый, 94
БИЛЬЯРД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ
(Что осталось? Кий да тусклых), 109
БЛАГОВЕЩЕНИЕ (Мокрые рубашки на веревке), 258
БЛОК И ПУШКИН (Рифмуя время в двух воротах
века), 320
Богатством не хвастают — прячут (ТРИПТИХ, III), 186
Большая комната глуха, 189
БОЛЬШАЯ ПТИЦА (Еще одна попутная душа), 93
Больше не могу такой любви, 95
Была Елена матерью моей (ИМЯ), 61
В апрельской природе, как в детском лице
(ПРЕОБРАЖЕНИЕ (Вариант из блокнота)), 397

В апрельской природе, как в детском лице
(ПРЕОБРАЖЕНИЕ), 396
В две слезы, поверх стекла (ВОКЗАЛ), 254
В детстве пейзажа холщовое диво, 405
В зрочках по скоморошинке, 67
В ОТПУСК (К телефону не подхожу. Меня уже нет), 353
В ОТПУСК В ЗАПОВЕДНИК (Словно тропе,
повинуясь лучу), 240
В пути моих усилий (ОСЕННИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ
В АРМЕНИИ), 213
В пятиминутном мире на столе (ЯНВАРЬ), 182
В расцвете лет и гения, как тот, 401
В сорок третьем году, в Душанбе, 325
В СТАРОЙ КВАРТИРЕ (Это правда, здесь были
тарелки на стенах и темный буфет), 360
В судьбе уже светит донышко, 335
В час отлива прибой, 39
В час, когда в моих веках погасла, 291
В ЭРМИТАЖЕ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЕ
ОБ ЭСТЕТИКЕ (Женщины Рубенса крупами), 68
В это утро сосновый, 268
В этот день (ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ), 184
ВАЛЕРИК (Отсыревшая бурка еще не сведенного
леса), 222
Вам Януса двулика судьба (Н.П. АКИМОВУ), 108
Вдали треугольные ямбы («ВОСПОМИНАНИЯ
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»), 295
Вернулись времена Гомера (СТИХИ, УСЛЫШАННЫЕ
ВО СНЕ И ЗАПИСАННЫЕ УТРОМ НАБЕЛО), 348
ВЕРШИНА (Лиловые, желтые, ржавые эти холмы), 383
ВЕСНА МИЦКЕВИЧА (Любое мгновение суток), 299
Весной пробуждаются души усопших (РАДУНИЦА), 387
Весны целомудренны краски (АПРЕЛЬ 1945 ГОДА), 328
Весь день валил непроходимый снег, 91
ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ (Качаясь в колоколе юбочки), 75
ВЕЧЕРНЯЯ ИСПОВЕДЬ ЖИВОПИСЦА МАРЬЯНО
ФОРТУНА САМОМУ СЕБЕ (Писал мадонн
с дощечками ладоней), 314

ВЗМОРЬЕ (Между зеленым и синим), 41
Влюблен в меня. Сквозь пыл и немоту, 235
ВНЕЗАПНЫЕ СТИХИ (Я не дразню и не мирю), 179
Во времена беззвучной засухи, 73
Вовек не к женщинам. Не им (РЕВНУЮ), 138
ВОДОЛЕЙ (Новорожденной жизни ковчег), 368
ВОЖАТЫЕ (Они всегда вдвоем. Вдоль полосы), 243
ВОЗВРАЩЕНИЕ (По стеклам стегает ветла), 358
ВОЗРАСТ (Иногда — очень редко — я вижу в теченье секунды), 312
ВОКЗАЛ (В две слезы, поверх стекла), 254
Вокруг — предметов — тысячи (МОЯ ДОЧЬ ГОВОРИТ), 63
Вокруг меня именами (ПАМЯТИ Р., 10), 121
Ворс такого сукна, побожусь (МАГЕЛЛАН. В ЛАВКЕ. 1519 ГОД), 188
«ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ» (Вдали треугольные ямбы), 295
Воспоминая казнит пустяком (МИНУТА), 376
ВОСХОЖДЕНИЕ (Речонки встречной чембало — вперед), 304
Вот он — образ расплаты (ИМПРОВИЗАЦИИ СЫНУ, 2), 269
Вот уж вправду — не из ребра (ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ), 79
Впервые за многие годы (НОЧЬЮ), 380
Впрягаюсь в гору, словно в арбу (ИМПРОВИЗАЦИИ ДЛЯ КАРО, 1), 306
Всё видеть — но какой ценой! (АНДРОМЕДА), 166
Все к скважине. Всяк со своим ключом, 125
Все увидела в собственном свете (НАД КНИГОЙ РОВЕСНИЦЫ), 349
Встреча / Была забыта (<ФРАГМЕНТЫ>, 3), 285
Вы замолчали, а для нас (СТИХИ ПЕРЕД ДОЖДЕМ), 355
Вы знаете, откуда этот страх, 115
ВЫБОРГ (Тут предел), 101
Вынь да положь (ОПУСТОШЕННОСТЬ), 124
Вьюга мчится вдоль кирпичных стен (МЕТЕЛЬ), 261

Вятский, детский, легкий, слуховой (ТРЕХРЯДКА), 379
ГАММА, 145
Генуэзская башня и берег картавый (СУДАК), 342
Глаза — два тяжких колоса (ПАМЯТИ Р., 5), 118
Говоришь хороша и смела? (УРОК ОБЩЕНИЯ), 395
Говорю успокойся, — а слезы смывают слова
(РАЗГОВОР), 311
Голландские печи с полкой-карнизом (ОСКОЛОК
ВПЕЧАТЛЕНИЯ), 236
Гора сложилась во мне, как зонтик, 217
Горе мое орущее, 98
Город, впадающий в море (РОДСТВО), 248
ГОРНОЕ КЛАДБИЩЕ (Не в землю, а в базальтовую
твердь), 356
Грохнулась я наземь (ПАМЯТИ Р., 2), 116
ГУРЗУФ (Три было неба о заре), 250
Давай уедем в другой город, 92
Далеко ходят парни в бушлатах под ливневым вестом
(САЛАКА), 85
ДВА СОНЕТА 85
ДЕКАБРИСТ (Что мне угодно?), 105
ДЕКАБРЬ (Отчего нас было много), 340
ДЕКАБРЬ (Развей мою печаль, веселый снег!), 174
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (В этот день), 184
День твоего рожденья тот же (МАТЕРИ), 331
Деревья — снежные фонтаны, 99
Для правды надо лгать (ПЕНЕЛОПА), 167
ДНЕВНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ (УПРАЖНЕНИЕ
ДЛЯ ЗЕРКАЛА, II), 205
ДО — еще под нижней лилией (ГАММА), 145
ДОГАДКА (Колумб Америку открыл), 55
ДОН КИХОТ (Он едет по придуманной стране), 156
ДОЧЕРИ (и вот я снова обретаю), 122
Дружба всегда права, 322
ДРУЗЬЯМ (Я уже не имею в виду), 333
Думала: союзник, июнь. Иуда!, 127
Духовность облика? Куда! (АВТОПОРТРЕТ
БЕЗ ЗЕРКАЛА), 393

ЕВАНГЕЛИЕ 1965, 157
Его не выпросишь пожалуйста (АВГУСТ), 161
Едва скворцов вернул апрель, 233
Есть вид одностороннего родства (СТАНСЫ), 242
Есть этот город. Вот чего, 142
Еще веранда словно палубка, 113
Еще одна попутная душа (БОЛЬШАЯ ПТИЦА), 93
Еще он был с утра рассеян (ПУШКИН И РИЗНИЧ), 106
Еще чего! Да ни за что, 391
ЖЕНА (Судачили уже тогда), 154
Женщины Рубенса крупами (В ЭРМИТАЖЕ,
ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ЭСТЕТИКЕ), 68
ЗА ВСЁ ЗАПЛАЧЕНО— НЕ ЗАБУДЬ!, 22
Забудь, перетерпи, переиначь, 88
ЗАГОВОР (На тихих облаках моих небес), 198
Закапаны слезами сны, 132
И в каком зачатом месте (ФРАГМЕНТЫ, 4), 285
И в последнем столетье на Невском проспекте, 345
И вовеки рук не вымою (ПАМЯТИ Р., 8), 119
И вот я снова обретаю (ДОЧЕРИ), 122
И все плывут машины поливные (БЕЛАЯ НОЧЬ), 111
И горько захотела я, 165
И звуками сопряжены, 181
И ночь еще до поединка (НАКАНУНЕ), 388
И первым было слово. Слово (ЕВАНГЕЛИЕ. 1965), 157
И потому, что холодные волны (БАЛЛАДА), 239
И только ты? И веселя, 54
И я очнулась на ветру горы, 159
Идут года, а выйдет год (ТРИПТИХ, I), 185
ИЗ БАБУШКИНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ (Найди
на склоне розовый шалфей), 323
ИЗ МЕЛЕАГРА, 321
ИМЕНА МОИХ ДЕТЕЙ (Имена моих детей), 260
Имена моих детей (ИМЕНА МОИХ ДЕТЕЙ), 260
ИМПРОВИЗАЦИИ ДЛЯ КАРО (1–5), 306
ИМПРОВИЗАЦИИ СЫНУ (1–5), 269
ИМПРОВИЗАЦИЯ В ДИЛИЖАНЕ (Небо ярче
и жестче), 212

ИМЯ (Была Елена матерью моей), 61
Иногда — очень редко — я вижу в течение секунды
(ВОЗРАСТ), 312
ИЮЛЬ (Птицы лелеют птенцов), 112
К телефону не подхожу. Меня уже нет (В ОТПУСК), 353
Как бешеный, как цыганка плечами, 344
Как будто не проем окна, 288
Как высоки деревья, 78
Как облачность под самолетом (ПЕРЕД
СВИДАНИЕМ), 90
Как про других — влюбился, 152
Как тяжело обнимает нас зима (КАЛЕНДАРЬ), 225
Какие в мире есть места!, 265
Какого урожая от любви (ИМПРОВИЗАЦИИ
СЫНУ, 5), 272
Какой красоты эти люди! Особенно свет (СЕМЕЙНЫЙ
ПОРТРЕТ ЭПОХИ ШЕКСПИРА), 406
Какой у меня голос? (МАГНИТОФОН), 60
КАЛЕНДАРЬ (Как тяжело обнимает нас зима), 225
КАРЕЛЬСКИЕ СТИХИ (Тут нелюдимая вода), 155
Качаясь в колоколе юбочки (ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ), 75
Клен — коньяк сентября, 339
Когда бы не привычка пить вино (ПРИЗНАНИЕ
ЯНУСУ), 209
Когда сквозь толпу и порошу, 227
Колумб Америку открыл (ДОГАДКА), 55
КОЛЫБКА (Спи, моя девочка), 64
Кому пожалуюсь? На что, 102
Кончено. Рухнуло древо, 407
Ладонями к твоим хочу лепиться (ДВА СОНЕТА, II), 86
Лиловые, желтые, ржавые эти холмы (ВЕРШИНА), 383
Лишь девочка. И вдруг — невеста (ПАМЯТИ Р., 4), 117
Любезный шурин! Я тревожу вас (ПИСЬМО П.), 318
Люблю королей Бенуа (ТРИАНОН. ПРОГУЛКА.
1898), 287
Люблю чужие города, 219
Люблю я этого поэта, 191
Любовь — как листву — оземь, 164

Любое мгновение суток (ВЕСНА МИЦКЕВИЧА), 299
Лясы точим? — Точим лезвия (ГАММА), 148
МАГЕЛЛАН. В ЛАВКЕ. 1519 ГОД (Ворс такого сукна,
побожусь), 365
МАГНИТОФОН (Какой у меня голос?), 60
Мало убийств в нашем веке проклятом (ЭПИТАФИЯ
КАРТИНЕ РЕМБРАНДТА ДАНАЯ), 350
Малыш, я в безболезненных стенах, 177
МАРИЯ (На левом боку), 419
МАРТ (Привыкнув к холодам), 197
МАТЕРИ (День твоего рожденья тот же), 331
МЕДЕЯ, 168
Между зеленым и синим (ВЗМОРЬЕ), 41
МЕТЕЛЬ (Вьюга мчится вдоль кирпичных стен), 261
МИ — перечеркнутый мой рот (ГАММА), 146
МИНУТА (Воспоминанье казнит пустяком), 376
МИРАЖ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ В НЕБЕ
(УПРАЖНЕНИЕ ДЛЯ ЗЕРКАЛА, I), 204
МИХАЙЛОВСКОЕ (Над озером туманен воздух), 195
Мне заново надо родиться, 263
Мокрые рубашки на веревке (БЛАГОВЕЩЕНИЕ), 258
МОЛДАВСКИЕ СТИХИ (Есть братья по крови,
по горю), 135
МОЯ ДОЧЬ ГОВОРИТ (Вокруг — предметов —
тысячи), 63
Мы по Ладогe ехали ночь напролет, 232
Н. П. АКИМОВУ (Вам Януса двулика судьба), 108
На горном склоне я видала серну
(ЧЕТВЕРОСТИШИЯ, I), 255
На дворе гульба чужая режет шелком, 337
На дворе моем, как на подворье, 123
На левом боку (МАРИЯ), 21
НА РАССВЕТЕ (Я к реке — спиной, и не вижу), 362
На тихих облаках моих небес (ЗАГОВОР), 11
НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ (Решетки этой почерк
отродясь), 175
НАД КНИГОЙ РОВЕСНИЦЫ (Все увидела
в собственном свете), 349

Над озером туманен воздух (МИХАЙЛОВСКОЕ), 11
Над озером, над Ильменем (РЫБАК), 5
Найди на склоне розовый шалфей
(ИЗ БАБУШКИНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ), 16
НАКАНУНЕ (И ночь еще до поединка), 388
Налей и скажи: За меня! (ИЗ МЕЛЕАГРА, 1), 321
Наперсница не чувства, а предчувствий (ПОДРУГЕ), 347
Нас уносит метро по железным подземным кругам, 286
Не в землю, а в базальтовую твердь (ГОРНОЕ
КЛАДБИЩЕ), 356
Не важно, что осень, не важно (ИМПРОВИЗАЦИИ
ДЛЯ КАРО, 2), 307
Не всякий плач родит беда, 234
Не оперенная пером, 221
Не поверю никогда, 257
Не расточай прохлад ему, тайга, 97
Не сердись, что внимаю немо
(ЧЕТВЕРОСТИШИЯ, II), 255
Не царь и не медный. Где там!, 150
Небо ярче и жестче (ИМПРОВИЗАЦИЯ
В ДИЛИЖАНЕ), 11
Нежней поляны и реки (УПОДОБЛЕНИЕ), 12
Некрасивый? — ну так что ж!, 244
Нет радости, а только облегченье, 290
Нет, только умирать не на виду, 382
Нет, эти пьесы — всё не то, 58
Неужто называть любовники, 56
Нимб почтового отделения, 413
...Но абрикосы над прудом, 10 192
Но ты мне час особенный назначь, 188
НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ ДЛЯ КАРО (Я вышла
наугад), 215
Новорожденной жизни ковчег (ВОДОЛЕЙ), 368
НОВЫЙ ВЗГЛЯД (У жизни больше нет), 377
НОЧНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ (УПРАЖНЕНИЕ
ДЛЯ ЗЕРКАЛА, III), 206
НОЧЬЮ (Впервые за многие годы), 380

ОСКОЛОК ВПЕЧАТЛЕНИЯ (Голландские печи
с полкой-карнизом), 236
О, иностранцы, как вам повезло!, 131
О, счастье — наши встречи праздновать, 66
О, только бы не довелось, 226
ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ (Сонные руки щекочут меня,
как котята), 44
ОКТЯБРЬ (Туманный день нарезан серебром), 196
Олег мой, олень мчащийся, 89
Он был мальчишка рыжий, 70
Он едет по придуманной стране (ДОН КИХОТ), 9
Они всегда вдвоем. Вдоль полосы (ВОЖАТЫЕ), 13
Они еще не ведают меня, 385
ОПУСТОШЕННОСТЬ (Вынь да положь), 124
ОСЕННИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ В АРМЕНИИ (В пути
моих усилий), 213
ОСКОЛОК ВПЕЧАТЛЕНИЯ (Голландские печи
с полкой-карнизом) 236
От нашей кровавой эпохи, 372
ОТВЕТ (Откуда я? Кончается на рад), 410
ОТВЕТ СЫНА (Страна без вас? Смотри. Я покажу), 301
Откажусь от тебя. Но еще не теперь
(<ФРАГМЕНТЫ>, 1), 284
Откуда я? Кончается на рад (ОТВЕТ), 410
Отлюбленные, все они во мне, 103
ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВЕ (УПРАЖНЕНИЕ
ДЛЯ ЗЕРКАЛА, IV), 207
ОТРАЖЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ (УПРАЖНЕНИЕ
ДЛЯ ЗЕРКАЛА, V), 208
Отсыревшая бурка еще не сведенного леса
(ВАЛЕРИК), 12
Оттолкни меня, 96
Отчего нас было много (ДЕКАБРЬ), 340
ПАМЯТИ Р. (1–9), 166
ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ (Вот уж вправду —
не из ребра), 79
ПАМЯТНИК БОЕВОЙ СЛАВЫ НА ИВАНОВСКИХ
ПОРОГАХ (Экскаватор черпал горстью), 230

ПЕНЕЛОПА (Для правды надо лгать...), 167
Переболит, и будут оспины, 87
ПЕРЕВАЛ (Без вас, как заглавные титры), 303
ПЕРЕД СВИДАНИЕМ (Как облачность
под самолётом), 90
ПЕСНЯ (Это майская трава), 256
Печальной речи темное питье (ИЗ МЕЛЕАГРА, 2), 321
Писал мадонн с дощечками ладоней (ВЕЧЕРНЯЯ
ИСПОВЕДЬ ЖИВОПИСЦА МАРЬЯНО ФОРТУНА
САМОМУ СЕБЕ), 314
Письма как стихи, — собственноручно, 392
ПИСЬМО (Разлука не страшит. Наоборот. Дразня), 252
ПИСЬМО П. (Любезный шурин! Я тревожу вас), 318
Пить на ночь кофе и считать потери, 190
ПЛОХОЕ ЛЕТО (Речка Луга крахмального цвета), 398
По стеклам стегает ветла (ВОЗВРАЩЕНИЕ), 358
По тебе (ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ, I), 417
По улицам, не помнящим родства (СТАНСЫ 1980
ГОДА), 346
Поверхность ровная блестела (ПОЭТ), 50
Погасли свечи тихие чинар (ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ), 246
Под влажной веткой жасмина, 338
Под влажным небом все слезоточивы
(ИМПРОВИЗАЦИИ ДЛЯ КАРО, 3), 308
ПОДРУГЕ (Наперсница не чувства, а предчувствий), 347
Поедем к Тюриным, Каро, 415
ПОЕДИНОК (Устройство старины зеркально), 363
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ (Погасли свечи тихие чинар), 246
Полглотка пригублю от беды, 100
Поле крещенное (1942), 42
Полночь. Я прислушиваюсь. Дождь, 245
ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ (I-II), 417
Последний снег на первый снег похож, 237
Посмотри, какое утро, 343
ПОЭМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ, 423
ПОЭТ (Поверхность ровная блестела), 50
Представь себе, всё еще — да, 313

ПРЕОБРАЖЕНИЕ (В апрельской природе,
как в детском лице), 396
ПРЕОБРАЖЕНИЕ (Вариант из блокнота)
(В апрельской природе, как в детском лице), 397
— Привет!— Ого! А ты всё краше, 128
Привыкнув к холодам (МАРТ), 197
ПРИЗНАНИЕ ЯНУСУ (Когда бы не привычка пить
вино), 209
Про Соснору говорят, 74
ПРОГУЛКА (Там, где небо в конце зимы), 276
Прожитого — не исправить, 332
Прозрачный парк прозрачно пуст, 84
Прошлое — миф, а не время, 317
Прощаемся... А я замру, 228
Прощай. Мы не расстанемся уже (ПРОЩАНИЕ
С ДРУГОМ), 274
ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ (Прощай. Мы не расстанемся
уже), 274
Птицы лелеют птенцов (ИЮЛЬ), 112
Путь непроезжий жги полозьями (РАЗМЫШЛЕНИЕ
У КАРТИНЫ СУРИКОВА), 267
ПУШКИН И РИЗНИЧ (Еще он был с утра рассеян), 106
РАДУНИЦА (Весной пробуждаются души усопших), 387
Развей мою печаль, веселый снег! (ДЕКАБРЬ), 174
РАЗГОВОР (Говорю успокойся,— а слезы смывают
слова), 311
Разлука не страшит. Наоборот. Дразня (ПИСЬМО), 252
РАЗМЫШЛЕНИЕ У КАРТИНЫ СУРИКОВА (Путь
непроезжий жги полозьями), 267
Ребенок, красный мой ребенок (ГАММА), 146
РЕВНУЮ (Вовек не к женщинам. Не им), 138
Река в низине. Рощица окрест, 298
РЕПЛИКА В СПОРЕ (Свое детство не люблю.
И позволь), 374
Речка Луга крахмального цвета (ПЛОХОЕ ЛЕТО), 398
Речонки встречной чембало — вперед
(ВОСХОЖДЕНИЕ), 304
РЕЧЬ ОВДОВЕВШЕЙ МУЗЫ (Это вовсе не портрет), 389

Решетки этой почерк отродясь (НАБЕРЕЖНАЯ
МОЙКИ), 175
РИГА (Сама с собой играю в заграницу), 133
Рифмуя время в двух воротах века (БЛОК
И ПУШКИН), 320
РОДСТВО (Город, впадающий в море), 248
Русское веселье, 373
РЫБАК (Над озером, над Ильменем), 80
С тех пор как в мире родился сынок, 273
Сады облезли, словно хвост павлина, 324
САЛАКА (Далеко ходят парни в бушлатах
под ливне-вым вестом), 81
Сама с собой играю в заграницу (РИГА), 133
Свое детство не люблю. И позволь (РЕПЛИКА
В СПОРЕ), 374
СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ ШЕКСПИРА (Какой
красоты эти люди! Особенно свет), 406
СЕНТЯБРЬ (Скупые маковки церквей), 114
СИЯй, моя зеленая река (ГАММА), 149
Скупые маковки церквей (СЕНТЯБРЬ), 114
Словно тропе, повинюсь лучу (В ОТПУСК
В ЗАПОВЕДНИК), 240
Случайно ли темень и вьюга (ХАРАКТЕРЫ), 251
Сменила осень чайный цвет
(ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА), 399
СМЕРТЬ СЕНЕКИ («Тебе пора», —
приказывает царь), 351
СОЛЬ уравнивает всё (ГАММА), 147
Сон был невиданный, но явственный, 200
Сонные руки щекочут меня, как котята (ОДИН ДЕНЬ
ЖИЗНИ), 44
Спи, моя девочка (КОЛЫБКА), 64
СТАНСЫ (Есть вид одностороннего родства), 242
СТАНСЫ 1980 ГОДА, 346
ГОДА (По улицам, не помнящим родства), 346
СТИХИ О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ (Той
революции искорка — Сороть), 327

СТИХИ О КИШИНЕВЕ (А этот город?
Он — не вещей), 144

СТИХИ О ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЕ (Я вымру,
как эллинский город), 282

СТИХИ ПЕРЕД ДОЖДЕМ (Вы замолчали, а для нас), 355

СТИХИ, УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ И ЗАПИСАННЫЕ
УТРОМ НАБЕЛО (Вернулись времена Гомера), 348

Страна без вас? Смотри. Я покажу (ОТВЕТ СЫНА), 301

Ступила на камень — и кожей (ИМПРОВИЗАЦИИ
СЫНУ, 1), 269

СУДАК (Генуэзская башня и берег картавый), 342

Судачили уже тогда (ЖЕНА), 154

Так ёкает цепная лодка, 83

Там, где небо в конце зимы (ПРОГУЛКА), 276

ТАТЬЯНА (Эта книга в стихах сложена), 403

Тебе в океане пресно (ТРИПТИХ, II), 186

«Тебе пора», — приказывает царь (СМЕРТЬ
СЕНЕКИ), 351

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА (Сменила осень чайный
цвет), 399

Теперь я обхожусь без черновых, 371

Теперь я служу, убежав суеты, 293

То ли вечер крошёной слюдой, 280

Тоamna! Как птицам корму, 162

Той революции искорка — Сороть (СТИХИ
О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ), 327

ТРЕХРЯДКА (Вятский, детский, легкий, слуховой), 379

Три было неба о заре (ГУРЗУФ), 250

ТРИАНОН. ПРОГУЛКА. 1898. (Люблю королей
Бенуа), 287

ТРИПТИХ (I–III), 185

Туманный день нарезан серебром (ОКТЯБРЬ), 196

Тут нелюдимая вода (КАРЕЛЬСКИЕ СТИХИ), 155

Тут предел (ВЫБОРГ), 101

Ты говоришь, что до зубов, 129

Ты улетаешь сразу и спроста, 202

Ты ошибался: многословен гнев, 279

Ты похож на куст лимонный (ИМПРОВИЗАЦИИ
ДЛЯ КАРО, 4), 309
Ты прав. Есть право только на сонет
(ДВА СОНЕТА, I), 85
Ты сказал бы Не будь плаксивой!, 126
1942 (Поле крещенное), 42
У жизни больше нет (НОВЫЙ ВЗГЛЯД), 377
У тополей невысказанная статья (ИМПРОВИЗАЦИИ
ДЛЯ КАРО, 5), 310
Уж если голосом твоим, 408
Ум — отгадчик, а сердце — пророк, 264
Упало одно дерево (ПАМЯТИ Р., 1), 116
Уплыл через Разлив (ПАМЯТИ Р., 7), 119
УПОДОБЛЕНИЕ (Нежней поляны и реки), 218
УПРАЖНЕНИЕ ДЛЯ ЗЕРКАЛА (I–V), 204
УРОК ОБЩЕНИЯ (Говоришь хороша и смела?), 395
Устройство старины зеркально (ПОЕДИНОК), 363
Утешает в тоске об исходе, 409
ФАкелы — прекрасно! — на Ростральных (ГАММА), 147
ФЕВРАЛЬ (Апрель — прелестный враль), (1–4), 367
<ФРАГМЕНТЫ> 284
ХАРАКТЕРЫ (Случайно ли темень и вьюга), 251
Хоть лето исчерпало честно, 163
Хочу быть твоей лодкой, 134
Хочу не понимать. Что словари, 137
Чадо мое, чудо, 65
Чем бездыханнее мы пишем, 224
Чем дальше сплющивался юг, 296
Чернорабочая ночная, 386
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (I–II), 255
Четырехстопный стук ночных копыт, 336
Что ж, и родину давал мне взаймы?! (ПОСЛЕДНИЕ
СТИХИ, II), 418
Что имена теперь? (ИМПРОВИЗАЦИИ СЫНУ, 3), 270
Что мне угодно? (ДЕКАБРИСТ), 105
Что осталось? Кий да тусклых (БИЛЬЯРД ПУШКИНА
В МИХАЙЛОВСКОМ), 109
Чужая (что было, то сплыло), 140

Чужой ты мне! Иди и странствуй, 203
Экскаватор черпал горстью (ПАМЯТНИК БОЕВОЙ
СЛАВЫ НА ИВАНОВСКИХ ПОРОГАХ), 230
Электрическими глазами, 104
ЭПИТАФИЯ КАРТИНЕ РЕМБРАНДТА ДАНАЯ
(Мало убийств в нашем веке проклятом), 350
(Мало убийств в нашем веке проклятом), 350
Эта книга в стихах сложена (ТАТЬЯНА), 403
Эти медленные реки, 193
Это вовсе не портрет (РЕЧЬ ОВДОВЕВШЕЙ МУЗЫ), 389
Это майская трава (ПЕСНЯ), 256
Это правда, здесь были тарелки на стенах и темный
буфет (В СТАРОЙ КВАРТИРЕ), 360
Я видела его во сне, 294
Я вымру, как эллинский город (СТИХИ
О ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЕ), 282
Я выхожу из окруженья, 72
Я вышла наугад (НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ
ДЛЯ КАРО), 215
Я дома третий день подряд, 229
Я из тех, кто теряет, из тех, кто теряет
(ПАМЯТИ Р., 6), 118
Я к реке — спиной, и не вижу (НА РАССВЕТЕ), 362
Я не девочка, чтобы гадать, 253
Я не дразню и не мирю (ВНЕЗАПНЫЕ СТИХИ), 179
Я не умею быть верна, 178
Я протянула палец ей (АЛЕНУШКЕ), 62
Я уже не имею в виду (ДРУЗЬЯМ), 333
Я, как Мария Петровых, 370
ЯНВАРЬ (В пятиминутном мире на столе), 182

ОГЛАВЛЕНИЕ

Татьяна Нешумова. «Одиночество слуха и речи...».....3

СТИХОТВОРЕНИЯ

В час отлива прибой	39
ВЗМОРЬЕ.....	41
1942	42
ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ	44
ПОЭТ.....	50
Безгранично и пустынно.....	51
Апостол Петр не предавал Христа.....	52
И только ты? И веселя.....	54
ДОГАДКА.....	55
Неужто называть любовники	56
А прикурить от сигареты.....	57
Нет, эти пьесы — всё не то.....	58
МАГНИТОФОН	60
ИМЯ.....	61
АЛЕНУШКЕ	62
МОЯ ДОЧЬ ГОВОРИТ	63
КОЛЫБКА.....	64
Чадо мое, чудо.....	65
О, счастье — наши встречи праздновать.....	66
В зрачках по скоморошинке	67
В ЭРМИТАЖЕ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЕ	
ОБ ЭСТЕТИКЕ	68
Он был мальчишка рыжий	70
Я выхожу из окруженья.....	72
Во времена беззвучной засухи.....	73
Про Соснору говорят	74
ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ.....	75
Как высоки деревья	78
ПАМЯТИ ЦВЕТАЕВОЙ	79
РЫБАК.....	80
САЛАКА.....	81
Ау, ау — в колодец.....	82

Так ёкает цепная лодка	83
ИЗ СТИХОВ ОЛЕГУ ТАРУТИНУ	84
Прозрачный парк прозрачно пуст	84
ДВА СОНЕТА	85
I. Ты прав. Есть право только на сонет	85
II. Ладонями к твоим хочу лепиться	86
Переболит, и будут оспины	87
Забудь, перетерпи, переиначь	88
Олег мой, олень мчащийся	89
ПЕРЕД СВИДАНИЕМ	90
Весь день валил непроходимый снег	91
Давай уедем в другой город	92
БОЛЬШАЯ ПТИЦА	93
Белый свет, какой ты белый	94
Больше не могу такой любви	95
Оттолкни меня	96
Не расточай прохлад ему, тайга	97
Горе мое орущее	98
Деревья — снежные фонтаны	99
Полглотка пригублю от беды	100
ВЫБОРГ	101
Кому пожалуюсь? На что	102
Отлюбленные, все они во мне	103
Электрическими глазами	104
ДЕКАБРИСТ	105
ПУШКИН И РИЗНИЧ	106
Н. П. АКИМОВУ	108
БИЛЬЯРД ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ	109
БЕЛАЯ НОЧЬ	111
ИЮЛЬ	112
Еще веранда словно палубка (до 1966)	113
СЕНТЯБРЬ	114
Вы знаете, откуда этот страх *	115
ПАМЯТИ Р.	166
Упало одно дерево	116
Грохнулась я наземь	116
Ах, я не хотела атласного тела	117
Лишь девочка. И вдруг — невеста	117

* Стихотворение написано Татьяной Калининой (прим. 2020 года).

Глаза — два тяжких колоса	118
Я из тех, кто теряет, из тех, кто теряет	118
Уплыл через Разлив.....	119
И вовеки рук не вымою.....	119
Вокруг меня именами	121
ДОЧЕРИ	122
На дворе моем, как на подворье.....	123
ОПУСТОШЕННОСТЬ	124
Все к скважине. Всяк со своим ключом.....	125
Ты сказал бы: Не будь плаксивой.....	126
Думала: союзник, июнь. Иуда	127
— Привет! — Ого! А ты всё краше	128
Ты говоришь, что до зубов	129
О, иностранцы, как вам повезло!.....	131
Закапаны слезами сны	132
РИГА.....	133
Хочу быть твоей лодкой!.....	134
МОЛДАВСКИЕ СТИХИ	135
Хочу не понимать. Что словари!.....	137
РЕВНУЮ.....	138
Чужая (что было, то сплыло).	140
Есть этот город. Вот чего.....	142
СТИХИ О КИШИНЕВЕ	144
ГАММА.....	145
ДО — / еще под нижней линией.....	145
РЕбенок, красный мой ребенок	146
МИ — перечеркнутый мой рот.....	146
ФАкелы — прекрасно! — на Ростральных.....	147
СОЛЬ уравнивает всё	147
ЛЯсы точим? — Точим лезвия.....	148
СИяй, моя зеленая река	149
Не царь и не «медный». Где там!.....	150
Как про других — влюбился	152
ЖЕНА	154
КАРЕЛЬСКИЕ СТИХИ	155
ДОН КИХОТ	156
ЕВАНГЕЛИЕ 1965	157
И я очнулась на ветру горы	159

АВГУСТ	161
Тоamna! Как птицам корму	162
Хоть лето исчерпало честно	163
Любовь — как листву — оземь	164
И горько захотела я.....	165
АНДРОМЕДА	166
ПЕНЕЛОПА.....	167
МЕДЕЯ.....	168
ДЕКАБРЬ.....	174
НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ	175
Малыш, я в безболезненных стенах	177
Я не умею быть верна.....	178
ВНЕЗАПНЫЕ СТИХИ.....	179
И звуками сопряжены.....	181
ЯНВАРЬ.....	182
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	184
ТРИПТИХ.....	185
I. Идут года, а выйдет год	185
II. Тебе в океане пресно.....	186
III. Богатством не хвастают — прячут	186
Но ты мне час особенный назначь.....	188
Большая комната глуха.....	189
Пить на ночь кофе и считать потери	190
Люблю я этого поэта	191
...Но абрикосы над прудом	192
Эти медленные реки	193
МИХАЙЛОВСКОЕ.....	195
ОКТЯБРЬ.....	196
МАРТ	197
ЗАГОВОР	198
Сон был невиданный, но явственный	200
Ты отлетаешь сразу и спроста.....	202
Чужой ты мне! Иди и странствуй	203
УПРАЖНЕНИЕ ДЛЯ ЗЕРКАЛА.....	204
I. МИРАЖ, ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ В НЕБЕ	204
II. ДНЕВНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ	205
III. НОЧНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ	206
IV. ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВЕ	207
V. ОТРАЖЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ.....	208

ПРИЗНАНИЕ ЯНУСУ	209
ИМПРОВИЗАЦИЯ В ДИЛИЖАНЕ.....	212
ОСЕННИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ В АРМЕНИИ	213
НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ ДЛЯ КАРО	215
Гора сложилась во мне, как зонтик.....	217
УПОДОБЛЕНИЕ	218
Люблю чужие города.....	219
А ну, придвинься, это мой секрет	220
Не оперенная пером	221
ВАЛЕРИК.....	222
Чем бездыханнее мы пишем.....	224
КАЛЕНДАРЬ.....	225
О, только бы не довелось.....	226
Когда сквозь толпу и порошу *	227
Прощаемся... А я замру *	228
Я дома третий день подряд *	229
ПАМЯТНИК БОЕВОЙ СЛАВЫ	
НА ИВАНОВСКИХ ПОРОГАХ	230
Мы по Ладоге ехали ночь напролет	232
Едва скворцов вернул апрель.....	233
Не всякий плач родит беда	234
Влюблен в меня. Сквозь пыл и немоту	235
ОСКОЛОК ВПЕЧАТЛЕНИЯ	236
Последний снег на первый снег похож	237
Ах, если бы, если бы даром.....	238
БАЛЛАДА	239
В ОТПУСК В ЗАПОВЕДНИК	240
СТАНСЫ	242
ВОЖАТЫЕ	243
Некрасивый? — ну так что ж!	244
Полночь. Я прислушиваюсь. Дождь	245
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ	246
АПРЕЛЬ	247
РОДСТВО	248
ГУРЗУФ.....	250
ХАРАКТЕРЫ	251
ПИСЬМО	252
Я не девочка, чтобы гадать	253

* Стихотворения написаны Татьяной Калининой (прим. 2020 года).

В две слезы, поверх стекла	254
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	255
I. На горном склоне я видала серну	255
II. Не сердись, что внимаю немо	255
ПЕСНЯ.....	256
Не поверю никогда.....	257
БЛАГОВЕЩЕНИЕ.....	258
ИМЕНА МОИХ ДЕТЕЙ	260
МЕТЕЛЬ	261
Мне заново надо родиться.....	263
Ум — отгадчик, а сердце — пророк	264
Какие в мире есть места!	265
РАЗМЫШЛЕНИЕ У КАРТИНЫ СУРИКОВА	267
ИМПРОВИЗАЦИИ СЫНУ	269
1. Ступила на камень — и кожей	269
2. Вот он — образ расплаты	269
3. Что имена теперь?	270
4. Ах, сынок, я гляжу как в воду.....	271
5. Какого урожая от любви.....	272
ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ.....	274
ПРОГУЛКА.....	276
Ты ошибался: многословен гнев.....	279
То ли вечер крошёной слюдой	280
СТИХИ О ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЕ.....	282
<ФРАГМЕНТЫ>.....	284
1. Откажусь от тебя. Но еще не теперь.....	284
2. А помнишь, мы жили с тобой	284
3. Встреча / Была забыта.....	285
4. И в каком зачатом месте	285
Нас уносит метро по железным подземным кругам	286
ТРИАНОН. ПРОГУЛКА. 1898.	287
Как будто не проем окна	288
Нет радости, а только облегченье	290
В час, когда в моих веках погасла	291
Теперь я служу, убежав суеты	293
Я видала его во сне.....	294
«ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»	295

Чем дальше сплющивался юг	296
Река в низине. Рощица окрест.....	298
ВЕСНА МИЦКЕВИЧА.....	299
ОТВЕТ СЫНА.....	301
ПЕРЕВАЛ	303
ВОСХОЖДЕНИЕ.....	304
ИМПРОВИЗАЦИИ ДЛЯ КАРО	306
1. Впрягаюсь в гору, словно в арбу.....	306
2. Не важно, что осень, не важно.....	307
3. Под влажным небом все слезоточивы	308
4. Ты похож на куст лимонный	309
5. У тополей немислимая статья.....	310
РАЗГОВОР	311
ВОЗРАСТ	312
Представь себе, всё еще — да!.....	313
ВЕЧЕРНЯЯ ИСПОВЕДЬ ЖИВОПИСЦА МАРЬЯНО ФОРТУНА САМОМУ СЕБЕ	314
Прошлое — миф, а не бремя	317
ПИСЬМО П.	318
БЛОК И ПУШКИН	320
ИЗ МЕЛЕАГРА.....	321
1. Налей и скажи: «За меня!»	321
2. Печальной речи темное питье.....	321
Дружба всегда права	322
ИЗ БАБУШКИНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ	323
Сады облезли, словно хвост павлина.....	324
В сорок третьем году, в Душанбе	325
СТИХИ О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ	327
АПРЕЛЬ 1945 ГОДА	328
Ах, недаром, недаром	329
МАТЕРИ.....	331
Прожитого — не исправить	332
ДРУЗЬЯМ.....	333
В судьбе уже светит донышко.....	335
Четырехстопный стук ночных копыт	336
На дворе гульба чужая режет шелком	337
Под влажной веткой жасмина	338
Клен — коньяк сентября	339

ДЕКАБРЬ.....	340
СУДАК.....	342
Посмотри, какое утро	343
Как бешеный, как цыганка плечами	344
И в последнем столетье на Невском проспекте.....	345
СТАНСЫ 1980 ГОДА	346
ПОДРУГЕ	347
СТИХИ, УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ И ЗАПИСАННЫЕ УТРОМ НАБЕЛО	348
НАД КНИГОЙ РОВЕСНИЦЫ.....	349
ЭПИТАФИЯ КАРТИНЕ РЕМБРАНДТА «ДАНАЯ».....	350
СМЕРТЬ СЕНЕКИ.....	351
В ОТПУСК	353
СТИХИ ПЕРЕД ДОЖДЕМ	355
ГОРНОЕ КЛАДБИЩЕ	356
В СТАРОЙ КВАРТИРЕ	360
НА РАССВЕТЕ.....	362
ПОЕДИНОК.....	363
МАГЕЛЛАН В ЛАВКЕ. 1519 ГОД	365
ФЕВРАЛЬ	367
ВОДОЛЕЙ	368
Я, как Мария Петровых.....	370
Теперь я обхожусь без черновых.....	371
От нашей кровавой эпохи.....	372
Русское веселье	373
РЕПЛИКА В СПОРЕ	374
МИНУТА.....	376
НОВЫЙ ВЗГЛЯД.....	377
ТРЕХРЯДКА	379
НОЧЬЮ	380
Нет, только умирать не на виду	382
ВЕРШИНА	383
Они еще не ведают меня.....	385
Чернорабочая ночная.....	386
РАДУНИЦА.....	387
НАКАНУНЕ	388
РЕЧЬ ОВДОВЕВШЕЙ МУЗЫ.....	389

Еще чего! Да ни за что.....	391
Письма как стихи, — собственноручно	392
АВТОПОРТРЕТ БЕЗ ЗЕРКАЛА	393
УРОК ОБЩЕНЬЯ.....	395
ПРЕОБРАЖЕНИЕ.....	396
ПРЕОБРАЖЕНИЕ (Вариант из блокнота).....	397
ПЛОХОЕ ЛЕТО	398
ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА.....	399
В расцвете лет и гения, как тот	401
ТАТЬЯНА	403
В детстве пейзажа холщовое диво	405
СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ ШЕКСПИРА	406
Кончено. Рухнуло дерево	407
Уж если голосом твоим.....	408
Утешает в тоске об исходе	409
ОТВЕТ.....	410
Нимб почтового отделения	413
Поедем к Тюриным, Каро!	415
ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ	417
I. По тебе.....	417
II. Что ж, и родину давал мне взаймы?!	418
МАРИЯ.....	419

ПОЭМЫ

ПОЭМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ	423
ЗА ВСЁ ЗАПЛАЧЕНО — НЕ ЗАБУДЬ!	437

М.В. Бокариус. Вместо эпилога.....	446
------------------------------------	-----

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ И НЕКОТОРЫЕ

ВАРИАНТЫ	451
-----------------------	-----

От составителей

Эта книга давно ждала своего часа. Собранные вместе рукописные и машинописные листы с текстами Татьяны Кузьминичны Галушко (теперь бóльшая их часть хранится в ЦГАЛИ СПб) показали масштаб ее поэтического дарования, значительность ее литературоведческих исследований. Мы очень рады, что с выходом книги у читателя появляется возможность узнать большого истинного поэта.

Татьяна Кузьминична Галушко работала во Всероссийском (тогда — Всесоюзном) музее А. С. Пушкина почти тридцать лет. Она была создателем постоянных экспозиций и замечательных выставок, посвященных русским писателям и поэтам (В. А. Жуковскому, Л. Н. Толстому и др.), автором книг и статей, посвященных истории русской литературы и культуры.

Публикация книги стала возможной только благодаря помощи и поддержке детей Татьяны Кузьминичны — Тиграна и Армена Санасарян и Елены Рыбиной. Выражаем также благодарность И. А. Ахметьеву и сотрудникам музея В. С. Козловской, Д. Ю. Мазуренко, Е. В. Пролет, Н. Б. Смирновой, Е. А. Вайнеровой.

Для заметок

Для заметок

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)5
Г15

Галушко Т. К.

Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста, комментарии Т. Ф. Нешумовой; Послесл., сост. М. В. Бокариус. — СПб.: WINDROSE, 2018. — 496 с. , [16] с. ил., [7] прикл.

ISBN 978-5-906634-03-0

Татьяна Кузьминична Галушко
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Художник София Шахвердова
Верстка Ирина Михайлова
Корректор А. С. Лобанова

Подготовлено и отпечатано
в Design Studio WINDROSE и типографии «XXIV линия»
s5449192@yandex.ru
www.wrxxiv.ru

